

Н. Ф. КОТЛЯР

КНЯЖЕСКАЯ СЛУЖБА В КИЕВСКОЙ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Н. Ф. КОТЛЯР

КНЯЖЕСКАЯ СЛУЖБА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Санкт-Петербург
«Наука»
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
К73

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Е. А. Мельникова*
доктор исторических наук *Б. В. Черкас*

Котляр Н. Ф. Княжеская служба в Киевской Руси. — СПб.: Наука, 2017. — 242 с.

ISBN 978-5-02-039668-5

Книга Н. Ф. Котляра посвящена истории княжеского двора в Киевской Руси — политического, экономического и символического центра древнерусской державы. Автор показывает, как из княжеских дружинников раннесредневекового государства постепенно складывался сложный, многоуровневый механизм управления. В книге рассказывается о том, кто окружал князей Рюриковичей на советах и княжеских съездах, на войне и в повседневной жизни. Подробно освещены церемониал и этикет княжеского двора, придворные развлечения — охота, выступления певцов, пиры и ристалища.

ISBN 978-5-02-039668-5

© Котляр Н. Ф., 2017
© Издательство «Наука», 2017
© Палей П., оформление, 2017

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Уже давно среди историков стали обыденными слова: «Корни славянства теряются в глубине веков» — или же близкие к ним. И это в общем верно, до сих пор не существует возможности даже приблизительно определить отправной пункт необозримого и безгранично длительного исторического пути развития славян. Неизвестно даже, когда славяне выделились в особый этнос из громадного этнокультурного массива, его составляли их пращуры вместе с балтами и другими древними пранародами, и когда они появились на европейском пространстве.

Возникновение первых государственных образований. Точно так же невозможно ответить на другой вопрос: когда родились первые протогосударственные объединения в восточнославянской среде? Древнейшая из сохранившихся летопись «Повесть временных лет» Нестора застает славян в процессе расселения по восточноевропейской равнине с территории их общей прародины,¹ естественным образом наибольшее внимание уделяя славянам восточным.

«Тако же и те словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане,... словѣни же сѣдоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ [словены], и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ.

А друзии сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь. И тако разидеся словѣньский языкъ [народ], тѣм же и грамота прозвася словѣньская».²

Современные историки и археологи в общем согласны с мнением, что поляне, древляне и другие общности русских людей, которых Нестор называет «родами», представляли собой союзы племен и племенные княжения восточных славян. В процессе развития они заложили фундамент древнерусской государственности. А вот что представляла собой эта государственность, особенно на начальной стадии ее бытия?

Обстоятельства и само время рождения Древнерусского государства, его историки называют Киевской или Древней Русью, а летописцы именовали Русской землей или просто Русью, остаются не вполне ясными. Это притом, что уже больше двухсот лет проблематика истории Руси пребывает в фокусе исследовательского внимания ученых многих стран и народов. Создано немало обобщающих трудов, достаточно вспомнить соответствующие тома историй М. М. Карамзина, М. С. Грушевского, С. В. Соловьева, В. И. Ключевского, книги Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко и других. Однако все они посвящены собственно *истории* Киевской Руси, политической, социально-экономической и культурной. Становление же, развитие *государственности* и *власти* оставались в трудах многих историков как бы на втором плане.

Многу рассматриваются социальная сущность и природа государства, княжеской власти, дружинной и боярской службы, их место в становлении и динамическом развитии страны, порядки передачи верховной власти (в частности, законы и практика престолонаследования), складывание административного и судебного, на первых порах примитивных, аппаратов. Достаточно внимания уделено самому характеру верховной власти в стране, единоличной и совместной (дуумвираты, триумвираты, коллективный сюзеренитет) формам правления на Руси.

Главным и в большинстве случаев единственным источником исследования процессов образования восточнославянского государства и государственной власти на Руси до сих пор

остается летопись. Многолетнее изучение знаменитого этно-географического вступления к «Повести временных лет» привело ученых к выводу, что летописец (летописцы) воссоздал в развитии картину расселения славян на пространстве Восточной Европы, сплочения племен в союзы, далее перерастания крупнейших среди них (полян, северян, волынян, дулебов и др.) в объединения стадияльно высшего типа, племенные княжения. Эти процессы и явления охватывают конец V—первую половину IX в. Возникновение и развитие частной собственности (со временем и на землю), связанное с ним имущественное и социальное расслоение общества стали, на мой взгляд, одним из главных факторов перехода от союзов племен к племенным княжениям.

Однако представляется ошибочным мнение, неоднократно высказывавшееся историками, будто бы в таких княжениях существовала социально обособленная от массы потомственная племенная знать во главе с князем и его дружиной.³ Для времен, предшествовавших образованию государственности, это трудно представить. Племенные княжения еще не были начальной формой восточнославянской государственности. То были догосударственные объединения. Вместе с тем, они составили основу для образования государственности и стали непосредственными предшественниками первого славянского государственного объединения, возникшего в Среднем Поднепровье в середине IX в. Речь идет о княжестве, во главе которого встал Аскольд (в летописи рядом с ним назван Дир, который, вероятно, княжил после Аскольда).

Существуют летописные свидетельства того, что процессы огосударствления Среднего Поднепровья происходили уже во времена Аскольда. Этот князь подчинял себе окрестные союзы племен,⁴ проводил активную внешнюю политику. Наряду с походом на Константинополь 860 г. он воевал с волжскими болгарами и нанес поражение печенегам.⁵ Киевское государственное образование во главе с Аскольдом стало той этнокультурной социальной и политической сердцевиной, вокруг которой впоследствии, с конца IX в., начало складываться государство. Это княжество и было первым восточнославянским государством, стоявшим на небольшой территории Поднепровья.

Первое конкретное свидетельство «Повести» о существовании *общерусской* государственности относится ко времени после утверждения Олега в Киеве — около 882 г.: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери».⁶ Властью был определен приблизительный пока что порядок взимания дани на подвластных князю землях, которые таким образом «окняжались» (вводились в состав государства); также создавались опорные пункты центральной власти на землях племенных союзов и княжений. Этот процесс был энергично продолжен князем Олегом в последующие годы.

Считая временем рождения первого восточнославянского, но еще не общерусского государства середину IX в. (княжество Аскольда), трудно отрицать то, что возникновение и начальное развитие государственности на Руси начинаются в летописи только с конца IX в. Утверждение Олега в Киеве стало решающим шагом на пути государственного строительства в восточнославянской среде. Русский Север был присоединен к Русскому Югу, а Киев провозглашен столицей уже не Киевского, а Древнерусского государства. В уста князя Олега Нестор вложил пророческие слова: «И рече Олегъ: Се буди [Киев] мати градомъ русьскимъ!»,⁷ т. е. стольным градом.

После свидетельств о строительстве князем Олегом градов и определении им дани «Повесть временных лет» рисует картину последовательного распространения центральной власти на земли племенных союзов и княжений. Земли присоединяемых к Киеву племенных объединений сразу же окняжались методом распространения на них систем собирания дани, администрации и суда:

«Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ» [со двора] (883 г.); «иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку» (884 г.); «посла [Олегъ] къ радимичемъ, рька: „Кому дань даете?“ — они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте“ (885 г.). И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать».⁸ Летопись в динамике сохранила времена начала складывания Киевского (Древнерусского) государства: одни со-

язызы племен уже подчинены князем, с другими он еще воюет, стремясь присоединить их к Киеву.

Главные этапы формирования государства. Со времен вокняжения Олега в Киеве начинается история древнерусской государственности и государственной власти. По моему мнению, складывание Киевского (Русского) государства прошло три основных этапа. Первый, начальный этап начинается временем княжения Олега и его преемника Игоря (912—944 гг.). В то время государство было еще непрочным, связи между его частями слабыми, а власть княжеского центра на местах — мало ощутимой, а то и номинальной. Племенные вожди, в особенности отдаленные от Киева, ощущали себя независимыми от князя и вели себя соответствующим образом. Смена князя в Киеве обычно приводила к отпадению сильных племенных княжений. Под 913 г. «Повесть временных лет» отметила: «По-ча княжити Игорьъ по Олзе. И древляне затворились от Игоря по Олговѣ смерти»,⁹ т. е. перестали платить дань и отказались подчиняться его людям, закрыв перед ними ворота своих городов. К этому следует прибавить нерегламентированность повинностей и взимание дани в наиболее примитивной и насильственной форме полюдья.

О характере и методах взимания дани и о связанной с этим смерти Игоря красноречиво поведала «Повесть временных лет». Осенью 944 г. Игорь «иде в Древа [к древлянам] в дань, и примышляше к первой дани, и насиляше имь и мужи его». Социальное положение в Древлянской земле сложилось крайне напряженное, но князь не желал видеть этого. Осмотрев награбленное добро, он повелел дружине: «Идѣте съ данью домови, а я възвращюся, пособираю и еще».¹⁰ Убедившись в ненасытности князя, его нечестности, нарушении им условий соглашения с их знатью, древляне убили его. Жестокий урок учла вдова и преемница Игоря на киевском столе Ольга (944—964 гг.).

Существуют основания полагать, что следующий этап в развитии государственности Руси начался именно в княжение Ольги. Жестоко подавив в 945 г. восстание древлян и отомстив их старейшинам за смерть мужа, «иде Вольга по Деревьстѣй земли, съ сыномъ своимъ и с дружиною, уставляючи уставы и уроки». Этим ее деятельность в области строительства государ-

ства не ограничилась. В следующем году «иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты [погосты] и дани и по Лузѣ — оброки и дани, и ловища ея суть по всей земли».¹¹

В фольклорно-легендарной форме Нестор описал решительные меры княгини по упорядочению системы и норм взимания дани, создания опорных пунктов центральной власти на местах, распространения административной и судебной систем на все подвластные Киеву земли. Разумные, дальновидные и целенаправленные действия Ольги были, думаю, решающим шагом на пути огосударствления территорий племенных союзов и княжений, слияния их в общую территорию государства.

Единовластие киевского государя. Как извещают летописцы, в последней четверти X в. княжеская власть, оставаясь наследственной, делается единоличной. Извещая о восхождении Владимира на стол, «Повесть временных лет» констатирует: «И нача княжити Володимерь въ Киеве единый», т. е. единовластно.¹² Еще больше укрепило его власть введение христианства на Руси в качестве государственной религии (988—990 гг.). Собор русских епископов торжественно заявил государю: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье».¹³ На времена Владимира и его сына и преемника Святослава приходится третий и заключительный этап государственного строительства в восточнославянском обществе.

Таким образом, древнерусская государственность складывалась и развивалась более столетия в обществе восточных славян, остававшемся еще родоплеменным. Предлагаю назвать первое русское государство середины IX—большей части X в. *надплеменным*, поскольку власть тогда не только отделилась от массы народа, но и поднялась над самой племенной верхушкой, приобретя индивидуальный и наследственный характер. Государство было организовано уже по территориальному признаку, чем решительно отличалось от предшествовавших ему протогосударственных образований. Такой была *социальная сущность* Древнерусского государства эпохи его складывания.

Что же касается *формы* Русского государства IX—X вв., то стоит принять предложенное видным современным медиевистом Е. А. Мельниковой меткое определение: *дружинное государство*. Ведь господствующий класс этого государства был

представлен князем и верхушкой дружины, из ее членов состоял в течение всего времени ее преобладания в общественной жизни элементарный аппарат управления. Дружина осуществляла собирание дани и судебные функции на местах. Такой была юная пора Русского государства.

Современные ученые сходятся во мнении, что Русская земля времен Владимира и Ярослава была относительно объединенной монархией. Л. В. Черепнин утверждал, что со времени княжения Владимира существуют основания говорить о раннефеодальной монархии на Руси. Форма государства при Владимире и Ярославе выглядит иначе, чем при Олеге, Игоре и Святославе.¹⁴ Все же консолидация государства довладимировой эпохи была недостаточной. Для действенного управления территория страны была слишком необъятной и рыхлой. В первые годы правления Владимира Святославича Древняя Русь оставалась, по выражению Б. А. Рыбакова, «достаточно аморфным государством». Благодаря проведению Владимиром Святославичем административной, судебной, идеологической (религиозной) реформ страна стала более консолидированной. Со второй половины его княжения можно, вероятно, говорить о Древнерусском государстве как о раннефеодальном.

Приход к власти Ярослава Владимировича в 1019 г. после четырехлетней кровавой борьбы за власть поставил этого преемника Владимира перед трудными задачами. Необходимо было восстановить единовластную монархию, а это ему удалось осуществить лишь после смерти брата Мстислава в 1036 г. Требовали укрепления государственная структура, система управления на местах, создание нового, первого в истории Руси письменного свода законов, что отвечало бы изменениям в общественно-политической жизни. Так родилась Правда Русская. В княжение Ярослава Русь достигла вершины могущества, экономического подъема, расцвета культуры и приобрела высокий международный авторитет. Нестор назвал Ярослава «самовластцем Руской земли».¹⁵

Изменения способа руководства государством. Триумvirаты и дуумvirаты. Кончина Ярослава Владимировича (1054 г.) знаменовала потерю (пусть и на время) единовластной формы правления на Руси. К власти пришел триумvirат его старших

сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода. Причинами этого послужили правовая нечеткость завещания («ряда») самого Ярослава¹⁶ и отсутствие качеств самодержца у его старшего сына Изяслава, который по «ряду» сел все же в Киеве. Триумвиры сообща правили на Руси почти двадцать лет. Притом что братья заботились главным образом лишь о приумножении собственных владений, их соправление в определенной степени благотворствовало внутренней стабилизации страны.

Но усилиями честолюбивого Святослава Ярославича в начале 1073 г. триумвират был разрушен. Против Изяслава поднялись Святослав с Всеволодом. «Воздвиге дьявол котору въ братьи сей Ярославичихъ»,¹⁷ — эмоционально пишет летописец. Изяславу пришлось бежать в Польшу, затем в Германию, и вернулся он на Русь лишь в середине 1077 г. после смерти Святослава (севшего было в Киеве в конце 1076 г.). Однако Изяслав не стал править единолично на Руси, а создал дуумвират с младшим братом Всеволодом, в ту пору черниговским князем. Этот дуумвират длился немногим более года (до начала октября 1078 г.) и прервался гибелью Изяслава в битве с племянниками Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем, стремившимися отнять владения у дядьев.

В Киеве единовластно, казалось, вокняжился единственный оставшийся в живых Ярославич Всеволод. Но и он отдал дань порядку совместного правления с сыном Владимиром Мономахом. Этот узкосемейный дуумвират продолжался вплоть до кончины Всеволода в 1093 г., после чего Владимир уступил киевский стол старшему в роде Ярославичей, сыну Изяслава Святополку.

Святополк Изяславич сел на «золотой» киевский стол в тяжелое для Руси время. Усилился натиск половецких ханов на южные земли Киевской державы. Поэтому по совету своего окружения он заключил союз с двоюродным братом Владимиром Мономахом, зарекомендовавшим себя к тому времени авторитетным полководцем в противостоянии с Половецкой степью. Этот дуумвират, несмотря на острые противоречия между соправителями, действовал вплоть до кончины Святополка (1113 г.). Его длительности способствовали постоянная половецкая угроза и необходимость держать в узде буйных чернигов-

ских Святославичей во главе с печально известным сообщником половецких ханов Олегом «Гориславичем»,¹⁸ прозванным так в «Слове о полку Игореве» за наведение половцев на родную землю и разжигание уобиц на Руси.

Соправление Святополка с Мономахом вовсе не означало разрушения монархического способа правления. Древнерусское государство продолжало оставаться монархией, но не с одним, а с двумя князьями во главе. Для той поры соправление принесло не только определенное ослабление центральной власти, но и стабилизацию внутреннего состояния страны и способствовало успешной борьбе с Половецкой степью. Святополк Изяславич и Владимир Всеволодич благодаря серии победоносных походов в Степь в 1103—1111 гг. отбросили кочевников от рубежей государства.

Громкие победы над половцами благоприятствовали не только защите русских людей и страны от степных хищников, консолидации государства, но и повышению его международного авторитета и славы. Описывая наиболее выдающуюся, кажется, победу русского войска над грабительской Половецкой степью, добытую под водительством Владимира Всеволодича в 1111 г., летописец с восторгом восклицает: «Възвратишася русьстии князи въсвои си съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ [Византии] и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде, на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь!»¹⁹

Кончина Святополка в 1113 г. в очередной раз круто изменила течение политической жизни Руси. В Киеве вспыхнуло восстание против прислужников умершего князя, чинивших насилия и издевавшихся над горожанами. Киевские верхи собрали вече и позвали в князья немолодого уже авторитетного Владимира Мономаха: «Поиди, княже, Киеву, аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зла уздвигнется. И будеши отвѣтъ имель, княже, оже ти манастирьъ разыграбять».²⁰ Опасаясь падения власти и наступления хаоса, Владимир после тяжелых раздумий согласился занять беспокойный киевский стол: «Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдѣ своихъ, и вси людѣ ради бывши, и мятежъ влеже» [утих²¹].

Восстановление князем Владимиром единовластной монархии. Его вокняжение привело к реставрации забытой, казалось, к тому времени в обществе единоличной монархии. Ошибаются те историки, которые пишут, будто самовластие Владимира Всеволодича была разве что тенью самовластия его деда Ярослава и прадеда Владимира: мол, он не мог уже так свободно, как они, распоряжаться на Руси, переводить князей из одного удела в другой без их на то воли. На деле было иначе.

Уже первые шаги Владимира Мономаха, великого князя киевского, обнаружили его стремление к неограниченной власти. Подобно деду и прадеду, он сажает подвластных ему князей на столы, переводит их из одних волостей в иные, карает непокорных лишением столов. Самовластие Владимира Всеволодича проявилось в эпизоде умирения минского князя Глеба Всеславича, ярко описанном «Повестью»: «Приходи Володимерь на Глѣба: Глѣбъ бо бяше воеваль дръговичи,²² и Случескъ пожегъ. и не каяшется о семь, ни покаряшется, но противу Володимеру глаголяше, укаяя и». Как видим, не было и речи о вооруженном выступлении Глеба против сюзерена. Но и словесного неудовольствия оказалось достаточно, дабы Мономах силой укротил его и, «наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ», но уже как единовластный государь вассалу: «И обѣшася Глѣбъ по всему послушати Володимера».²³

Поэтому времена княжения Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха можно считать временами расцвета древнерусской государственности, торжеством княжеской власти на Руси.

Но относительно объединенная раннефеодальная единоличная монархия на Руси, достигшая вершины могущества и славы в княжение Владимира Мономаха, перестала существовать вскоре после его кончины (1125 г.). В какой-то мере правление в Киеве его старшего сына Мстислава (1125—1132 гг.) было инерционным продолжением самовластного княжения его великого отца. Притом что Мстислав был успешным полководцем, пользовался большим авторитетом на Руси и в Европе, железной рукой держал в покорности всех прочих князей. И все же признаки упадка монархии начали ощущаться в последние годы его княжения.

Наступление удельной раздробленности государства. Кажется, ничто не предвещало древнерусскому обществу и государству драматических событий, наставших вскоре после кончины Мстислава Владимировича. Сплоченная и объединенная держава Русь как бы внезапно разделилась на полтора десятка земель и княжеств, государи которых в большинстве стремились к максимальной автономии, а то и к независимости от киевского князя. Казалось бы, единому восточнославянскому государству пришел конец. Оно вступило в эпоху удельной раздробленности (40-е годы XII—XIII вв.).

Летописцы ярко эмоционально описывают и осуждают удельную раздробленность страны, ознаменовавшуюся нескончаемыми межкняжескими «которами» (сварами) и войнами, когда брат шел на брата, а сын сбрасывал с престола отца. Пылали города, городки, замки и села, гибли многие тысячи русских людей, а половцы, подзадоренные отсутствием единства сил Руси, грабили ее земли, уводили в полон множество крестьян и горожан. «А поганые [половцы] со всех сторон приходили с победами на землю Рускую», с горечью и тоской записал певец «Слова о полку Игореве».²⁴

Уже под 1134 г. новгородский летописец с грустью записал: «И раздрася вся земля Руская».²⁵ В этом контексте «раздрася» означает «разорвалась», вступила в полосу смуты. Минет более ста лет, и другой, уже галицкий летописец с тоской эмоционально опишет «замятню», наставшую и усиливавшуюся на Руси: «Начнемь же сказати бесчисленьныя рати и великия труды,²⁶ и частыя войны, и многыя крамолы, и чыстая вьстания, и многыя мятежи».²⁷

Современные историки неслучайно называли удельную раздробленность, охватившую Русское государство в 30—40-х гг. XII в., феодальной. Она наступила вовсе не неожиданно, как считали сами летописцы и ученые прошлых лет, но стала логическим и неминуемым следствием общественно-экономической эволюции древнерусского общества. В течение XI—первой половины XII в. на Руси сложился класс феодалов-землевладельцев, князей, бояр и дружинников.

Получив землю и зависимых крестьян, феодалы превращались не только в экономическую, но и общественно-поли-

тическую силу. С той поры они все больше заботились о приращении земель и судьбе своего княжества, чем о государстве в целом. И местные князья, часто вынужденные опираться на окружавшее их боярство, часто проводили навязанную им земельными магнатами политику. Как образно выразился Б. А. Рыбаков, процесс феодальной раздробленности подготавливался самым ходом исторического развития: росли производительные силы, возникали и ширились новые городские центры, крепла политическая сила и горожан и местного боярства.²⁸

Не углубляясь в причины и обстоятельства прохождения раздробленности, отмечу лишь, что если она и стала следствием социально-экономического развития общества, то в общественно-политическом плане привела к кризису, ослаблению государственной структуры и упадку центральной княжеской власти.

Изменения в характере верховной власти. Представляет собой важной именно эта сторона раздробленности. Государственность переживала тогда серьезные и принципиальные изменения. Некоторые историки думали и думают поныне, что Киевское государство с той поры перестало существовать. Убежден в том, что вступление Древней Руси в эпоху раздробленности не означало распада государства, изменились политическая структура и форма государственной власти. На смену монархии *единоличной* пришла монархия *федеративная*.

В. Т. Пашуто отмечал, что политическая структура Руси утратила форму раннефеодальной монархии, ей на смену пришла монархия феодальной раздробленности. В середине XII в., продолжал ученый, государственное устройство Руси приобрело новую форму. Стольный град Киев и принадлежавший ему домен южной «Русской земли» превратился в совместное владение группы князей Ярославичей, считавших себя коллективными собственниками «Русской земли» и требовавших себе там «части» (доли собственности), а свои права и обязанности определявших на общерусских съездах-«снечах». Эту систему руководства государством историк назвал «*коллективным сюзеренитетом*».²⁹

Ошибались многие исследователи прошлого и современности, видевшие в соперничестве центростремительных и цен-

тробежных сил, свойственном Руси эпохи раздробленности, лишь беспорядок и даже хаос: нескончаемые княжеские ссоры и военные столкновения за лучшие столы богатства, волости, земли. В этом, на первый взгляд, беспорядке будто бы стихийно действующих сил, в абсурдном, казалось бы, развитии событий на самом деле существовали свои закономерности, порядок и смысл, мало или вовсе не понятный современному историку. Иное дело, что не всегда суровая и неоднозначная действительность отвечала устремлениям правящей элиты и правовым нормам: писаным (Правда Русская разных редакций) или узаконениям обычного права.

Феодалная (удельная) раздробленность Древнерусского государства была неоднозначным, противоречивым явлением. Общественно-политическая жизнь страны протекала в соперничестве сил объединения и дробления державы. Даже в условиях постепенного расширения автономии тех или иных княжеств часть князей и великих бояр была просто вынуждена отстаивать государственное единство и территориальную целостность Русской земли, пусть даже на словах. Вынуждена потому, что общество требовало от господствовавшей верхушки заботиться о единстве и военной мощи страны. Простой люд, крестьяне и ремесленники, составлявшие абсолютное большинство населения Киевской Руси, видели возможность безопасной и благополучной жизни лишь в существовании объединенного, централизованного и общего для всех государства, способного защитить от врага, почти исключительно кочевников причерноморских степей. Но было бы наивным искать в источниках прямых высказываний простых людей на этот счет.

Из-за этого, выражая пусть даже в сословно-ограниченной форме общенациональные интересы государства, наиболее прозорливые среди князей, даже те, кто, казалось, навсегда погряз в болоте сепаратизма, не раз публично соглашались с тем, что не годится воевать друг с другом и тем самым губить родную землю. Многие князья провозглашали свое стремление защищать Русь от врагов, а сильнейшие и авторитетнейшие среди них даже стремились (преимущественно демонстративно) восстановить монархию Владимира Мономаха и его деда Ярослава.

Киевская летопись отметила, что в разгаре борьбы за Киев и общерусскую власть в конце 40-х гг. XII в. княжескими кланами Мономашичей, Мстиславичей, Давидовичей и Ольговичей была предпринята попытка заключить всеобщий мир и прекратить усобицы. Летописец вложил в княжеские уста саморазоблачительные слова: «То есть было прежде дѣдъ нашихъ и при отцихъ нашихъ — миръ стоять до рати, а рать до мира. Оже есмы устали на рать. А мы доколе хочемъ Рускую землю губити?! <...> Ныне же, брате, хрестьянь ради и всее Руской земли умирися <...> Тако на томъ цѣловаша хрестъ у святомъ Спасѣ: Руской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ».³⁰ Но и эта и подобные ей попытки достигнуть согласия в обществе и прекратить свары успеха не имели.

Стремление сохранить единство Русской земли в высшей мере присуще обществу 40-х гг. XII—XIII вв., когда ржавчина удельной раздробленности разъедала государственное устройство Руси. Уже через несколько лет после смерти Мстислава Владимировича [Мономашича] (1132 г.) Всеволод Ольгович черниговский начал конфликтовать с новым киевским князем Ярополком Владимировичем, младшим братом Мстислава. Тогда «людие черниговци» (городское вече) выдвинули князю ультиматум: «Проси си мира, мы бо ведаемъ милосердие Ярополче, яко не радуется кровопролитю, но Бога ради въсхощетъ мира, то бо съблюдаеть землю Русьскую». Лишенный народной поддержки, Всеволод «нача слати с молбою къ Ярополку, прося мира у Ярополка».³¹

Объединительные процессы и явления в значительной степени нарастали на Руси уже с начала раздробленности, и это притом, что внешне они выглядели обычно как соперничество различных княжеских династий и группировок. Как справедливо отметил И. Б. Греков, когда потомки Мономаха соперничали за киевский престол, то почти для каждого из них это было одновременно борьбой за собственный вариант единства государства, — разумеется, во главе с князем, возглавлявшим эту борьбу.³²

С системой коллективного сюзеренитета управления государством сосуществовала другая, действовавшая, впрочем, в рамках Южной Руси. Речь идет о княжеских *дуумвиратах*,

форме правления, известной со времен Ярослава и Мстислава Владимировичей, заключивших в 1026 г. соглашение о разделе между собой южной Русской земли: «И раздѣлиста по Днепръ Русьскую землю: Ярославъ приа сю сторону,³³ а Мъстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».³⁴ Но далеко не всегда совместное правление князей приводило к стабилизации жизни в государстве.

Дуумвираты второй половины XII в. обыкновенно составляли главы двух сильнейших княжеских кланов, на которые к тому времени разделился род Ярославичей: киевские, волынские и владими́ро-суздальские Мономашичи и Мстиславичи, смоленские и галицкие Ростиславичи, черниговские Ольговичи и Давидовичи. Наиболее сильным дуумвиратом, длительное время действовавшим в Южной Руси, был союз главы смоленских Ростиславичей Рюрика и старейшего в роде Ольговичей Святослава Всеволодича в 1181—1194 гг. Дуумвираты второй половины — конца XII в. поддерживали нестойкое политическое равновесие в Южной Руси, будучи сугубо прагматическими объединениями в интересах двух княжеских кланов, и потому не имели исторической перспективы.³⁵

Противоборство центростремительных и центробежных сил в общественно-политической жизни Древнерусского государства продолжалось и порой приобретало острые формы в течение всей эпохи удельной раздробленности. Временами факторы объединительного плана брали верх, и это находило реализацию в достижениях системы коллективного сюзеренитета или же в деятельности сильных дуумвиратов и успешных сплоченных действиях против половцев.

Упадок государственности. Но на рубеже XII и XIII вв. стало очевидным, что процессы и явления, разъединявшие русские земли и княжества, зашли слишком далеко и приобрели необратимый характер. Государство клонилось к закату. Этому существовали весомые, исторически обусловленные причины, вызванные к жизни развитием древнерусского общества, его господствующей страты, деструктивной деятельностью князей-изгоев. Прежде всего, это были факторы общественно-экономические. И само это развитие не было однозначным.

С одной стороны, Руси времен раздробленности было свойственно нарастание экономических и культурных связей между княжествами и землями, что создавало предпосылки для складывания относительно единого и общего (пусть и скромного по объему) для всех регионов рынка. С другой — боярство и мелкие князья на местах. Крупные и средние землевладельцы стремились к замкнутости своих княжеств и земель, видя в этом средство достижения более широкой автономии, а то и независимости от государственного центра. Постепенно они в той или иной степени достигали желаемого. Это было одним из противоречий политической и общественно-политической жизни Древнерусского государства середины XII—первой трети XIII в.

Другое кардинальное противоречие государственной жизни Руси крылось в непоследовательности программ и реальных действий членов правящего дома Ярославичей. Оно объясняется тем же столкновением объединительных и разъединительных сил в общественно-политической жизни страны. Князьям, с середины XII в. осевшим на тех или иных землях и обзаведшимся там землями, приходилось вместе с боярами-землевладельцами проводить сепаратистскую, отрубную политику, ставя собственные экономические и политические интересы выше государственных.

Неутихающие феодальные свары, выливавшиеся в настоящие большие и малые войны между князьями и их вассалами в государстве и отдельных волостях, приносили им самим громадный ущерб и непоправимые людские потери, ослабляя их и доводя до нищеты их подданных. Прибавлю к этому и нападения половецких орд, подогретых княжескими «которами»; они стали более частыми с конца XII в.

Все это побуждало отдельных глав княжеских кланов и сильных государей прилагать усилия к объединению своих экономических возможностей и военных сил для отражения общего врага — кочевников Причерноморья. А это, вопреки желаниям некоторых отдельно взятых Ярославичей, все же поддерживало пусть и слабое единство государства и центральную власть. К тому же князья просто не могли пренебрегать общественным мнением, пусть слабо отраженным в источниках, а еще больше устремлениями рыцарства, его призывами спла-

чиваться и защищать страну от половецких хищников. Князьям часто приходилось против воли, как это бывало с традиционными сообщниками ханов черниговскими Ольговичами, объективно отстаивая тем самым идеи общности и единства Русской земли, водить на степняков войска и дружины, верхушка которых состояла частью все из того же сепаратистски настроенного боярства,

Последний дуумвират в Южной Руси. Заключительный этап определенной стабилизации внутренней политической и династической жизни государства пришелся на правление в Южной Руси дуумвирата Святослава Всеволодича киевского и князя Южной Русской земли Рюрика Ростиславича (1181—1194 гг.). Объективно говоря, и Рюрик и в особенности Святослав не относились к государям, наделенным высокими моральными принципами и достоинствами. Оба неоднократно нарушали соглашения, скрепленные крестным целованием. Подобно многим другим князьям, они поддерживали и разжигали усобицы, изменяли друзьям, дружили и рождались с врагами (половецкими ханами) ради достижения своих эгоистических интересов, наконец, не гнушались наведением половецких ханов на родную землю.

Однако, создав дуумвират, оба князя под давлением общественного мнения, слабо отраженного в летописи, и особенно рыцарства, ощущая, можно думать, ответственность за судьбы Руси, сумели, пусть и не всегда решительно и последовательно, переступить через собственные интересы и прикладывать усилия, дабы утихомирить княжеские свары. Они достигли немалых успехов и в борьбе с кочевниками. Святослав с Рюриком провели несколько походов против ханов (1183, 1185, 1190 гг.), отбросив на время степняков в придонские степи. Певец «Слова о полку Игореве» с гордостью и понятной в поэтическом произведении гиперболичностью описал эти победы, полностью отдав их киевскому государю: «Святослав грозный великий киевский... наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобыка³⁶ от лукоморья, из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг; и упал Кобык в городе Киеве, в Святославовой гриднице».³⁷

Но избавиться на долгие годы от половецкой угрозы дуум-вирам не посчастливилось. А временная консолидация внутри-политического положения в Южной Руси не смогла сколько-нибудь существенно укрепить Древнерусское государство в целом и прекратить феодальные усобицы.

Сумерки государственности. Кончина Святослава Всеволодича в 1194 г. стремительно нарушила шаткое равновесие течения политической жизни Южной Руси и привела к ослаблению общественно-экономических связей и социальной стабильности в государстве. Особенно обострилась обстановка вокруг Киева в начале XIII в. Тогда на черниговский стол сел Всеволод Ольгович по прозвищу Чермный (Рыжий) и сразу же предъявил претензии на киевский великокняжеский престол, на котором сидел Рюрик Ростиславич. Все первое десятилетие XIII в. прошло в соперничестве Ольговичей с Рюриком, оно завершилось до сих пор непонятым историкам удивительным обменом столами между ним и Всеволодом Чермным. Свою политическую карьеру и жизнь Рюрик завершил, так и не увидев больше киевского стола. Он умер в Чернигове в 1216 г., а тремя годами ранее оставил мир его соперник Всеволод Чермный. Годом раньше скончался выдающийся государь Северо-Восточной Руси Всеволод Юрьевич по прозвищу Большое Гнездо. Древнерусская государственность приближалась к своему концу.

После смерти этих неординарных деятелей Руси их сменили на столах более бледные политические фигуры. В Чернигове сел сын Рюрика слабохарактерный Владимир. А в Киеве в 1212 г. усилиями Мстислава Мстиславича Удатного посадили невыразительного члена клана смоленских Ростиславичей Мстислава Романовича, бесславно погибшего в 1223 г. после битвы с монголами на Калке, замученного во вражеском плену. Сыновья Всеволода Большое Гнездо начали длительную борьбу за престол Владимиро-Суздальского княжества, существенным образом ослабив его. Раздробление Древнерусского государства в первой трети XIII в. все усиливалось.

И дело было не только и не столько в том, что государству первой трети XIII в. не хватало ярких княжеских личностей, выдающихся политиков и полководцев, как считает английский историк Дж. Феннел³⁸ и некоторые другие ученые. Ведь

даже наиболее выдающемуся государственному деятелю и военачальнику Древней Руси XIII в. Даниилу Романовичу Галицкому оказалось не по силам не то что сплотить разрозненные княжества, пусть даже южнорусские, но и уберечь от распада восстановленное им в 1245 г. и, казалось, крепко сбитое на долгие годы Галицко-Волынское великое княжество. Не успел еще умереть Даниил (1264 г.), как его мощная и консолидированная держава была разорвана на куски-уделы его братом Васильком, сыновьями и племянниками.

Дело состояло в ином. Процессы и явления раздробленности на Руси, нарастая и углубляясь, в первые годы XIII в. приобрели необратимый характер. Кризис власти усилился, а центробежные силы побеждали силы центростремительные. Слишком далеко зашла феодализация страны, рожденные ею местный сепаратизм, княжеское и боярское своеволие и эгоизм, чтобы можно было вернуть славные времена Ярослава Мудрого и его внука Владимира Мономаха.

Истребительное нашествие орд Батыя на Русь в 1237—1241 гг. лишь довершило распад Киевского государства. Пришел его конец, и на новый восход государственного солнца надежды уже не оставалось.

Глава 2

КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ

Она рождается в Восточной Европе еще в родоплеменном обществе, во времена, когда протогосударственные объединения еще начали складываться. Первые свидетельства о властных русских князьях появляются в летописи около середины IX в. Отчуждение носителей власти от массы народа страны проявилось, в частности, в выдвижении единовластных и наследственных правителей, что отразилось в формулировках летописцев, повествовавших о восточнославянском этнокультурном обществе.

При рассмотрении сведений Нестора о расселении восточнославянских племен и их судьбах в источниках длительное время называются только племенные наименования: поляне, древляне, радимичи, словены и др. Все они выступают в летописи безлично, общей массой жителей союзов племен, что соответствовало социальному уровню развития тех объединений. Вожди «родов» (союзов племен и даже племенных княжений) в летописи не упомянуты. Разве что единственное исключение — история Кия, Щека и Хорива, которую Нестор поведал столь подробно, вероятно, из-за полемики с новгородским летописцем, поставившим под сомнение княжеское достоинство главы полянского союза племен.¹

Формулировки летописцев в этом плане сходны для всего догосударственного времени эволюции восточнославянского общества: «Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне...»; «поля-

номъ же живущемъ особѣ, яко же рекохомъ, сущимъ отъ рода словѣньска, и нарекошася поляне»; «быша обидимы [поляне] древлянами и инѣми околними».²

Даже в рассказе Нестора об уплате полянами дани хазарам мечами,³ относящемся, на мой взгляд, ко временам существования племенных княжений, поляне выступают однородной массой, их князь (или князья) не назван и даже не упомянуто о его существовании. Это трудно объяснить невнимательностью летописца, ведь он не забыл сказать о хазарском князе и его старейшинах («несоша козари [меч] ко князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ»). Возможно, Нестор мог знать, что в те далекие времена у полян не существовало единоличной (княжеской) власти, но далее заметил, что в его время положение изменилось: «Володѣють бо хозары русьскіи князя и до днешнего днѣ».⁴

Первые князья. Сообщения летописцев о восточнославянском обществе персонифицируются со второй половины IX в. Рассказывая под достаточно условным 862 г. о появлении в Киеве воевод Рюрика, «Повесть временных лет» извещает: «Аскльдъ и Диръ остаѣ въ градѣ семь, и многи варягы съвокуписта, и начаста владети Польскою [Полянскою] землею, Рюрику же княжашу в Новѣгородѣ».⁵ С той поры летописцы ведут рассказ, всегда называя в подобных случаях имена князей, активных персонажей исторического процесса.

Следующая статья в «Повести временных лет» о событиях в Поднепровье (Полянской земле) гласит: «Иде Аскольдъ и Диръ на Греки»,⁶ но не «идоша поляне на Греки», как могло быть сказано еще в недавнем прошлом. Утверждение Рюриковичей в Киеве институировало княжескую власть, превратив ее в наследственную, тогда как власть племенных князей передавалась не их ближайшим родичам, а людям из верхушки их рода. В наследственности власти современная наука видит один из основных признаков средневековой государственности.⁷ Идея наследственности власти государя выступает в рассказе Нестора о походе Олега на Киев и столкновении его с местными князьями: «И рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ»».⁸ Так подчеркнута избранность людей, принадлежавших к кня-

жескому роду. В реконструированном А. А. Шахматовым сообщении Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг. проводится мысль о законности и наследственности власти Аскольда и Дира, для чего составитель свода объявил их непосредственными преемниками Кия, Щека и Хорива: «И по сихъ братьи княжиста Кыеве Аскольдъ и Дирь, и беаста владеюща Полями [полянами]».⁹

В 50-е гг. IX в. в Среднем Поднепровье уже существовало протогосударственное формирование восточных славян. Историки и археологи называли его «Русской землей». Процесс слияния союзов племен и их сплочения в «Русской земле» в этнокультурную общность не отражен в письменных источниках. Неоднократно предпринимались попытки исследовать и определить его на археологическом материале.¹⁰ Эти исследования ждут продолжения и углубления.

Летопись дает определенные основания утверждать о существовании первого восточнославянского государства (еще не древнерусского!) к середине IX в. Однако феодальные отношения начинают шириться в стране не ранее конца X в. Процессы образования государственности и становления княжеской власти длительное время проходили в родоплеменной среде. Ничто не может изменить признание историками этого общества переходным от родоплеменного к феодальному строю, поскольку ростки нового уклада тогда едва проклевывались, не изменяя сколько-нибудь заметно социально-экономической сущности общества.

Как было сказано, первые свидетельства летописи о возникновении древнерусской государственности относятся ко временам княжения Олега в Киеве. Однако существует летописное свидетельство, позволяющее допустить, что процессы окняжения Поднепровья происходили еще во времена Аскольда и Дира. Авторитетный источник, по мнению А. А. Шахматова, полнее других отразивший Древнейший свод 1037—1039 гг. и позднейшие летописи XI в., Новгородская первая летопись младшего извода, уверенно отмечает: «И по сихъ братьи той¹¹ приидоста два Варяга и нарекоста князема: одному бѣ имя Аскольдъ, а другому Дирь, и бѣста княжаща в Киевѣ и владеюща Полями [полянами], и беша ратнии съ Древяны и съ Ули-

ци».¹² В свете этого сообщения будут понятными позднейшие войны Олега и Игоря с теми самыми племенами. Во всех случаях в источниках речь идет об окняжении территорий племенных объединений уличей и древлян, обложении их данью.

Это свидетельство Новгородской первой летописи младшего извода подкрепляется известием летописи Никоновской¹³ под весьма условным 865 г.: «Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Дирь полочанъ и много зла створиша». При всем скептическом в научной среде отношении к ранним известиям Никоновского летописца отмечу все же, что процитированный текст заслуживает доверия, корреспондируясь со словами Нестора под 862 г.: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городамъ суть находници варязи».¹⁴

В пользу мнения о существовании в Поднепровье во времена Аскольда общества, которому были присущи организованность и социальное расслоение (его принято называть стратифицированным обществом¹⁵) и четко выявленная княжеская власть, свидетельствует и знаменитый поход Руси под руководством этого князя на Царьград в 860 г. — в «Повести временных лет он ошибочно датирован 866 г.»¹⁶ Грандиозные для Руси масштабы и сам характер этого похода, отраженные русской летописью и византийскими современниками, среди которых оказался и патриарх Фотий,¹⁷ не позволяют судить о нем как о типичном для позднего родоплеменного строя набеге «варваров» на зажиточных соседей. Это была внешнеполитическая акция юного государственного образования и выявление воли его государя. В рамки подобных набегов укладываются описанные в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского нападения руссов на византийские города Сурож и Амастриду в конце VIII—первой трети IX в.

Киевское княжество Аскольда стало той этносоциальной и политической сердцевиной, вокруг которой начало складываться Древнерусское государство. Спор о том, откуда, с Севера или Юга, «есть пошла Руская земля», ведущийся в последние времена и неминуемо окрашенный преимущественно новгородским патриотизмом, может быть однозначно решен лишь в пользу Юга. Южные русские земли в раннем средневековье за-

метно опережали в общественно-экономическом развитии северные. Дело не только в том, что в IX в., когда рождается восточнославянская государственность в Поднепровье, Новгорода просто не существовало. В племенном княжении ильменских словен, организующим и правящим центром которого станет в X в. этот город, источники в течение IX в. не отмечают социально-экономических процессов и явлений, которые бы можно было толковать как государственно-образующие. По крайней мере на этот счет отсутствуют свидетельства авторитетных письменных памятников. Это можно было бы объяснить тем, что ильменские словены относительно поздно (не раньше конца VII—начала VIII в.) пришли на север с исторической прародины между Вислой и Днепром.

Единовластный государь Руси. Предлагая считать временем возникновения первого восточнославянского, но еще не древнерусского протогосударственного образования середину IX в., не могу отрицать того, что систематические свидетельства источников о возникновении государственности на Руси начинаются с конца IX в. Утверждение Олега в Киеве около 882 г. могло стать решающим шагом на пути государственно-го строительства в Восточной Европе. Тогда русский Север был объединен с русским Югом,¹⁸ а Киев провозглашен столицей уже Древнерусского государства. В уста Олега летописец вкладывает знаменательные слова: «Се буди мати градомъ русьским».¹⁹

После известий о строительстве Олегом градов и установления даней «Повесть временных лет» рисует широкую картину последовательного распространения действий центральной власти княжества на земли племенных княжений и союзов: «Нача Олегъ воевати деревляны, и примучив а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ».

Далее наступила очередь и радимичей. Вначале в состав государства вошли южные племенные княжества, а также радимичи. Древнерусская государственность в течение IX большей части X в. складывалась в основном на юге. Княжеская власть крепчала в процессе государственного строительства.

Был ли Олег единовластным властителем? Ответить на этот вопрос трудно, ибо свидетельства летописцев о его княжении

очень лаконичны, обобщенны и нечетки. Источники приписывают его державной воле все свершения страны, присоединение к киевскому очагу власти племенных княжений и союзов, главное же масштабный поход на Царьград 907 г.

Сплочение большинства восточнославянских племенных союзов вокруг Киева сделало рождавшееся Древнерусское государство сильным в экономическом и военном отношении. Это позволило ему напасть на Византию. Под 907 г. «Повесть временных лет» сообщает: «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, иже суть толковины... И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000»²⁰ В перечислении представителей племенных объединений в громадном войске Олега названы княжения, присоединенные князем к государству в течение двадцати лет, не отраженных в «Повести» (886—907 гг.). В этом тексте князь выглядит сильным, решительным и единовластным. Ведь собрать грандиозный флот²¹ и громадное пешее войско, в котором были выходцы из земель, подвластных князю, мог лишь энергичный и властный государь.

Но в тексте русско-византийского договора, заключенного через четыре года после войны, сказано, что русские послы пришли от «Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть подъ рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь».²² Выходит, что рядом с Олегом были и другие великие и светлые князья, да и еще великие бояре, все они также были субъектами правового соглашения с Греками. В действительности приведенная цитата отражает слабость княжеской власти, стремление Олега до поры ладить с великими князьями, бывшими, вероятно, главами основных племенных объединений, из которых состояло его государство. При этом нет оснований считать его неполноправным государем, никто не мог ограничить его власть, никто не сидел рядом с ним на столе. Таким изображен он в «Повести временных лет» и зависимых от нее летописных сводах.

Правда, Новгородская первая летопись младшего извода содержит иную версию правления Олега в Киеве и на Руси. Она

не считает его князем, он лишь воевода, служивший Игорю. Самые известные русские книжники XI в. Иларион и Иаков Мних даже не признавали факта (подчеркиваю: безоговорочного) существования Олега и начинали историю своей державы с княжения Игоря Старого. В «Слове о законе и благодати», написанном в 30-е—40-е гг. XI в., Иларион восклицал: «Похвалим же и мы по силе нашей, пусть малыми похвалами того, кто великое и дивное дело сотворил, нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Владимира, внука Старого Игоря, а сына славного Святослава».²³ Итак, согласно авторитетному мнению выдающегося философа и оратора Древней Руси Илариона, не Рюрик и не Олег были родоначальниками правящей на Руси династии. Иларион видел его в осужденном «Повестью» Игоре.

Точно так же не знает Рюрика и Олега другой киевский источник, также созданный ранее «Повести временных лет» — в XI в. «Память и похвала князю Владимиру», приписываемая большинством исследователей иноку Киевского Печерского монастыря Иакову Мниху, названному в летописи Нестора под 1074 г.²⁴ Он также считает Игоря основателем киевского княжеского рода.

Как было сказано, авторитетная среди ученых Новгородская первая летопись младшего извода называет Олега лишь воеводой Игоря, он «муж мудрый и храбрый». Инициатива в устранении Аскольда и Дира также принадлежит Игорю. Игорь же и сел на киевский стол и затем в повествовании о княжении Олега в Киеве новгородский летописец продолжает отводить Олегу пассивную роль военачальника при князе Игоре. Причину этого А. А. Шахматов видит в существовании в дошедших до нашего времени летописях двух фольклорных преданий об Олеге и Игоре: северное (ладожское) повествует о князе Олеге, тогда как южное (киевское) об Олеге, воеводе Игоря.

Нельзя не согласиться с мнением А. А. Шахматова, что в Начальном своде проглядывает определенная тенденция. Русская княжеская династия должна была получить ясную генеалогию: исторический путь должен был быть связан с Рюриком, которого новгородское предание назвало первым князем.²⁵

Назвав Игоря «историческим» князем, ученый подчеркнул, что личность князя принадлежит уже истории.

В отличие от Олега, упоминавшегося в качестве князя лишь в летописи и в одном не совсем ясном хазарском источнике, об Игоре вполне конкретно рассказывает византийский историк второй половины X в. Лев Диакон в своей «Истории». О походе Игоря на Константинополь сообщают также византийские (Симеон Логофет, «Житие Василия Нового»), западноевропейские (Лиупранд) и восточные (Масуди) источники X—XI вв.

Все же нельзя поставить под сомнение историчность Олега, которого по не известным нам причинам Иларион и Иаков Мних лишили места в генеалогии русских князей. Но фигура Олега до сих пор представляется загадочной. В изображении «Повести временных лет», Новгородской первой летописи младшего извода и некоторых позднейших летописей он выглядит неоднозначным и противоречивым. Летописцы то любят князем, то осуждают его, то подробно описывают военные походы и другие эпизоды его жизни, то вдруг как бы теряют интерес к своему герою, не сохранив даже даты его кончины. Случилось так потому, что древнерусские книжники зависели от своих источников — фольклорных произведений, отражавших в летописи не только фактическую сторону дела, но и отношение народных повествователей к герою рассказа.²⁶

Науке неизвестны ни социальное происхождение Олега (князь или знатный дружинник), ни его семейные отношения с Рюриком и сыном последнего Игорем. Новгородская первая летопись младшего извода не смогла объяснить, почему при законном наследнике Рюрика управляет иной человек Олег.

Сама этимология имени первого реального русского князя не вызывает у историков сомнений. Древнерусское Ольгъ-Олег идет от древнескандинавского антропонима *Helgi*. Это имя соответствует прилагательному *helgi*, распространившемуся в Скандинавии в христианскую эпоху, за ним закрепилось значение «святой». Скандинавское имя *Helgi*, попав в славянскую среду, получило новую жизнь. В древнерусской языческой среде это имя отвечало представлениям о магических, волшебных возможностях князя, из-за чего в летописи появилось значение «вещий». Так скандинавское имя русского государя *Helgi* при-

обрело в древнерусском языке двойное значение: в виде имени Ольгъ и в виде прозвища «Вѣщій».²⁷ Олег не принадлежал к роду Рюрика, он узурпировал власть при помощи преданной ему дружины, превратив Игоря в марионетку в своих руках. Он не был «княжьего роду», чем напрасно хвастался перед Аскольдом и Диром. Удачливый кондотьер Олег, предводитель лихой дружины (можно думать, она мало чем отличалась от разбойничьей шайки) устранил киевских князей Аскольда и Дира и принялся княжить самовластно. Это безусловный исторический факт. Но сам способ завладения им Киевом приобрел легендарную окраску в предании, попавшем в летопись.

Преемник Олега Игорь. Следующим общерусским князем после Олега стал Игорь, прозванный в летописи «Старым». Подобно предшественнику, ему пришлось прилагать усилия к укреплению государственной структуры страны. В рассказах летописца о покорении Олегом и Игорем племенных княжеств и союзов на первом месте естественно стоит забота о взимании дани, стремление не допустить собирания ее соседями. При этом сам размер дани использовался князем и его дружинниками в качестве экономического и социально-политического давления на непокорных: «Иде Игорь на деревляны и, побѣдивъ а, возложи на н дань болше Олговы».²⁸ С первых лет существования Древнерусского государства дань долгое время оставалась ненормированной.

Хотя вначале власть князя была единоличной, пребывание племенных объединений в составе государства первые сто лет оставалось непрочным. Смена князя в Киеве обычно приводила к отпадению сильнейших княжений. Под 913 г. «Повесть временных лет» свидетельствует: «Поча княжити Игорь по Олзѣ... И деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти».²⁹ И преемникам Игоря Ольге и Владимиру Святославичу приходилось начинать княжение с возвращения под свою власть отпавших племенных объединений. Все же к середине X в. первый этап создания государства был завершен.

Ольга. Сменившая в Киеве на столе его супруга Ольга приложила решительные меры к упорядочению норм собирания дани, устройству опорных пунктов власти, распространению административной и судебной систем на подвластные Киеву

земли. Разумные и целенаправленные действия правительства Ольги стали решающим шагом на пути «окняжения» земель племенных объединений и превращения их в государственную территорию княжества. Власть русской государыни была единоличной и не зависела ни от кого в стране. Этот этап строительства государства завершается в начале княжения Владимира Святославича, когда племенные образования окончательно вошли в состав государства. При Владимире оно начало превращаться в раннефеодальное.

В последней трети X в. княжеская власть на Руси, оставаясь наследственной, пропагандируется летописцами как единоличная. Впервые понятие единовластия в «Повести» применено к старшему брату Владимира Святославича Ярополку³⁰ под 977 г.: «А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси». Победивший Ярополка в поединке за киевский стол Владимир также провозглашен Нестором единовластным правителем государства: «И нача княжити Володимѣрь в Киевѣ единъ».³¹

До сих пор остаются недостаточно изученными вопросы становления и эволюции княжеской власти на Руси в X в. Как могло случиться, что в обществе, находившемся на стадии разложения родоплеменного строя, власть государя могла подняться над массой народа и его элитой и противопоставить им себя? Вряд ли этого можно было добиться одной лишь военной силой, опорой князя на дружину. Один из немногих исследователей этой темы справедливо считает, что уже со второй половины IX—в первой половине X в., во времена Олега и Игоря, в обществе постепенно утверждается идея власти князя как главы державы. Безусловно, она опиралась на авторитет силы дружины, но в глазах современников признаком легитимности государя была наследственность его власти.³²

Как пишет А. И. Рогов, уже в княжение Олега было проведено несколько государственных мер, благодаря которым наследственную власть князя правосознание того времени стало воспринимать как власть государственную. На взгляд исследователя, с вокняжением Игоря стабилизация княжеской власти вступила в завершающий этап, с чем трудно согласиться. Ведь процессы строительства государства, укрепления и укоренения

власти князя на Руси продолжались и в последующие годы и десятилетия. Вместе с тем, нужно признать верной его мысль, когда он замечает, что в отношениях с Византией на древнерусскую почву переносилась «практика императорского могущества», ибо само уже заключение договоров с империей возвышало власть князя, равноправного участника переговоров и самих договоров. Практика дипломатического обмена посольствами также усиливала и институировала княжескую власть.³³ Эти слова подтверждаются внешней политикой Владимира Святославича.

Изучая процессы эволюции княжеской власти в восточнославянском мире для конца X—начала XI в., приходится рассматривать во взаимосвязи два явления: 1. Укрепление и социально-экономическое развитие самого государства и 2. Подъем общественного статуса, легитимность и упрочение власти князя.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Русь середины — второй половины X в. имела определенные и постоянные признаки государственной организации. Основные восточнославянские земли были инкорпорированы в ее состав. При княгине Ольге регламентировали дани и другие повинности. Работал элементарный государственный аппарат, состоявший из дружинников. В стране действовало устное обычное право, «Закон Русский». В правосознании общества утвердилось понятие о государе как наследственном, следовательно, законном государе.

Уже упоминалось, что само понятие единовластия впервые использовано Нестором под 977 г. в отношении старшего брата Владимира Ярополка. Но единовластие Ярополка было кратковременным, через год он потерял и Киев, и жизнь. Думается, что это понятие было применено к Ярополку лишь потому, что Владимир «переял» его власть, а Владимир действительно был самовластцем.

Отказ от взгляда на Древнюю Русь как объединенное государство не позволял, понятно, большинству историков прошлого рассматривать киевского князя как верховного сюзерена. В лучшем случае историки воспринимали его как первого среди равных в господствовавшей верхушке. Отечественные историки 20-х—40-х гг. XX в. также отдали дань этой теории.

Даже Б. Д. Греков утверждал, что киевский князь хотя и был признанным главой государства, но не самодержцем. Он — представитель правящей знати, признающей над собой власть князя в собственных интересах, разделяющей с ним власть.³⁴ Основным оппонент Грекова в проблематике образования Русского государства С. В. Юшков еще меньше был убежден в том, что на Руси существовала сильная и единая государственная власть. Для него киевский князь был первым среди Рюриковичей, своеобразным верховным сюзереном, во всем зависевшим от других князей и бояр.³⁵

Наша наука с началом 70-х гг. отказалась от этой мысли и сформулировала другую. Наиболее последовательным и ярким ее выразителем стал Л. В. Черепнин. Со времени кончины Владимира, писал он, существуют все основания говорить о раннефеодальной монархии на Руси. Форма государства при Владимире и Ярославе выглядит иначе, чем при Олеге, Игоре и Святославе.³⁶ Иной стала во времена Владимира и сама структура государства.

Все же консолидация державы довлاديمирова времени оставалась недостаточной. Для действенного руководства ею была слишком велика ее территория и рыхла структура. Племенная знать на местах, в отдалении от центра на много дней, а то и недель конного пути, чувствовала себя независимо и часто безнаказанно. Разной была и степень зависимости тех или других племенных образований от киевского государя. Перед Владимиром и его советниками встала первоочередная задача: наладить и укрепить внутренние связи в стране.

Упрочение власти Владимиром. После того как «нача княжити Володимерь въ Киевѣ единъ», он прибег к мерам укрепления своего положения на киевском престоле, сначала посадив верных ему людей в основных городах Руси. Вероятно, он не считал надежными ни местных вождей племен, ни дружинников свергнутого им со стола брата Ярополка. «И избра от нихъ [варягов] мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады»³⁷ — перед нами предвестник проведенной им несколькими годами позднее административной реформы?! Наверное, дружинники Владимира поехали в не очень отдаленные от Киева грады Южной Руси. Тогда же дядюшка и наиболее доверенный

советник князя отправился в северную столицу: «Володимеръ же посади Добрыню, уя своего, въ Новѣгородѣ». ³⁸ Только после этого пришла очередь укрепления земельной структуры страны.

До той поры предшественники Владимира ограничивались отдельными мерами, вынуждавшими непокорных вождей племенных союзов и княжений покориться лишь на время. Необходимо было прибегнуть к радикальным мерам для укрепления государства. Вероятно, благодаря размышлениям на эту тему Владимир (или его советники) пришли к идее проведения административной реформы, имевшей целью раз и навсегда сломить власть местных князьков, старейшин и волхвов и окончательно закрепить земли племенных образований в составе государства.

Под 988 г. ³⁹ летопись Нестора повествует: «Бѣ у него сыновѣ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершую же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, а Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мьстислава Тматорокани». ⁴⁰ Это же сообщение читается и в Новгородской первой летописи младшего извода. ⁴¹

А. А. Шахматов полагал, что рассказ летописца о распределении волостей между сыновьями Владимира Святославича отсутствовал в Древнейшем своде 1037—1039 гг. и появился под пером позднейшего редактора. Толчком к составлению этого рассказа послужило будто бы известие Новгородского владычного свода о том, что в Новгороде был посажен Вышеслав, а после его смерти в Новгород был переведен Ярослав. ⁴² Но А. Е. Пресняков признал неубедительной критику Шахматовым летописного рассказа о предоставлении Владимиром волостей своим сыновьям и заметил, что это аутентичное известие страдает разве что тем, что сводит воедино разновременные события. ⁴³ Трудно представить, что князь Владимир смог одновременно рассадить своих сыновей в наиболее ответственных и удаленных от Киева городах Руси. Реформа явно растянулась на несколько лет.

Многие историки рассматривали реформу Владимира как ослабление единства государства: мол, князь раздал земли сыновьям. Но его дети не были на всю жизнь связаны с тем или иным городом или землей. Они лишь управляли частями страны от имени князя как его посадники, были помощниками отца, участниками его управления государством. Потомки Владимира были совладельцами страны, земли, принадлежавшей всему княжескому роду.⁴⁴ Этим они решительно отличались от племенных князей и старейшин, опиравшихся на местные силы и прочно сидевших в своих владениях.⁴⁵ Поэтому административные действия князя укрепили страну, сделали ее более компактной и централизованной.

Христианизация Руси. Владимир Святославич и его окружение, вероятно, понимали важность эффективных внешне-политических действий для укрепления княжеской власти и государства. С одной стороны, жизненные реалии вынуждали русского государя проводить активную внешнюю политику, обеспечивать главный рынок сбыта русских товаров в Византии, соперничать с ней в причерноморском регионе. С другой, такая политика объективно повышала авторитет русского князя и была целенаправленной в аспекте упрочения государственности на Руси. Осада и взятие Херсона (Херсонеса) в Крыму в 989 г., женитьба Владимира на греческой принцессе еще выше поднимали государя в глазах общества, ставя его едва не на один уровень с византийским василевсом. Этой же цели служило и введение христианства как официальной государственной религии в 988—990 гг.

В наше время стало скверной модой не ссылаться на К. Маркса, тем паче не цитировать его и делать вид, будто его никогда не было. А он проницательно отметил принципиальное отличие правления Владимира от княжений его предшественников: став христианином, он соединил теократический деспотизм византийских императоров с военным счастьем (победой над Греками в Крыму) и стал одновременно для своих подданных господином на земле и заступником на небе.⁴⁶

Всеми доступными ей средствами и возможностями русская церковь укрепляла авторитет князя, провозглашая его власть божественной, а самого его помазанником божьим. В 996 г. со-

бор русских епископов торжественно и верноподданно заявил Владимиру: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытумъ».⁴⁷

Брак с порфирородной Анной и христианизация государства нашли отражение в эмиссии Владимиром Святославичем собственной монеты: золотой (златников) и серебряной (сребреников). На них был изображен князь в парадном облачении с венцом на голове. Надпись на большей части сребреников гласила: «Владимир на столе, а се его сребро». Роль денег Владимира в обращении была очень скромной, ведь их отчеканили мало.⁴⁸ Эмитируя златники и сребреники, Владимир не заботился о финансовых выгодах. Монеты князя должны были известить христианский мир о выходе на историческую сцену большой политики молодого независимого государства, о величии его государя.

Актом государственной политики, направленным на укрепление власти и авторитета князя, был и последний его брак. Его византийская супруга скончалась в 1011 г. И вскоре после того князь женился на германской принцессе. Большинство историков полагает, что ею была внучка германского императора Оттона Великого, дочь графа Куно. Эта последняя жена пережила Владимира и, согласно свидетельству Титмара, попала в плен, когда в 1018 г. польский князь Болеслав Смелый вошел в Киев.⁴⁹

В глазах древнерусского общества Владимира особенно прославило строительство торжественного и роскошного главного храма державы — собора Пресвятой Богородицы, более известного под названием Десятинной церкви (ибо на содержание и самого храма, и церковной организации князь выделил десятую часть государственных доходов). О громадном значении в идеологической, и общественно-политической жизни государства строительства Десятинной церкви свидетельствует Нестор. Вначале, под 989 г. он торжественно сообщает, что «Володимерь живяше в Законѣ хрестыянсте помысли создати церковь святые Богородицы, и пославъ приведе мастера от Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижє, украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину и попы корсуньские пристави

служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ възлѣ в Корсуни, иконы и съсуды и кресты».⁵⁰

А под 996 г., поведав о завершении строительства этого величественного храма, летописец вкладывает в уста государя трогательную речь, обращенную к Господу. Рассказ «Повести» завершается также торжественно: «И створи [князь] праздникъ великъ в тѣ день боляромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ, раздая имѣнье много».⁵¹ Своему сыну и преемнику Ярославу Владимир оставил сильное централизованное государство с единовластным образом правления.

Ярослав. Борьба за власть между сыновьями. Вторая половина княжения Владимира Святославича в Киеве (998—1015 гг.) по неизвестным науке причинам вовсе не отразилась в летописании. Поэтому поражает читателя, в воображении которого сложился образ полновластного и всесильного государя, статья «Повести временных лет» своим неожиданным содержанием, динамичностью и драматизмом под 1014 г.: «Ярославу же сущю Новогороде, и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячи гривенъ от года и до года, а тысячу Новѣгородѣ гридямъ раздаваху. И тако даяку вси посадники новгородьстии, а Ярославъ сего не даяше къ Киеву отцю своему. И рече Володимерь: „Требите путь и мостите мосты“ — хотяшет бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся».⁵² Аналогичный текст имеется и в Новгородской первой летописи младшего свода, но вместо слов «вси посадники новгородьстии» сказано «вси князи новгородьстии».⁵³ Кажется, сказалось стремление новгородских книжников (верно служивших тамошнему боярству) представлять Новгород обособленным с начала его существования и почти независимым от Киева.

Однако восстание Ярослава против могущественного отца было не единственным, но лишь последним в череде подобных событий на Руси конца X—начала XI в. Просто летописи не знали или просто замолчали выступления еще двух братьев Ярослава против отца. Существуют основания думать, что они начались еще в конце 90-х гг. X в., когда Владимир пребывал в зените славы и могущества.

Историки давно смущает непонятное исчезновение со страниц летописи Всеволода Владимировича, посаженного отцом

во Владимире-Волынском согласно рассказу Нестора об административной реформе 988 г. А. Е. Пресняков обратил внимание на указанное Ф. А. Брауном свидетельство скандинавских источников о том, что русский князь *Visivald* бежал «за море» в 994 г. и погиб на скандинавском севере около 995 г.⁵⁴ Естественно допустить, что он подался «за море» в «Варягы»⁵⁵ вследствие ссоры с отцом.⁵⁶ Это свидетельство косвенно подтверждается неизвестным нам источником поздней Густынской летописи о том, что в 90-х гг. X в. наместником во Владимире сидел уже другой сын Владимира Святославича Позвизд.⁵⁷

Не знают русские летописи и о попытке восстания против Владимира его пасынка Святополка Ярополчича. Из «Повести временных лет» известно лишь о том, что во время реформы Владимира Святополку достался провинциальный Туров.⁵⁸ Тем временем Святополк вовсе не сидел тихо в Турове, дожидаясь смерти отчима, как может показаться из умолчания о нем в «Повести» и Новгородской первой летописи младшего извода. Зато в саксонской «Хронике» Титмара повествуется о том, что между 1008 и 1013 гг. Русь и Польша заключили союзное соглашение, скрепленное браком «старшего сына» Владимира Святославича и дочери польского князя Болеслава Смелого. Историки относят этот брак к 1009 или к началу 1010 г.

Вместе с польской княжной на Русь прибыл ее духовник епископ Рейнберн, перед этим занимавший епископскую кафедру в польском городе Колобжеге. Он вскоре приобрел большое влияние на Святополка. Титмар свидетельствует, что, когда Владимир Святославич узнал о том, что Святополк по наущению Болеслава и при содействии Рейнберна вознамерился восстать против него, он бросил в темницу непокорного пасынка вместе с его женой и ее духовником. В заточении Рейнберн вскоре умер, а Святополк с женой остались в заключении. События относятся приблизительно к 1012 г. Далее, по словам саксонского хрониста, обиженный за дочь Болеслав принялся мстить русскому государю. В 1013 г. польское войско вторглось на западнорусские земли и опустошило порубежье. Так был разорван русско-польский союз.⁵⁹

Обойдя вниманием стычки Владимира с Всеволодом и Святополком, русские летописи сосредоточили внимание на ссоре

Ярослава с отцом. Сказав под 1014 г. о том, что Ярослав отказался платить дань Киеву, Нестор под следующим 1015 г. продолжает: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава. Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего».⁶⁰ Ярослав поступил точно так же, как его отец Владимир в 977 г. в поединке с Ярополком: не полагаясь на собственные силы, он послал в Скандинавию и набрал войско из наемников-варягов, лучших воинов средневекового мира. Но до войны с отцом дело не дошло. 15 июля того года Владимир внезапно умер.

Ни в «Повести временных лет», ни в Новгородской первой летописи не стоит искать исторически достоверных сведений о войне между потомками Владимира. В борьбе за киевский стол в 1015—1019 гг. погибли Борис, Глеб, Святослав Владимировичи и Святополк Ярополчич. Далее соперничество за Киев свелось к соревнованию между Ярославом и его братом Мстиславом.

При том «культе личности» Ярослава, наблюдающемся и в научных, и в популярных работах, приходится признать, что он не имел военной удачи. Почти все свои военные стычки и битвы он проиграл. Не было исключением из этого правила и его вооруженное столкновение с братом Мстиславом, славным рыцарем, воспетым в «Слове о полку Игореве». В 1024 г. Ярослав решился укротить Мстислава (высказывавшего претензии на Киев и севшего в Чернигове) и сошелся с ним в кровавой битве вблизи Чернигова. Эту битву Ярослав проиграл, потерял варяжскую дружину и бежал в Новгород, где и сидел, «не смеяше... ити в Кыевъ дондеже смириастя».⁶¹

Набрав в Новгороде немалое войско (понятно, из варягов), Ярослав Владимирович вернулся в стольный град Руси и «створи миръ с братом своимъ Мьстиславомъ у Городця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».⁶² Эта идиллическая картина означает, что Ярославу пришлось разделить с братом не только Русскую землю, но и власть на Руси.

Первый дуумвират на Руси. Некоторые исследователи удивляются тому, что князь Ярослав, так жаждавший единовла-

ствия в стране, победивший перед этим в изнурительной войне Святополка Ярополчича, смирился с разделом Русской земли и не предпринимал больше попыток подчинить себе Мстислава. В общественном мнении того времени братья считались соправителями Руси, своеобразными дуумвирами. Лишь после 1036 г., когда умер Мстислав, Нестор смог отметить: «Посемь же перея власть его [Мстислава] всю Ярославъ и бысть самовластець Русьстей земли».⁶³

В этом дуумвирате, если судить из свидетельства благоприятствующего Ярославу Нестора, братья были равными. В 1031 г. Мстислав помог Ярославу отвоевать у Польши Червенские грады.⁶⁴ Можно доверять свидетельству Никоновской летописи под 1029 г.: «Ярославъ ходи на ясы [осетинов] и взять ихъ»,⁶⁵ вне сомнения, помогая Мстиславу, интересы которого на Северном Кавказе и в Тмутарокани требовали постоянного войскового присутствия и силового вмешательства.

С другой стороны, мир и спокойствие, наставшие в Русской земле после соглашения в Городце, объяснялись еще и тем, что общество и государственность на Руси достигли более высокого, чем прежде, уровня, когда подписанный между князьями договор мог действовать более десяти лет. Трудно представить себе подобное в 70-е гг. X в., во времена раздоров между Ярополком, Олегом и Владимиром Святославичем.

Древнерусская общественная мысль высоко оценила это первое соглашение между Рюриковичами, призванное обеспечить мир и согласие на Руси. Память о нем дожила по крайней мере до конца XII в. На него ссылались в межкняжеских отношениях как на правовой прецедент и стремились его использовать Мономашичи против черниговских Ольговичей в соперничестве вокруг киевского стола. В разгаре удельной раздробленности в 1195 г. Рюрик Ростиславич киевский при поддержке Всеволода Юрьевича суздальского требовал от Ярослава Всеволодича и других Ольговичей «не искати отцины нашае Кыева и Смоленска под нами и под нашими дѣтми и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ, како насъ разделилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ». На это Ольговичи гордо ответили, что вообще не претендуют на Киев, но имеют равные на него права с Монома-

щиками: «Мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци».⁶⁶

Более чем за двадцать лет перед тем, в конце 1173 г., в Киеве вокняжился другой Мономашич Ярослав Изяславич. Тогда глава Ольговичей Святослав Всеволодич начал требовать у него владения («части») в Киевской земле. Ярослав снисходительно ответил ему: «Чему тобѣ наша [Мономашичей] отчина? Тобѣ си сторона [Днепра] не надобѣ». Святослав же почла ему молвити: «Я не Угрин, ни Ляхъ, но единого дѣда есмы внуци, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ».⁶⁷

Можно думать, что стремлением к миру и стабильности в государстве объясняется снисходительное отношение Ярослава Владимировича к непокорному полоцкому князю Брячиславу Изяславичу. Брячислав совершил грабительский поход на Новгород Великий, взял плен и много добра, и повез все то в Полоцк. Ярослав стремительно вышел из Киева, догнал Брячислава, разбил его войско, отнял пленных и награбленное. Тот бежал в Полоцк, а Ярослав не стал преследовать его и позволил досидеть там до смерти (1044 г.). Позднейшие изводы, берущие начало от Новгородского свода конца XV в. (Никоновский, Софийский первый, Воскресенский и др.), так сообщают о мирном завершении малой войны Ярослава с Брячиславом: «Ис Киева призва [Ярослав] его [Брячислава] къ собѣ и вда ему два града Усвату и Витебск, и рече ему: «Буди же со мною единъ». И вовеша Брячиславъ [вместе] все дни живота своего».⁶⁸

Ярослав достигает единовластия. Кончина Мстислава (1036 г.), как было сказано, превратила Ярослава в единовластного властителя. Он принимает меры к упрочению своей власти и централизации государства. В статье «Повести временных лет» того же 1036 г. сказано: «Иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постаави Жидяту [Луку].⁶⁹ Подобные меры Ярослав проводил и в последующие годы.

Историки издавна надлежащим образом оценили получение Ярославом верховной власти в стране. М. С. Грушевский утверждал: «Вообще единовластие Ярослава было дальнейшим сильным шагом в эволюции внутренних связей, внутреннего единства земель Русской державы, что берет начало от Влади-

мира». Но дальше автор этих слов ошибался, когда писал, будто единовластие Ярослава не внесло в русскую государственность ничего нового, будто бы оно просто развивало предыдущее.⁷⁰ Нового произошло как раз очень много.

Летописная статья 1036 г. завершается симптоматическим сообщением: «В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубъ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему».⁷¹ Подробнее выглядит это известие в Никоновской летописи: «Того же лѣта разгнѣвася Ярославъ на менший брат свой Судислава и всади его в порубъ во Псковѣ до живота своего, оклеветанъ бо бѣ къ нему».⁷² Из «Повести» известно, что Судислав не принимал участия в борьбе за киевский стол в 1015—1019 гг. и мирно сидел в глухом, провинциальном тогда Пскове.

Но из кратких слов летописцев выходит, будто вина Судислава была тяжелой, чем-то он оказался опасным для киевского государя. Недаром Изяслав, Святослав и Всеволод освободили Судислава из «поруба», где он просидел 24 года, лишь через пять лет после смерти Ярослава, да еще взяли с него клятву не принимать участия в политической жизни страны и бросили в монастырь: «Заводевше [его] кресту и бысть чернцемъ».⁷³ Измученный и слабый, Судислав умер через четыре года после освобождения из тюрьмы.⁷⁴ Да и лет ему было много. Убежден в том, что жестокая расправа с Судиславом стояла в прямой связи с двумя предыдущими сообщениями статьи 1036 г. — о самовластве Ярослава и о посажении им сына в Новгороде.

Дело состояло, вероятно, вовсе не в том, что кто-то опорочил Судислава. Речь шла об укреплении государства и подавлении сепаратизма в отдаленных землях. Ведь заключение Судислава произошло вскоре после утверждения Владимира Ярославича в Новгороде. И Новгород, и Псков были очагами автономистских устремлений местного великого боярства. Но эти города были в то время важнейшими форпостами Киева на Северо-Востоке, особенно при учете того, что Ярослав отдавал предпочтение северо-западной политике перед традиционной южной (византийской). Поэтому киевский государь стремился упрочить свои позиции в обоих главных городах русского Севера. Наконец, Ярослав мог видеть в Судиславе потенциального претендента на киевский стол и решил избавиться от не-

го (такая мысль подкрепляется действиями Ярославичей после освобождения Судислава из «поруба»). Таким образом, все эти действия киевского князя, объективно говоря, вели к повышению его авторитета в правящем слое Древней Руси.

Реформаторская деятельность Ярослава Владимировича. Подобно отцу, Ярослав принадлежал к числу князей-реформаторов. Но его реформы отличались от отцовских. Они происходили уже в иное историческое время, должны были, объективно говоря, отвечать развитию новых общественных отношений феодального типа, чем ознаменовалось княжение Ярослава. Считаю ошибочной распространенную в литературе мысль, будто Ярослав сажал сыновей-посадников в разных городах страны. Они основываются на некорректном толковании «ряда» Ярослава сыновьям 1054 г., а также известий летописцев о том, в каких городах сидели Ярославичи после кончины отца: мол, он посадил их в тех городах еще при жизни,⁷⁵ что не соответствовало действительности.

«Ряд» Ярослава 1054 г. Как писал один из знатоков проблемы, «для времен Ярослава летописец формулирует уже идею наследственной монархии. „Ярославъ же сѣде Кыевъ на столѣ отни и дѣдни“». ⁷⁶ Но уровень централизации и мера абсолютности власти этого наследственного монарха были относительными. Поэтому не стоит считать государство времен Ярослава «автократической монархией», как предлагал Б. А. Рыбаков.⁷⁷ Более того, раннефеодальная наследственная монархия в княжение Ярослава на Руси не успела утвердиться, на это просто не хватило времени, что отразилось в его «ряде» — завещании сыновьям-наследникам. То было распоряжение сыновьям, как им жить и править страной после смерти отца. «Ряд» вписан в «Повесть» под 1054 г. и заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее.

В начале «ряда» Ярослав призывал сыновей: «Имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте брать единого отца и матере», — вероятно, он считал, что одна из главных причин братоубийственной войны между потомками Владимира была та, что они были рождены от одного отца, но от разных матерей. Следовательно, прочные семейные узы, по замыслу старого князя, могли помочь избежать гражданской войны на Руси после его кончины.

В «ряде» сжато передана та часть завещания Ярослава Владимировича, в которой речь шла о распределении земель государства между его сыновьями: «Се же поручаю в собе мѣсто столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, его послушайте, яко послушаете мене, да той вы будете въ мене мѣсто». Святославу был дан Чернигов, Всеволоду Переяславль, Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск. Ярослав запретил сыновьям посягать на земли братьев и поручил Изяславу заботиться об этом.⁷⁸ Но перед нами вовсе не подлинная грамота Ярослава, а текст безусловно позднейшего литературного происхождения. Как показал английский историк С. Франклин,⁷⁹ в «Ряде» Ярослава использовано заимствование из византийского источника, 28 вопроса Анастасия Синаита через посредничество какого-то текста, близкого к «Изборнику» 1073 г. Речь идет о мотиве богоустановленности и нерушимости раздела земель государства между сыновьями: именно так, как сказано в летописи, согласно «братскому жребию».

Однако ни один источник не содержит прямых сведений относительно того, что Ярослав *посадил* сыновей в городах государств. Напротив, сам текст «Ряда» недвусмысленно свидетельствует о том, что государь лишь незадолго до смерти *назначил* пребывавшие под его рукой города сыновьям: «Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ».⁸⁰ Следовательно, перечисленные в завещании Ярослава потомки этими городами раньше не владели, а получили их по милости своего отца, по его «Ряду».

Можно думать, что Ярослав на собственном опыте убедился в главном недостатке административной реформы отца 988 г. — она неминуемо превращала сыновей-наместников в почти суверенных правителей, и это сделало их сильными и помогло бы отважиться на выступления против него. Ярослав Владимирович, вероятно, решил избежать этого, держа сыновей подле себя или посылая их с поручениями в разные города и земли.⁸¹

Остается допустить, что в различных городах Руси, среди них в крупных, при Ярославе сидели обычные посадники из числа его бояр и приближенных. Это знаменовало отход в про-

шное дружинных порядков и самого дружинного государства с их замкнутостью на членах княжеского рода и их дружинном окружении. Так Ярослав осуществил дальнейший шаг на пути улучшения системы управления разными землями, составлявшими Киевское государство. В сущности, это было усовершенствование административной реформы Владимира Святославича. В пользу этого мнения свидетельствует уменьшение роли дружины в социально-политической жизни государства. Одновременно отмирают реликты старого племенного деления страны, да и сами племенные названия.

Древнерусская государственность сделала значительный шаг вперед в годы княжения Ярослава Владимировича. Было завершено в основных чертах государственное строительство, установилась структура страны, укреплены ее рубежи. Русь получила письменное законодательство «Правду Русскую», способствовавшее развитию административных, налоговых и правовых институтов. Лишь со времени Ярослава можно говорить о целенаправленной и продуманной внешней политике. Авторитет великого князя киевского было исключительно высок. Его называли даже царем: в граффити на стене Софийского собора в Киеве помещено следующее известие о его кончине: «В лето [6562] у февраля в 20-е успение царя нашего».⁸² Но единовластная монархия на Руси не была еще достаточно крепкой, точно так же не установились иерархические отношения в ее господствующей среде. Сам «Ряд» 1054 г. открывал перед сыновьями князя разные возможности толкования. Это дало себя знать вскоре после кончины Ярослава Мудрого.

Летопись Нестора в самых общих чертах передала ту часть «Ряда» Ярослава, в которой речь шла о разделе волостей государства между его сыновьями: старший Изяслав получил Киев, второй Святослав Чернигов, третий Всеволод Переяславль, четвертый Игорь Владимир-Волынский, пятый и последний к тому времени среди живых Вячеслав Смоленск.⁸³ Многие летописные изводы (Новгородская первая летопись младшего извода, Тверская, Летопись Авраамки и др.) несколько конкретизируют скупую картину раздела Руси между старшими Ярославичами: «И раздѣлиша землю, и взя вятший⁸⁴ Изяславъ Киевъ и Новѣгородъ и ины города многы Киевскыя в предѣлѣхъ,

а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную до Муромъ, а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суждаль, Бѣлоозеро, Поволжье». ⁸⁵

Историки по-разному отнеслись к процитированным словам новгородского книжника, ⁸⁶ источника авторитетного: А. Е. Пресняков со скепсисом, ⁸⁷ а М. С. Грушевский с полным доверием. ⁸⁸ Кажется, ближе к истине был последний, потому что подобный характер распределения земель между тремя Ярославичами отразился в позднейших летописных известиях, а также в «Поучении» Владимира Мономаха. В частности, видятся вероятными сообщения некоторых летописей, например Софийской первой, о переходе Новгорода в сферу власти Изяслава еще при жизни отца, — вероятно, вскоре после смерти старшего Ярославича Владимира в 1052 г. Рассказывая под 1054 г. о болезни Ярослава Владимировича, Воскресенская летопись замечает: «Изяславу сущу тогда в Новѣгородѣ». ⁸⁹

Вероятно, государь поручил старшему сыну присматривать за отдаленным Новгородом. Сепаратистские тенденции тамошнего боярства давали о себе знать чуть ли не со времени присоединения древнерусского Севера к Югу в конце IX в. Хотя как можно понять из источников, Ярослав не продолжил линию посажения сыновей в разных городах государства, но для Новгорода он мог сделать исключение. Из летописей известно, что вплоть до своей кончины в Новгороде пребывал его старший сын Владимир (с 1036 г.). В. И. Ключевский резюмировал свои наблюдения над «рядом» Ярослава следующим образом: распределение земель между сыновьями Ярослава было основано на согласовании генеалогического отношения князей с экономическим значением городских областей. ⁹⁰

Вплоть до настоящего времени историки дискутируют о вкладе «Ряда» в развитие государственности Руси, в изменения ее общественно-политической структуры, наставшие после смерти Ярослава. Высокому научному авторитету А. Е. Преснякова наука обязана распространенному в наши дни мнению, будто завещание князя не было обращено в будущее, а отражало родово-патриархальные отношения, существовавшие тогда и в стране, и в княжеском роде. Целью «ряда» Ярослава было сохранение семейного союза между его сыновьями ради

внутреннего мира и единства в борьбе с врагами. По мнению ученого, завещание 1054 г. не установило ни порядка наследования во владении волостями, ни порядка старшинства в роду Рюриковичей. С ним согласился С. В. Юшков, написав, будто «Ряд» Ярослава не заложил никаких новых принципов в порядок унаследования княжеской власти. Подобное завещание мог бы составить Святослав, такой же «ряд» мог дать и князь Владимир. Правда, Юшков тонко заметил, что завещание Ярослава регламентирует сюзеренитет старшего брата над младшими, отныне поставленными в статус вассалов.⁹¹ Но начала иерархической сюзеренно-вассальной системы в «Ряде» этот ученый не увидел. Завещание Ярослава не внесло ничего нового в политическо-административную структуру Руси, считает и современный историк.⁹² С этим трудно согласиться.

В свое время высказывалась мысль, что «Ряд» Ярослава 1054 г. вписывается в рамки родового сюзеренитета над Русью, мол, это было еще не начало феодального сюзеренитета, а сохранение существующего порядка вещей. А разделение Русской земли между братьями и есть признак родового сюзеренитета.⁹³ Эта мысль представляется мне ошибочной. Во-первых, в «Ряде» обеспечивались права не всех Ярославичей, а лишь трех старших среди пяти, что дополнительно подтверждается свидетельствами нескольких позднейших летописей и «Поучения» Мономаха. Во-вторых, даже лапидарная формула «Повести временных лет» «в мене [отца] мѣсто» с последующей детализацией может быть истолкована как свидетельство того, что сам Ярослав все-таки видел в старшем сыне своего преемника на киевском столе. Именно в этом, на мой взгляд, и состоит новаторство завещания Ярослава.

В начале XX в. В. О. Ключевский иначе, чем упомянутые историки, оценил вклад «Ряда» в развитие государственности на Руси. Порядок унаследования киевского и прочих важных столов по принципу «старшему в роде» ведет начало от этого завещания создателя Русского государства. По мнению ученого, «Ряд» установил и порядок старейшинства между князьями.⁹⁴ В его «Курсе русской истории» проступает мысль, что отношения сюзеренитета-вассалитета в роду Рюриковичей основаны завещанием Ярослава.

Тема рождения и распространения системы сюзеренно-вассальных отношений привлекла внимание историков главным образом в последние десятилетия. Ранее ее либо не исследовали, либо думали, что она принята в господствующей среде едва ли не со времени рождения государства. С. В. Юшков считал, что подобная норма в отношениях между Рюриковичами существовала еще и в IX и X вв., правда, он заметил при этом, что возникновение вассалитета развитого типа следует отнести ко временам сыновей и внуков Ярослава.⁹⁵

По мнению А. П. Толочко, ответ на вопрос, когда на Руси установились междукняжеские отношения, основывавшиеся на началах сюзеренитета-вассалитета, дал сам летописец в рассказе о последних годах жизни Всеволода Ярославича. Историк ссылается при этом на известную цитату из «Повести временных лет»: «Сѣдящю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати. Хотя власти [волости] ов сея, ово же другие. Сей же [Всеволод] омиряя ихъ раздаваше власти имъ».⁹⁶ Исследователь полагает, что именно при Всеволоде родилось понятие волости как условного «держания», бенефиция, дававшегося лишь киевским князем.⁹⁷ Однако случаи получения членами рода Рюриковичей условных владений с обязательным отбыванием воинской службы в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов не отмечены.

На иной позиции стоял в свое время Л. В. Черепнин. Он пришел к выводу, что «Ряд» Ярослава был для своего времени поистине новаторским документом и строился на началах феодальной иерархии, а основу союза между его сыновьями могли составлять принципы сюзеренитета-вассалитета. Этот взгляд ученый развил в позднейшей работе. В своем завещании, думал он, Ярослав обязал сыновей быть в дружественном союзе («имейте в собе любовь, будете мирно живуще»), «сего [Изяслава] послушайте, яко же послушаете мене». Эта система, как казалось Ярославу Владимировичу, гарантировала внутреннюю целостность державы.⁹⁸ Но, рассматривая феодально-иерархическую структуру государства Ярославичей, Черепнин построил исследование на позднем летописном материале.⁹⁹ Ведь междукняжеские отношения XI—XII вв. намного хуже отражены в источниках.

На мой взгляд, иерархические отношения между князьями и вообще в среде господствовавшего слоя непосредственно истекают из завещания Ярослава. Система сюзеренитета-вассалитета не только связана с порядком замещения княжеских столов на основе «лествичного восхождения», но и рождена этими порядком. Наделение Всеволодом Ярославичем племянников волостями, о чем так ярко поведал летописец, основывалось на каком-то документе, естественнее всего, на «Ряде» 1054 г. или по меньшей мере на норме устного обычного права, которая логическим образом вытекала из этого акта. Поэтому не стоит думать, будто завещание Ярослава не внесло ничего нового в общественно-политическую структуру Руси второй половины XI в.

Оригинальный и даже парадоксальный взгляд на «Ряд» Ярослава высказал А. Поппэ. Он считал, что «Ряд» попал в летопись в уже переосмысленном в правление Всеволода виде и появился в письменном виде лишь при Владимире Мономахе. Польский историк пришел к мысли, что после смерти в 1052 г. старшего сына Ярослава Владимира опытный князь понял, что никому из сыновей в одиночку не удержать власть в княжестве. Отсюда и его необычное решение разделить Русь между тремя старшими сыновьями, наделив их общей ответственностью за политический порядок в стране. Триархия Ярославичей не была выдумкой в минуту слабости, а механизмом, созданным самим Ярославом.¹⁰⁰ Вероятно, идея А. Поппэ предусматривает государственную мудрость Ярослава в политической ситуации, сложившейся на Руси после смерти старого князя. Однако разделения Руси на три части «Ряд» 1054 г. как раз и не закрепил.

Триумvirат Ярославичей. Впрочем, не стоит идеализировать общественно-политическое значение завещания Ярослава. Оно было документом своего времени, и не следует ожидать от него большего, чем надлежит. Все же в «Ряде» не был четко решен главный в плане будущего развития государства вопрос: порядок наследования киевского стола. Невыразительная формула «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ» и призыв слушаться его так же, как слушались его, Ярослава, вероятно, не были восприняты общественным правосознанием, да и самими сыно-

вями великого князя, в том понимании, что главный престол государства передается старшему в роде. Недаром сразу же после смерти Ярослава возникает триумvirат его трех старших сыновей. Следует признать, что в «Ряде» были подсознательно заложены зерна усобиц в роду Ярославичей, буйно проросшие через два десятилетия после его кончины, в 70-е гг. XI в.

Как было сказано, завещание Ярослава было передано в «Повести временных лет» в сокращенном виде и обобщенной форме. Но даже этот текст производит впечатление, что акт Ярослава предусматривал все же наследование Киева по системе «лествичного восхождения», от старшего брата к следующему по времени рождения. Такая мысль находит подтверждение в свидетельстве «Повести» о последних месяцах жизни Всеволода Ярославича, на что обратил внимание еще В. О. Ключевский.¹⁰¹ Книжник повествует, как перед смертью Ярослав велел позвать к нему любимого сына Всеволода и сказал ему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть Богъ *приятти власть стола моего по братыи своей, с правдою, а не съ насильемъ*, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братыи твоее».¹⁰²

Выделенные мною слова летописи можно естественнее всего толковать в том смысле, что именно Ярослав установил порядок передачи власти старшему в роде и что этот порядок киевский князь считал единственно законным и естественным. Знаменательно, что наблюдать за соблюдением правила «лествичного восхождения» Ярослав поручил не непосредственному преемнику Изяслава Святославу, отличавшемуся буйным нравом и трудным характером, а спокойному и рассудительному Всеволоду. Дальновидный Ярослав Владимирович будто предусматривал смуту далекого 1073 г., когда Святослав при пассивной поддержке Всеволода выгонит Изяслава из Киева, нарушив завещание отца, и сядет на главный русский престол. Прав был Л. В. Черепнин, написав о «Ряде», что это было не моральное поучение главы семейства, а завещание главы государства.¹⁰³

В теоретическом плане передача власти по принципу родового старейшинства от брата к брату берет начало в родопле-

менном обществе. Так могло быть в восточнославянской среде во времена рождения государственности. Однако древнерусские источники не дают оснований для подобного утверждения. В государственную практику Рюриковичей до Ярославовых времен порядок «родового старейшинства» не вошел, судя по летописям.

Возможно, так случилось из-за его физической невозможности. Ведь Олег, Игорь и Святослав, если исходить из летописных свидетельств о них, братьев не имели (в соглашении с Греками 944 г. упомянуты «нети» Игоря, но, скорее всего, то были дети его сестер;¹⁰⁴ братья Владимира Ярополк и Олег погибли в борьбе за киевский стол, это же произошло со всеми братьями Ярослава. Его соглашение с Мстиславом 1026 г., когда Южная Русь были разделена ими по Днепру, стало первым правовым документом, регулировавшим межкняжеские отношения на Руси. Остается признать, что лишь после кончины Ярослава родовой порядок («клевещичное восхождение») унаследования киевского и прочих столов начал действовать, пусть даже князь воспользовался известным ему древним обычаем.

Развитие общественно-политической жизни в стране после кончины Ярослава происходило вовсе не так, как предусматривал старый князь. Его новаторский в своей сути «ряд» не мог, вероятно, быть понят и воспринят современниками. Святослав и Всеволод вряд ли думали, что Изяслав сможет заменить им отца в качестве сюзерена, к чему призывало их завещание 1054 г. Судя из отраженного в летописи жизнеописания Изяслава и его посмертного панегирика с подробной характеристикой этого старшего сына Ярослава, он не обладал государственными способностями, которыми в достатке владели его отец и дед, был мягким, нерешительным человеком. Поэтому, возможно, он и согласился на совместное правление на Руси с двумя младшими братьями. Наверное, из-за этого историки, и среди них А. Поппэ, решили, будто Ярослав в «Ряде» 1054 г. не установил порядка единовластного замещения киевского стола. По моему мнению, как раз установил, и достаточно определенно, если принять во внимание рассказ летописи о предсмертных словах Ярослава Всеволоду, упомянутых в летописи под 1093 г. Иное дело, что Изяслав не обладал решимостью

и политической волей настоять на исполнении братьями наказа отца.

Парадоксальным может показаться мое утверждение: значение «Ряда», притом что Ярославичи не выполнили главного его условия: передачи власти согласно родовому старейшинству, состоит также в том, что ко времени его провозглашения стала возможной смена социально-политической структуры государства. Единовластное правление Ярослава заменил триумvirат его старших сыновей. По мнению Б. Д. Грекова, термин «триумvirат» ввел в научный обиход А. Е. Пресняков.¹⁰⁵ Летописец его не знает, однако пользуется аналогичным по смыслу понятием «трие»: «Заратися Всеславъ сынъ Брячиславль, Полочскѣ, и зая Новѣгородъ, Ярославичи же трие, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава» (1067 г.).¹⁰⁶ Можно допустить, что трое старших Ярославичей заключили союз о совместном управлении Русью. Ведь само поведение трех братьев-князей свидетельствует об их договоренности.¹⁰⁷

Летописи сохранили немало свидетельств того, что триумvirат сложился действительно благодаря договоренности между Изяславом, Святославом и Всеволодом. Они почти двадцать лет сообща вершили государственные дела. В источниках Игорь и Вячеслав Ярославичи выступают в пассивных ролях, к тому же второй вскоре умер: «Преставися Вячеслав, сынъ Ярославль Смоленскѣ, и посадиша Игоря Смоленскѣ, из Володимеря выведше».¹⁰⁸ Позднейшие летописи прибавляют к этому: «Разделиша Смоленскѣ [триумвиры] собе на три части».¹⁰⁹ Между тем Игорь оставил после себя двух сыновей, но дядья не дали им ничего из отцовской волости (или другой), превратив их в изгоев. Тремя годами ранее они поступили так же с единственным сыном Вячеслава Борисом. Все это посеяло зерна больших усобиц на Руси, давшие всходы через много лет после этого.

Под 1064 г. «Повесть» поместила сообщение, остающееся загадочным и поныне: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внукъ Ярославль, и с ним бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородского. И пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокани, а самъ сѣде в него мѣсто».¹¹⁰ К слову «бѣжа» Никоновский, Тверской и некоторые другие летопи-

си прибавляют: «изъ Новагорода».¹¹¹ Вслед за В. Н. Татищевым С. М. Соловьев утверждал, что Ростислав побегал в Тмуторокань с Волыни, но вряд ли триумвиры могли ранее отдать ему эту важную в плане консолидации государства землю,¹¹² выпустив ее из рук. М. С. Грушевский высказал вероятное предположение, что уточнение «из Новагорода» появилось в поздних летописях потому, что вместе с Ростиславом в Тмуторокань подался Вышата, сын новгородского посадника Остромира. Вышата же мог быть боярином Владимира Ярославича и вне Новгорода.¹¹³ Прибавлю к этому, что Порей был княжеским воеводой, а Вышата еще в 1043 г. ходил вместе с Владимиром на Греков.¹¹⁴

По мнению Грушевского, дядя выгнали Ростислава из «Червенских градов» (историк имел в виду Перемышльскую, Звенигородскую и Теребовльскую волости). Ведь этот старший внук Ярослава в час предсмертной болезни деда был уже взрослым, и тот мог дать ему какую-то волость, что могло произойти между 1052 и 1054 гг.¹¹⁵ Историк исходил из того, что по решению Любечского съезда князей 1097 г. Перемышль и Теребовль были закреплены соответственно за Володаром и Васильком Ростиславичами как пожалование Всеволода Ярославича.¹¹⁶ Поскольку на том «снеме» был признан «отчинный» порядок владения землями, естественнее всего считать, что в Любече Ростиславичи добились признания за ними отчин и получили их.¹¹⁷

Распад триумвирата. Как было сказано, летопись рисует старшего Ярославича Изяслава человеком, не способным к руководству государством. У него не было ни характера, ни воли, дабы господствовать над другими братьями. В посмертном панегирике Изяславу Нестор был вынужден признать: «Не бѣ бо в немъ лъсти, но простъ мужъ умоумъ».¹¹⁸ Зато его младший брат Святослав был исполнен честолюбия и неудержимого желания править на Руси. Он подбил младшего брата Всеволода изгнать Изяслава из Киева, с тем чтобы стол достался ему, Святославу.

В 1073 г. Изяслава свергли с киевского престола, Святослав завладел еще Черниговской, Новгородской, Муромской и Псковской землями, преобладая над Всеволодом в земельных владениях и военной силе. Изяславу пришлось бежать за границу. Он вернется после смерти Святослава (1076 г.) и погибнет

в начале октября 1078 г. в кровавой битве на Нежатиной Ниве с князьями-изгоями Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем.¹¹⁹ К власти пришел единственный среди оставшихся в живых Ярославич Всеволод. Так завершился первый триумvirат на Руси.

После смерти отца Всеволода Владимир уступил киевский стол двоюродному брату Святополку Изяславичу как старшему в роду Рюриковичей. Впоследствии он вернулся в отеческий Переяславль и принялся реформировать дружину и накапливать силы для отпора хищной Половецкой степи. В 1094 г. Мономах вступил в дуумvirат с великим князем киевским Святополком, дабы объединить силы для сдерживания половецких ханов, усиливших натиск на Русь в 90-е гг. XI в.

В 1103—1111 гг. Святополком и Владимиром были организованы масштабные походы южнорусских князей в Половецкую степь, отбросившие половецких ханов далеко на Восток, в бассейн Дона и на четверть века защитившие Южную Русь от набегов жестоких кочевников.

Восторгаясь громкой победой русских дружин над ханами, книжник восклицает: «Възъвратишася русьстии князи въсвои съ славою великою, къ своимъ людемъ. И ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде, на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь».¹²⁰

Характерной особенностью княжеской власти на Руси второй половины XI—начала XII в. было совместное правление старших Ярославичей. Оно осуществлялось в форме триумvirатов и дуумvirатов и в общем содействовало стабильности межкняжеских отношений и ослаблению половецкой угрозы. Даже первый триумvirат Ярославичей при всем эгоизме и несогласованности действий его участников в определенной степени выполнял эти функции. Дуумvirатная форма княжения на Руси в 1094—1111 гг. соответствовала условиям времени. Совокупное правление Святополка и Мономаха обеспечило стабилизацию социальной и политической жизни, надолго прекратило вторжения половецких орд и подготовило почву для централизации державы, установления единовластной монархии Владимира Мономаха.

Реставрация единоличной монархии Владимиром Всеволодичем. В глазах древнерусского общества Мономах был образцом князя, борцом с врагами, защитником русских людей от половецких ханов. Поэтому после смерти Святополка (16 апреля 1113 г.) киевское вече и бояре позвали Владимира Всеволодича на киевский стол. Став киевским государем, он сумел на время восстановить единовластную монархию своего деда Ярослава. Жесткой рукой он укрощал князей, которые до этого не особенно считались со Святополком Изяславичем. Мономах свободно и по своему разумению переводил князей из одной волости в другую, не принимая во внимание ни «отчинности», ни порядка «родового старейшинства».

Единовластие сохранил и его старший сын Мстислав, прозванный летописцем Великим (1125—1132 гг.). Но после его смерти единство государства зашаталось. Его преемники брат Ярополк (1132—1139 гг.) и двоюродный брат Всеволод Ольгович (1139—1146 гг.) не обладали государственными и полководческими талантами Мономаха и не могли держать в узде прочих Ярославичей. Но дело состояло не только в их неспособности поддерживать единство страны. На времена княжения этих государей пришлось первые годы удельной раздробленности.

Наступление раздробленности.¹²¹ Она вызревала в недрах общества не одно десятилетие, будучи следствием общественно-экономического роста на местах в землях и княжествах: Черниговской, Галицкой, Волынской, Владимиро-Суздальской, Рязанской, Новгородской. Там в течение конца XI—XII вв. выросла земельная знать. Вотчинники-феодалы сидели в укрепленных усадьбах и замках, обладали собственными военными отрядами. Вотчинники-бояре активно участвовали в политической жизни страны. Они перестали быть заинтересованными в общерусских походах против ханов, поскольку, не пускаясь в рискованные военные предприятия, получали постоянную ренту от зависимого населения.

Отдельные земли страны и княжества накануне наступления раздробленности настолько выросли и укрепились, что киевский центр власти с государем во главе стал мешать им в решении задач и внешней, и внутренней политики. Князья Ярославичи стремились пустить корни на местах, обзавестись

земельными владениями и передавать столы в наследство сыновьям, нарушая традиционный порядок «лествичного восхождения». Обособление земель и княжеств поддерживала ремесленно-торговая верхушка городов, заключавшая «ряды» с князьями и способствовавшая им в собственных интересах освободиться от опеки Киева.¹²² Приложили руку к наступлению раздробленности и князья-изгои, нарушавшие единство страны, ссорившиеся и с соседями-князьями, и с киевским государем.¹²³

По мнению большинства современных историков, вступление Древнерусского государства в эпоху раздробленности не означало его распада. Произошло политическое обособление княжеств и земель. И в условиях удельной раздробленности наряду с центробежными силами действовали центростремительные. Параллельно со стремлением феодальной верхушки на местах к автономии действовали силы, объединявшие и сплачивавшие Русь, прежде всего развитие экономических и культурных связей между землями. Способствовали консолидации княжеств идеи древнерусского единства, стремление к восстановлению централизованного государства, усиленное постоянной половецкой угрозой.¹²⁴ Да и сама борьба потомков Ярослава за киевский стол была, как упоминалось, почти для каждого из них борьбой за собственный вариант единства государства. На смену раннефеодальной относительно объединенной монархии пришла федеративная, более соответствовавшая развитому этапу феодальной формации.¹²⁵

Дуумвираты как форма княжеской власти в стране XII в. Некоторые историки убеждены, что совместное правление было особенностью власти на Руси, начиная со времени возникновения государственных структур на Поднепровье. Первыми дуумвирами были будто бы Аскольд и Дир еще во второй половине IX в. Но историки еще в XIX в. отметили, что на самом деле они княжили последовательно, друг за другом. Вначале Аскольд (он осуществил поход на Царьград в 860 г.), а за ним Дир, его, вероятнее всего, устранил с киевского стола Олег около 882 г. Не выдерживает критики источниками мысль о совместном правлении на Руси Олега и Игоря (882—912 [922]). В действительности Олег правил в Киеве единовластно, а Иго-

рю довелось ожидать своей очереди тридцать (а по Новгородской первой летописи даже сорок) лет.

И все же фольклорная традиция небезосновательно поставила рядом с Аскольдом и Диром Олега с Игорем. Ведь совместное правление двух князей было обычным делом в родоплеменном обществе. Вспомним двух царей в Спарте или двух каганов в Хазарии. Возможно, когда-то так и было у восточных славян. Эта традиция в видоизмененном виде продолжилась в обществе, уже вступившем на путь развития феодального способа производства. Первым подлинным дуумвиратом на Руси стало совместное правление Ярослава Владимировича и его брата Мстислава (1026—1036 гг.). Оно произвело большое впечатление на общество, о нем помнили по меньшей мере до конца XII в. Можно припомнить триумвират Ярославичей (1054—1073), соправление Всеволода Ярославича с сыном Владимиром (1078—1093), Владимира Мономаха с двоюродным братом Святополком (1094—1113). Все эти формы совместного княжения в немалой мере способствовали стабилизации внутренней ситуации в государстве, прекращению княжеских «катор», успехам в сдерживании угроз и вторжений Половецкой степи.¹²⁶

Вступление Руси в эпоху раздробленности ослабило центральную власть и логически открыло путь традиционным формам совместного правления в стране — дуумвиратам. Система коллективного сюзеренитета группы сильнейших князей над Русью не только не противоречила системе дуумвиратов, а сочеталась с ней. Просто среди них выделялись двое, бравшие на себя и власть и большую ответственность за судьбы Русской земли. Поскольку политическая и социальная жизнь государства проходила преимущественно на Юге, власть дуумвиратов распространялась в основном на Юго-Западную Русь.

С 40-х гг. XII в. дуумвираты составляли главы двух сильнейших княжеских кланов, на которые разделился род Ярославичей: волынские и владими́ро-суздальские Мономашичи и Мстиславичи, смоленские и галицкие Ростиславичи, черниговские Ольговичи и Давыдовичи. В отличие от общественно полезных дуумвиратов второй половины XI в., дуумвираты второй половины XII в. лишь поддерживали шаткое политическое равновесие на Юге Руси, действовали обычно в интере-

сах глав кланов и поэтому не имели политического будущего. К тому же заключались такие союзы под давлением обстоятельств и не преследовали глобальных социальных интересов. Особенно показательным был первый среди дуумвиратов середины XII в.

Он сложился в разгаре гражданской войны на Руси 1146—1154 гг., вспыхнувшей из-за того, что внук Мономаха Изяслав Мстиславич сел на киевский престол, обойдя дядьев Вячеслава и Юрия Владимировичей. Они имели перевес над ним в деле занятия киевского стола в соответствии с порядком «лествичного восхождения». Первую роль среди сыновей Мономаха играл тогда Юрий, прозванный Долгоруким.

Война, в которую были вовлечены почти все князья, проходила с переменным успехом. В 1150 г. Изяслав оказался в трудном положении, попав в стратегические клещи: на помощь своему свату Юрию пришел Володимирко галицкий. Киевский князь Изяслав позвал Вячеслава Владимировича... вокняжиться в Киеве: «Ты ми еси отецъ, а се ти Киевъ, а се волость, которое тобѣ годно, то возми, а иное мнѣ вдай!» Вячеслав чувствовал себя оскорбленным племянником (не пустившим его ранее в стольный град), немного поупирался, а затем согласился: «И тако цѣловаста хрест... На томъ Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава».¹²⁷

В соответствии с этим соглашением Вячеслав передал свою дружину Изяславу и поручил ему государственные дела. Так сложился дуумвират Изяслав Мстиславич—Вячеслав Владимирович. Формально Изяслав признал старейшинство Вячеслава, объявил себя его вассалом, но в действительности Вячеслав играл сугубо декоративную роль, Изяслав использовал его как буфер в отношениях с Долгоруким. Главной причиной создания этого дуумвирата было намерение Изяслава выбить из рук Юрия Владимировича опасное оружие порядка родового старейшинства: тот был старше племянника, но, заключив союз с Вячеславом, Изяслав формально выполнил условие «лествичного» соглашения, когда власть доставалась старшему в роде. А тем старшим и был не Долгорукий, а Вячеслав.

Итак, институт старейшинства все более превращался в инструмент политической борьбы, в козырную карту, при помощи

которой можно было достичь законного, освященного традицией и родовым правом перевеса над соперником, который не мог бы прибегнуть к этому средству.

Договорившись с племянником о совместном правлении, Вячеслав послал своих мужей в Смоленск, где княжил младший брат Изяслава Ростислав, и объявил ему, что Изяслав «добывъ Руской земли, и на мнѣ честь положилъ и посади мя в Киевѣ», как видим, Вячеслав (или кто-то из его окружения) оценил и свой статус, и то, кому он им обязан. Он просил Ростислава быть с ним заодно. То же самое сказал Ростиславу и посол Изяслава: «У тебе Смолинескъ, тоже, брате, все урядивъ тамо, поиди же къ намъ».¹²⁸ Изяслав стремился дополнительно упрочить свое положение в Киеве при помощи брата. Дуумвират с Вячеславом помог Изяславу в следующем году одолеть Долгорукого и утвердиться в Киеве, где он и досидел до самой смерти в 1154 г.¹²⁹

После кончины Изяслава его брат Ростислав вступил в дуумвират с тем же Вячеславом. Если исходить из летописи, то инициатива шла от Ростислава Мстиславича. Он приехал из своего Смоленска в Киев, где его доброжелательно встретили горожане, после чего он «ехаста поклонистася отцу своему Вячьславу», признав тем самым его старейшинство. Вячеслав приветливо принял его, молвив: «Сыну! Уже в старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити, а, сыну, даю тобѣ, якоже и брать твой держаль и, рядиль, такоже и тобѣ даю. А ты мя имей отцемъ и честь на мнѣ держи,¹³⁰ якоже и брать твой Изяславъ честь на мнѣ держаль и отцемъ мя имель».¹³¹ Вероятно, летописец использовал грамоту из княжеского архива. Но и этому дуумвирату не была суждена долгая жизнь. Вячеслав пережил Изяслава едва на месяц, после чего Ростислав потерял Киев в соперничестве с чернигово-северским князем Изяславом Давидовичем.

Оба дуумвирата 1150—1154 гг. не особенно повлияли на государственную структуру Руси и княжескую власть. Неудивительно поэтому, что последующая четверть столетия минувла в соперничестве за Киев княжеских кланов, преимущественно южнорусских Мстиславичей, Ростиславичей и Ольговичей. Оно протекало с переменным успехом, пока в 1181 г. не был создан

дуумвират глав Ростиславичей Рюрика и Ольговичей Святослава Всеволодича. Инициатива исходила от Рюрика, что выглядит парадоксальным, ведь незадолго перед тем он победил Святослава в битве вблизи Киева и загнал его в Чернигов. Однако «Рюрикъ же паче побѣду возма, но возлюби мира паче рати и пожити хотя въ братолюбьи», предложил сопернику сообщица править в Южной Руси. Он «собѣ взя всю Рускую землю»,¹³² а Святославу великодушно отдал Киев.¹³³

Дуумвират Рюрик—Святослав. Полагаю, что, пойдя на соправление со Святославом, Рюрик руководствовался трезвым стратегическим расчетом: удержать Киев, ввиду неминуемого конфликта с владими́ро-сузда́льскими князьями, было бы гораздо труднее, чем южную (Киевскую) землю. Владение же этой землей, давним великокняжеским доменом, ее в большинстве хорошо укрепленными городами и замками и богатыми волостями, относящимися к ним, давало Ростиславичам материальный и силовой перевес над Святославом, окруженным ими со всех сторон.

Вступив в дуумвират со Святославом, Рюрик, вероятно, надеялся «утишить» межкняжеские убоицы, стабилизировать положение в стране и успешнее противостоять половецким ханам. Но надежды на Святослава в борьбе с кочевниками оказались призрачными, ведь Ольговичи и Святослав Всеволодич в частности печально прославились на Руси дружбой и сотрудничеством с половецкими ханами, используя их в межусобной борьбе. История их совместного правления на юге государства во многом подтвердила и надежды, и опасения Рюрика.

Объединение сил Ростиславичей и Ольговичей благодаря дуумвирату их глав позволило им перейти в наступление на Южную степь, при том что Святослав часто медлил с военными действиями против кочевников, а то и отказывался под разными предлогами от них. Но статус великого князя киевского вынуждал его выступать с оружием в руках против половцев. Начиная с 1183 г. летописи сообщают о нескольких победных походах русского войска в поле. Совместное правление Святослава с Рюриком при всех негативных сторонах этого союза несколько стабилизировало внутреннее положение Южной Руси, ослабив угрозу от кочевников.

Но в июле 1194 г. киевский государь Святослав Всеволодич скончался. В последние годы между дуумвирами участились несогласия, доходило даже до вооруженных конфликтов между их людьми. Казалось бы, Рюрик должен был почувствовать облегчение — он наконец стал киевским князем, — почувствовать всю полноту власти. Но в стольном граде Руси он чувствовал себя неуверенно и неуютно, как видно из Киевской летописи. Кончина Святослава нарушила неустойчивое равновесие между двумя центрами власти в государстве, Киевом и Владимиром-на-Клязьме.

Рюрик Ростиславич стремился выправить положение. В начале 1195 г. «посла Рюрикъ по брата своего. Брате! Се вѣ осталася старѣйши всѣхъ в Руськой землѣ, а поѣди ко мнѣ Киеву; что будетъ на Руской землѣ думы и о братѣи своей, о Володимерѣ племени¹³⁴ и то все укончаевѣ... И с братомъ своимъ Рюрикомъ [Давид] ряды вся уконча о Руской землѣ, и о братѣи своей...»¹³⁵

Привлекает внимание настойчивое стремление Рюрика Ростиславича представить южную Русскую землю владением потомков Владимира Мономаха и демонстративно заботиться о ней сообща с другим членом клана Ростиславичей Давидом. Ольговичи и северорусские Мономашичи им не брались в расчет. Однако в апреле 1197 г. Давид Ростиславич умер, и Рюрик остался один на один с великим князем владими́ро-суздальским Всеволодом Большое Гнездо.

Соперничество за общерусское старейшинство. Недолгий дуумвират братьев Ростиславичей не смог стать реальной силой в Русском государстве. Он был способен разве что несколько успокоить положение вокруг Киева. Потому что в том же 1195 г. другие князья признали Всеволода Юрьевича «старейшим» по меньшей мере в «Володимере племени».¹³⁶ В конце XII в. межкняжеские отношения, образно выражаясь, вращались на оси Киев—Чернигов—Суздаль. В них неминуемо втянулись все прочие князья. Предпринимались попытки сближения позиций Киева и Суздаля. Типичным для того времени выглядит династический союз между киевским и рязанским князьями, относившийся к 1199 г.: «Благовѣрный великий князь Рюрикъ Ростиславичъ отда дщерь свою Всеславу в Рязань, за Ярослава Глѣбовича».¹³⁷ Рязанский князь был ближним васса-

лом Всеволода Большое Гнездо, тем самым Рюрик оказывался в орбите последнего.

Все же Всеволод, признанный старейшим среди русских князей, не имел полноты власти на Руси. В Южной Руси первым признавали Рюрика и его преемников. Поэтому Всеволод осторожно обращался с южнорусскими князьями, не желая раздражать их.

К концу XII в. известия летописей об отношениях между Ярославичами и общерусском старейшинстве делаются все более редкими. Государство неуклонно дробилось, *федерация* земель и княжеств, в которую переросла Русь в начале раздробленности, к началу XIII в. превратилась в *конфедерацию*. Социальные и политические связи между составлявшими ее землями ослабели, во многих случаях стали спорадическими и формальными. Стареющий Всеволод Юрьевич, занятый делами своего громадного княжества, все реже вмешивался в южнорусские дела. Не приходится более говорить об общерусской власти, пусть и относительной, хотя в начале XIII в. киевский князь и создатель Галицко-Волынского княжества Роман Мстиславич на словах признает Всеволода «отцем и господином» и даже просит его, «дабы ти [Рюрику] Киевъ опять даль!»¹³⁸ Таким оказался грустный финал существования государственности в Древней Руси.

Глава 3

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Древнерусская государственность сложилась во времена раннего (для Восточной Европы) средневековья, когда восточнославянское общество пребывало на начальной стадии становления. Вначале не приходится говорить о каких-либо постоянных властных структурах, по меньшей мере до середины XII в., когда подобные органы возникают. Речь пойдет о *княжеском дворе*.

Двор государя был сердцем средневекового государства, что в Западной Европе, что на Руси. Как справедливо писал украинский историк, деятельность двора охватывала все сферы тогдашней политики и управления. Своей властью князь мог начать войну, назначить поход, заключить союз и подписать мир. Он издавал законы, в своих руках имел всю администрацию земли, вел ее непосредственно, распоряжался доходами княжества, определял уровень и характер налогов, назначал свою администрацию: тысяцкого, сотских, десятских и др.¹ Двор монарха как институт власти регулировал экономические отношения, был центром культурной, церковной, вообще духовной жизни, стимулировал процессы, происходившие в стране. Личность государя решающим образом влияла на деятельность государства и сплачивала нацию, — естественно, когда государь соответствовал своему предназначению.² *Двор олицетворял государственную службу в средневековой Руси.*

Не может быть сомнений в том, что на Руси княжеский двор имел свои особенности социального, экономического, по-

литического, культурного и прочего характера, из-за чего не следует распространять на него все выводы, сделанные учеными на материале стран Западной Европы, Франции, Германии или Англии. Вместе с тем, общеевропейские закономерности эволюции общества, прежде всего социально-экономические, распространялись и на весь восточноевропейский мир. Поэтому не следует изучать общественно-экономическую жизнь на Руси в отрыве от аналогичных явлений и процессов стран Центральной и Западной Европы. Итак, двор государя был средоточием средневекового государства. Сам по себе он не мог существовать. Наивно было бы думать, что двор складывается одновременно с возникновением того или иного государственного образования. Ведь древнерусская государственность родилась и развивалась немалое время в родоплеменном обществе и более ста лет имела дружинный характер.³ Господствующий слой государства был представлен верхушкой дружины, а из ее членов в течение десятилетий складывался элементарный аппарат управления. Дружина осуществляла собирание дани и повинностей, а также судебные функции.

Государственная структура и система управления Киевской Руси начала ее формирования представлена в договорах Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг., вписанных в «Повесть временных лет». Общество состояло из киевского князя, его родни, «светлых и великих» князей или «всякого княжья», бояр, дружинников и всех русских людей. Дружинники в текстах договоров с греками почему-то не названы. Великие бояре и, вероятно, племенные вожди входили в дружину киевского князя, в ее привилегированную верхушку, ведь иной господствующей страты тогда просто не существовало. Они же составляли первичный, тогда примитивный аппарат управления. Такой была государственная служба эпохи существования Древнерусской державы.

Дружина в управлении страной. Дружина была продуктом не столько кардинальных изменений общественно-экономических отношений, сколько результатом действия процессов зарождения и развития элементов государственности. В руках государя она была средством принуждения и управления, собирания дани, защиты собственных интересов и населения

страны от врага. Исследователи приводят археологические доказательства того, что сильнейшие контингенты дружинников сосредоточивались в Среднем Поднепровье.⁴ Это как раз и свидетельствует о конструктивной деятельности дружины во времена становления восточнославянской государственности.

Уместно остановиться на отношениях между князем и дружиной на начальном этапе истории Древнерусского государства, могущих пролить свет на особенности ее социального и политического устройства. Свидетельства об этом заимствованы преимущественно из фольклорных (отразившихся в летописи) источников, поэтому им свойственны хронологическая неопределенность и идеализация княжеско-дружинных связей.

Возникновение дружины у славян как общественного слоя и войскового института историки датируют по-разному, от VI до первой половины X в. Мнения исследователей рознятся также в отношении стадии развития общества, на которой образуются дружины. Некоторые видели возможность формирования дружины еще в родоплеменном обществе.⁵ Другие допускают такую возможность, однако спорадическую, когда дружина образовывалась для разового набега на соседей. Ведь в дофеодальный период для содержания дружинников у вождей не хватало средств.

Один из современных исследователей проблемы возникновения и развития дружины А. А. Горский пришел к выводу, что институт дружины был присущ обществам эпохи генезиса феодализма, а дружинная знать складывается уже во время складывания раннефеодальных обществ.⁶ Но подобное общество рождается у восточных славян не в IX в., а в течение конца X—XI в. Более того, историк напрасно видит разницу между дружиной (ее верхушкой) и примитивным аппаратом управления, тогда как вначале это были тождественные понятия.

Известия источников об отношениях между князем и дружиной в «Повести временных лет» берут начало лишь во времена Игоря после 912 г. Да и само слово «дружина» появляется в «Повести» достаточно поздно, в описании похода Игоря на Греков 941 г. (впрочем, в Новгородской первой летописи оно встречается еще в описании событий конца X в.). Летописи от-

ражают возросшую роль дружины в обществе, ее увеличивающуюся роль в государстве и начало превращения ее верхушки в элементарный аппарат государственного управления и совет при государе.

Во время второго похода на Царьград 944 г. Игорь «созва дружину и нача думати» о предложении императора заключить мир. Дружинники предложили князю взять обещанные греками золотые паволоки и «не воевати ихъ», и «послуша ихъ Игорь».⁷ Как видим, дружина решает вопросы войны и мира в мало еще сплоченном обществе государства Игоря. Знаменитый историк древнерусского права В. И. Сергеевич остроумно заметил, что дружине нельзя приказывать, ее нужно убеждать,⁸ с нею надо договариваться. Так происходило, можно думать, вплоть до установления раннефеодальной монархии на Руси в последние годы царствования Владимира Святославича.

В летописи Игорь выглядит зависимым от своей дружины. А это означает, что в его время государственная власть не была ни достаточно сильной, ни организованной, а сам он не имел авторитета среди воинов, в отличие от своего предшественника Олега. Игорь слушается дружину во всем, и не только в важнейшем государственном деле, подписании мира с Византией. Дружина побуждает князя осенью 944 г. пойти в последний, трагический для него поход за древлянской данью.⁹

Государи Руси второй половины X в. Святослав и Владимир изображены в летописи в качестве настоящих дружинных князей. И это притом, что они обладали сильным и независимым характером. Таковым выступает Святослав в рассказе «Повести» за 964 г. о начале его самостоятельной государственной деятельности (когда он «переехал» власть у стареющей матери). Его дружина во всем слушается своего князя, но и он считается с ее мнением и уважает ее. На уговоры Ольги креститься он с неловкостью отвечает: «Како азъ хочу инъ законъ прияти единъ? А дружина моя сему смѣятися начнуть!» Она же рече ему: «Аще ты крестишися, вси имуть то же створити! Он же не послуша матере».¹⁰ Возможно, Святослав Игоревич не понимал важности приобщения к универсальной мировой религии, как это понимала его державная мать. Но если бы и понимал,

то все равно не смог, вероятно, осмелиться осуществить такой важнейший шаг без совета со своей дружиной, конечно, с ее верхушкой.

Охотно и подробно рассказывает «Повесть временных лет» о внимании и любви Владимира Святославича к своей дружине. Имею в виду эпизод с заменой деревянных ложек серебряными. Повествуя о пирах, которые устраивал Владимир в своей гриднице, летописец сообщает: «Егда же подъпыхуться [дружинники], начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: далъ намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рек сице, яко: «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра».¹¹

Вне сомнения, летописец вписал в свой текст отрывок дружинного эпоса, вероятно, какой-то песни, которой воины воспевали своего господина, не забывая при этом о себе. Вряд ли подобный эпизод вообще имел место, и не только в отношениях Владимира или его предшественников с дружиной. Для историка важно донесенное источником общественное мнение, согласно которому князь с дружиной составляли как бы единое целое. Отношения между князем и дружинниками были и служебные жесткие, и неформальные теплые. Она разделяла успехи и неудачи князя, была главной опорой его власти, и ему кроме дружины было больше не на кого положиться. Поэтому советоваться с дружинниками, держать воинов в курсе своих дел и планов требовали не только амбиции или интересы дружины, но и интерес самого государя. Своеобразным гимном дружинности звучат слова Нестора: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ...»¹²

В эпоху Владимира Святославича завершилось существование *дружинной формы* государства. Уже в летописных рассказах о княжении его сына Ярослава дружина играет почти исключительно военную роль. Но все же дружинность страны не могла завершиться внезапно, в один день или год. Ярославу тоже приходилось считаться со своими дружинниками, и

не только на поле битвы. Повествуя о его вокняжении в Киеве, Нестор не забыл вспомнить и о тех, кто обеспечил ему победу: «Ярославъ же съде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ».¹³

При всем том во времена Ярослава дружина и дружинность как факторы социально-политической жизни постепенно утрачивали позиции. Это отмечено А. Е. Пресняковым при изучении памятников древнерусского права. Он заметил, что в древнейшей части Правды Русской сохранились черты дружинного права, однако они оказались на втором плане из-за того, что новгородцам посчастливилось добиться от князя защиты против своеволия дружинников. «Если это так, — подытожил свои наблюдения ученый, — то княжеская власть впервые при Ярославе вначале на новгородском грунте получает характер правительственной власти, и князь из „начальника дружины“ делается „земской властью“»,¹⁴ т. е. властью для всего народа, а не выразителем интересов самой дружины, как это было ранее.

Источники позднейшего времени, второй половины XII—XIII вв. различают старших и младших дружинников, отроков, детских и др. Вместе с тем в летописях, преимущественно в новгородских, сохраняется и термин «гриди», в основном для обозначения верхушки дружинников. Под 1166 г. Новгородская первая летопись отметила: «Приде Ростиславъ [Мстиславич] ис Киева на Луки и позва новгородьце на порядь: огнищане, гридь, купцѣ вячшее».¹⁵ А в 1195 г. владими́ро-суздальский великий князь Всеволод Юрьевич позвал новгородцев в поход на Чернигов «на Ярослава и на все Ольгово племя... Идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане и гридьба и купци».¹⁶ Оба раза гриди упоминаются новгородским книжником в кругу состоятельных людей: «вячших» купцов и огнищан, бывших богатыми горожанами Новгорода. Это наводит на мысль, что часть тех гридей принадлежала к дружинной верхушке.

Дружина с середины XII в. перестает быть единственным властным слоем, к нему с той поры относился лишь ее верхний слой. А зарождение в течение второй половины XI—XII вв. индивидуального феодального землевладения выдвинуло на первое место в обществе иную социальную страту: земельную

аристократию из числа все тех же старших дружинников, боярства и части старой племенной знати, сумевшей превратиться в бояр.

Постепенно перерастая в феодальную знать, дружинная верхушка продолжала играть немалую роль в социально-политической жизни государства XII в. Из ее среды выходили администраторы и советники князя. Накануне похода против половцев 1103 г. «сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею в единомъ шатрѣ». И «почаша думати» о будущей войне с кочевниками. А Мономах в своем «Поучении» рассказывает о повседневной жизни князя, о его наполненном заботами дне и упоминает о своих советниках: «Сѣдше думати с дружиною...»¹⁷ В обоих случаях речь идет о верхнем слое дружинников.

Не стоит говорить о существовании *княжеского двора* на Руси в X—XI вв., как часто пишут в наше время, особенно западные историки. О *дворе* до второй половины XII в. не приходится и упоминать. Государством управлял князь и его ближайшее окружение. Ведь государь был в то время и державой, иной не существовало. Доверенные люди князя, ближайшие к нему дружинники и бояре, от его имени собирали дань, вершили суд и осуществляли административные функции. Твердого правила в этом не было. Так, Игорь отдал древлянскую дань Свенельду, но не установил, какую ее часть воевода брал себе, а какую отдавал князю. Из-за этого князь и погиб, сиюсь собрать с древлян дань, ему не принадлежавшую. Отмечу, что ту чрезмерную дань Игорь пошел собирать под давлением своих дружинников, те завидовали Свенельдовым, которые, по их мнению, были богаче их.¹⁸

Историки неоднократно пытались определить параметры и черты стабильности в летописных рассказах о государственной деятельности дружинников, определить должности и институты управления на Руси в X—XI вв. Летописи чаще других называют воевод. Под 945 г. «Повесть временных лет» замечает: «Вольга же бяше в Киеве съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, а кормилецъ его Асмудъ и воевода бе Свѣнелдъ».¹⁹ Воеводы называются после этого первого упоминания о них в летописи Нестора неоднократно, обычно как военачальни-

ки. Слово «воевода» принадлежит к числу общеславянских и вначале обозначало «предводитель племенного ополчения». На Руси оно означало военачальников разных уровней — от руководителя войска (если его не возглавлял князь) до предводителя небольшого отряда.²⁰ Но слово «воевода» никак не могло применяться к члену княжеской администрации, ни в дружинные времена, ни позднее.

Складывание и эволюция государственной службы (княжеского двора) в XII—XIII вв.

Возникает естественный вопрос: каким же образом осуществлялось управление княжеством во времена, когда двора как властной структуры еще не существовало?

Полвека назад историки, и среди них весьма авторитетные, представляли административный аппарат княжества следующим образом. С возникновением и развитием вотчинного хозяйства, княжеского и боярского, все большую роль начинают играть слуги-управители. Князь постоянно окружен ими, они управляют его домом, двором, хозяйством, приносящим доход, с ними он привык советоваться, они входят в состав его младшей дружины. Представители передней, старшей дружины в XII в. сами вплотную занялись своим хозяйством. Их мало интересуют княжеские повседневные дела, а князь теперь все меньше ощущает потребность в «мужах отцов своих». Только «думают» о всех важных делах они, как и раньше, все вместе.²¹ Речь идет о временах XII—XIII вв. А как было раньше?

В созданной нашим выдающимся ученым яркой картине многое было пересмотрено позднейшими исследователями, а важный тезис относительно значения управителей в княжеском дворе верен. Действительно ли это мнение для времен X—XI вв.? Вряд ли. Кучка старших дружинников и боярства (входившего в нее) вовсе не была структурирована, обязанности управления государством или даже именем князя не были распределены между ними и четко определены. Безусловно, на практике подобная специализация среди окружения князя мог-

ла существовать. Кто-то из дружинников или бояр лучше других собирал дань, кто-то имел склонность к судебным делам и т. п. Однако специализация, и то не абсолютная, возникнет лишь тогда, когда образуется *княжеский двор* как постоянная и обязательная составляющая государственного организма, как ведущая институция государственной службы.

Сам термин «*княжеский двор*» в значении властной структуры отмечен источниками с середины XII в. В таком значении он продолжает выступать в течение всего XIII в., да и позднее. Обстоятельства, движущие силы и факторы рождения двора целесообразно изучать в русле исследования политической и социально-экономической эволюции Русского государства времен удельной раздробленности. Развитие княжеского и боярского землевладения, способствовавшее политическому расчленению страны и превратившее ее в федеративную монархию с 40-х гг. XII в., сыграло решающую роль в изменении старой элементарной системы управления (сводившейся к княжеской дружине), на новую структуру государственного управления, *княжеский двор*.²² Нетрудно понять, что такая замена происходила болезненно для господствовавшего слоя, потому что в ее ходе часть бояр естественным образом отстранялась от управления. Их сменяли другие, с течением времени все менее знатные люди.

Историки по-разному объясняли причины замены дружинников двором. Выглядит вероятным мнение, что это произошло вследствие разделения до того единого государства на отдельные земли и княжества. Двор возник со становлением и развитием княжеских доменов (владений) и, главное, с потерей господствующим классом общегосударственной корпоративности в виде дружины по мере развития боярского вотчинного землевладения.²³

Сфера деятельности княжеского двора, по крайней мере в XII—XIII вв., вовсе не ограничивалась собиранием дани, судебными административными делами. Исключительное положение суверена, от которого зависели все прочие в княжестве, обусловило статус двора как очага политической системы, выходящего за рамки частной жизни и частного жилища монарха. Двор был резиденцией государя и политическим центром го-

сударства. В своем составе он насчитывал несколько десятков, а то и сотен людей, как бывало в крупных княжествах (Галицко-Волынском, Черниговском, Владимиро-Суздальском), и это объяснялось не только управленческими делами, а и тем, что люди двора были одновременно и стражей, и администрацией, и советниками, и даже военной силой, всегда бывшей под рукой у сюзерена.

Всех членов двора, и служебных людей, и министерялов, наряду с отбыванием службы объединяли и сплачивали личные неформальные связи, охватывавшие широкий круг участников действия: личную охрану князя, его друзей, любимцев и слуг. Как и всюду в Европе того времени, отношения между людьми двора были присущи соперничество и интриги, в определенной степени уравнивавшие отношения солидарности и взаимопомощи.²⁴ В Юго-Западной Руси это наглядно видно на примере двора Даниила Романовича (20-е—50-е гг. XIII в.), в котором постоянно соперничали бояре различного происхождения (галицкие и волынские) и разной политической ориентации, и воеводы, стремившиеся к первенству за счет своих коллег, и служебники разного ранга и даже министерялы, не всегда благородного происхождения.²⁵

Вместе с тем, определенная и относительно постоянная в условиях политического раздробления страны стабильность двора как государственной структуры опиралась на традицию службы княжеских дружинников, берущей начало в седой древности. Еще в XIX в. историки пришли к мнению, что в XII и XIII вв. служба княжеских дружинников (по меньшей мере оказавшихся на страницах летописей) была нередко наследственной. Тем больше оснований думать, что так бывало и в предыдущие времена, в X и XI вв., когда у дружинников еще не было ни земли, ни значительных ценностей и они полностью пребывали на содержании своего государя и во всем зависели от него. Когда дружинники и члены двора, даже министерялы, поступали на княжескую службу, они приносили присягу за себя и своих детей верно ему служить.

Двор князя обычно складывался постепенно из местных и пришлых бояр и слуг, которые в час вступления на службу оценивались по своей боевой репутации и прочим личным заслу-

гам. Каждый имел свое «место» и свою «честь», и каждый ими дорожил. Поэтому двор князя как властная институция был постоянным и крепким организмом, а не случайным сбродом случайных людей.²⁶

Для историков Средневековья особенно важным представляется изучение роли двора в становлении и развитии государственности, о чем мы имеем, к сожалению, разве что попутные и случайные указания источников, прежде всего Галицко-Волынского свода XIII в. Это же можно сказать и о поведенных источниками условиях развития древнерусской государственности в XII в. вокруг Киева. Одной из главных проблем истории двора представляется изучение обстоятельств и установление пусть приблизительного времени рождения самой властной структуры, называемой «княжеский двор». Наиболее приемлемым кажется мнение, согласно которому двор возникает не позже последней трети XII в.²⁷ Этот вывод относится главным образом ко двору Великого Новгорода. Полагаю, что для Юго-Западной Руси этим временем была середина XII в.

Двор получал сильный и постоянный импульс развития благодаря тому, что эта властная структура, рожденная наступлением раздробленности, была особенно важна для государя и его власти во времена политического разобщения и всеобщей нестабильности жизни. Потому что двор как ближайшее окружение князя и боевой отряд, всегда бывший под его рукой, был особенно необходим в годы, когда князья боролись и воевали между собой за все новые и новые владения, часто сменяли столы, перебираясь с менее выгодного на лучший. Тогда двор тоже переезжал в новый для него город, решающим образом влияя на его жизнь и на жизнь той волости, которую он возглавлял. Яркие свидетельства этого сохранила Галицко-Волынская летопись XIII в.²⁸

Следовательно, двор как особая структура верных князю служилых людей сохранялся при переезде государя из одного княжества в другое. Поэтому двор, наследник дружины, являл собой всегда готовую к действиям внутренне структурированную организацию бояр и дворян, отряд воинов, административный аппарат и доверенных слуг княжеского окружения. Предыдущих младших членов дружины — «отроков» — сме-

нили слуги и дворяне. Летописи и другие источники знают разновидности людей двора: тиуны, меченоши, седельничие и др. Однако то были вначале еще не придворные титулы или должности, а лишь временные поручения.

Княжеский двор поначалу выполнял те же функции, что и дружинная управа. Бояре представляли государя на местах, в важнейших городах княжества. Дани и судовые мыта в пользу князя, как и раньше, собирали посадники и тиуны, администраторы господского хозяйства. Из собранного они выделяли десятину церкви и оставляли часть себе как содержание за службу. Подати и административно-судебная система обеспечивали княжских людей денежным и натуральным кормом за исполнение служебных обязанностей. Как писал М. Б. Свердлов, особенным видом такого обеспечения за вассальную службу остались прямые раздачи князем из казны материальных ценностей, золота и серебра.²⁹ Подобные вознаграждения берут начало в древности.

Во вступительной статье к Новгородской первой летописи младшего извода книжник с восхищением и ностальгией вспоминает об идеальных временах отношений между князем и дружиной: «Како быша древни князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския землѣ, и ины страны придаху под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ вѣскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмѣ, даше дружинѣ в оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющесѣ и рѣкуше: „Братие, потягнемъ по своему князѣ и по Руской землѣ“». ³⁰ Эти яркие слова относятся не только к дружине, со временем они все более касались всех васалов князя: бояр, служебников и слуг.

Внешне все во второй половине XII—XIII вв. выглядело как во времена существования дружинного государства. Те же люди от имени государя осуществляют властные и прочие функции, как и раньше, получают то же вознаграждение. Но в действительности все стало намного сложнее. Организация служилых князю людей претерпела серьезные изменения под влиянием общих для всей Руси процессов социальной, экономической и духовной жизни, вызванных вновь-таки нарастанием удельной раздробленности. Какая-то часть кучки мало

организованных дружинников, обеспечивавших деятельность власти, постепенно перерастает в организацию государственной службы — княжеский двор.³¹

Двор и дворяне

Возрастание роли и значения двора во всех сферах государственного бытия неминуемо влияло на жизнь среднего и нижнего слоя служилых людей. В течение конца XII—XIII вв. много бояр и старшей дружины заменяются в аппарате руководства государством младшими дружинниками, а также людьми, уже не связанными с дружиной и боярством. Поэтому в источниках появляется термин «дворяне», т. е. люди княжеского двора. Они пребывали в полной зависимости от князя.

Понятие «дворянин», означавшее служащих государю людей с объединенными административно-судебными, военными и сугубо служебными в самом дворе функциями, вообрало в себя разных по происхождению и статусу людей. То были и незначительные чины двора, и министерялы, мелкие чиновники, пребывавшие в феодальной зависимости от князя.³² Дружинные реальности и традиции, так же как и сами дружинники, постепенно отходят в прошлое. Отмеченная историками на материале Северо-Восточной Руси, эта закономерность может быть, на мой взгляд, применена ко всем русским землям XII—XIII вв., в том числе и Юго-Западным.

В древнерусском языке слово «двор» имело два основных значения:

1. Обнесенное оградой место вокруг дома (в том числе и княжеского)
2. Имение или хозяйство.

А в терминологии летописей это слово имело еще одно, основное в нашем случае значение: княжеский двор был резиденцией государя, местом выполнения им административных и судебных функций, средоточием получения и перераспределения государственных податей, судебных сборов и штрафов.³³

Притом что двор князя был центром и олицетворением его власти, прямых упоминаний о нем в источниках мало. Прихо-

дится опираться на косвенные, попутные сведения о дворе летописей и других памятников письменности. Разве что в новгородском летописании двор выступает сравнительно часто. Речь идет прежде всего о Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов. Не следует, впрочем, думать, будто существование княжеского двора было свойственно Новгороду больше, чем другим городам-резиденциям русских князей. Без двора и его аппарата государь на Руси, как и в прочих странах Европы, не мог править и просто существовать. Дело в том, что в Новгороде в большей степени, чем в других городах Руси, разве что за исключением Пскова, постоянно происходило противостояние князя с его двором и новгородской общины во главе с вечем. Это постоянное, часто драматическое и кровавое противостояние побуждало летописцев четко отделять князя и его окружение от новгородцев, прежде всего от веча. Вероятно, поэтому обычно двор государя выступает в новгородских источниках самостоятельно в качестве особой политической силы и из-за этого упоминается в них намного чаще, чем в других древнерусских источниках.

Сто лет назад М. С. Грушевский, изучая властные структуры Древней Руси XII—XIII вв., отметил, что к органам центрального управления «принадлежал и княжеский двор, поскольку и на Руси, как в других примитивных государственных организациях, в организации двора и обязанностях дворских урядников неразрывно связаны функции государства с частным характером княжеских хозяйственных агентов».³⁴ Сквозь это стилистически небрежное определение проступает верная мысль: двор соединял в себе деятельность государственную и приватную, ибо был еще и усадьбой князя.

Двор в Южной Руси, в том числе в Галицкой и Волынской землях, скрыт за терминами источников, о нем почти нет прямых упоминаний в них. Но в контексте известий южнорусских летописей (часто косвенных) княжеский двор стольных городов как главная институция государственной службы выступает не менее активно действующим, чем в Новгороде.

Как было сказано, двор существовал у каждого князя, крупного или малого, великого или захудалого. Понятно, что самые многочисленные дворы имели киевский князь и государи наи-

больших на Руси княжеств: галицкий и волынский (в XIII в. галицко-волынский), черниговский, владими́ро-суздальский, рязанский, тверской. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов содержит частые упоминания о княжеском дворе, начиная с последней четверти XII в. Стоит рассмотреть некоторые из них в хронологическом порядке.

В 1192 г. новгородский князь Ярослав Владимирович во время пребывания во Пскове (политически зависящем от Новгорода) «дворъ свой пославъ съ плѣсковичи, воевалъ [немцев] и шедъше възяша городъ Медвежю Голову и пожьгоша...».³⁵ Точно так же в ратных делах 1220 г. действует двор другого новгородского государя Всеволода Мстиславича, сына тогдашнего киевского князя Мстислава Романовича, когда тот поссорился с новгородским посадником Твердиславом, за спиной которого стояло новгородское вече: «И поиде князь Всеволодъ съ Городища³⁶ съ всеъмъ дворомъ своимъ, и скрутяся в бърне, акы на рать, и приеха на Ярославль дворъ, новгородци к нему въ оружии, и стаха пълкомъ на княжи дворѣ».³⁷ В этом контексте слово «двор» выглядит синонимом дружины.

А вот через два года в известии Новгородской летописи двор выступает уже в традиционном значении этого понятия: «На ту же зиму князь Всѣволодъ³⁸ побеже в ночь, утаивъся из Новагорода съ всѣмъ дворомъ своимъ», вероятно, рассорившись с посадником и вечем. То же видим в сообщении этого источника под 1224 г.: Всеволод Юрьевич вновь бежал из Новгорода «въ ночь, утаивъся, съ всѣмъ дворомъ своимъ»,³⁹ после чего сел в Торжке, на меже Новгородской земли с Владимиро-Суздальским княжеством. Произошел традиционный для Новгорода конфликт между князем и вечем с посадником. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в Торжок «приеха къ нему отецъ Гюрги с пълкы и брат его Ярославъ и Василий Костянтиновицъ съ ростовци, Михайлъ с черниговъци». Князь Юрий потребовал от новгородцев выдать ему зачинщиков ссоры с его сыном, на что те ответили отказом. За это Юрий с другими князьями разорил Новгородскую землю около Торжка.⁴⁰

В следующем году, когда в Новгороде сидел уже иной князь Ярослав Всеволодич, приглашенный новгородцами на княжение из Переяславля-Залесского, семь тысяч литовцев напали на

Новгородскую землю и причинили много вреда, захватив Городецкую волость и ограбив купцов. Тогда «князь же Ярославъ и Володимиръ⁴¹ с сыномъ и с новотържци, княж дворъ, новгородцевъ мало, торопце съ княземъ своимъ Давыдомъ, поидоша на нихъ» и нанесли сокрушительное поражение, убив 2000 воинов врага и отняв у них полон.⁴² Основной ударной силой в победной кампании Ярослава был его двор («новгородцев мало»), насчитывавший не одну сотню бойцов.

А летописный рассказ 1245 г. о новом нападении литовцев на Новгородскую землю поведал нам о том, что вначале враг разбил немногочисленные контингенты новоторжцев, тверичей и дмитревцев, составлявших новгородское войско. Тогда князь Александр Ярославич (Невский) «погонися по нихъ съ своимъ дворомъ и би я, и не упусти ихъ ни мужа», а далее «в малѣ дружинѣ, и сrete иную рать у Вѣсвята... и техъ изби, а самъ приде сдравъ, и дружина его».⁴³ В этом контексте двор выступает как сильный воинский отряд, а «малая дружина» как его часть. Может возникнуть впечатление, будто княжеский двор и был дружиной, пусть даже многочисленной. В других летописных контекстах (например, Галицко-Волынском своде) малой дружиной обычно называется войсковая сила двора.

Однако и в новгородском летописании двор часто выступает в традиционном понимании слова как властная структура при князе. Под 1240 г. в Новгородской первой летописи записано: «Выиде князь Олександръ [Ярославич] из Новгорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвсья с новгородци»⁴⁴ — типичная для Новгорода XIII в. картина: князь не желал подчиняться вѣчу и оставил город вместе с двором и дружиной.

Дворяне. Точно так же, как «двор», производный от него термин «дворяне» чаще всего попадает на страницах новгородского летописания. Подобно двору, существование дворян было общерусским явлением, они составляли нижнее звено господствующего слоя общества. Складывание двора как структуры государственного управления серьезно повлияло на средние и нижние слои служилых государю людей, изменило их статус, материальное положение и обязанности. Впервые в источнике, как мне известно, дворяне упоминаются в летописи

под 1174 г. После убийства Андрея Боголюбского заговорщиками из его ближайшего окружения в Боголюбове (бывшем резиденцией князя) вспыхнуло восстание, которое сразу же, как бывало в подобных случаях, приобрело криминальный характер: «Горожане же боголюбскыи и дворяне разграбиша домъ княжъ... и много зла створися в волости его; посадникъ его и тиуновъ его дома пограбиша, а самѣхъ избиша, детьскыи и мечники избиша, а дома ихъ пограбиша».⁴⁵

Эта краткая запись источника говорит о многом. Во-первых, дворяне пристали к горожанам в выступлении против чиновников князя. Во-вторых, они грабили дома посадника, тиунов, детских и мечников, людей среднего звена княжеского управления. Выходит, что те дворяне были (либо считали себя таковыми) обездоленными и обиженными государем. Однако принадлежали ли они вообще ко княжескому двору? Думаю, что да.

Много лет термин «дворяне» и его смысл оставались одной из загадок социальной терминологии древнерусских источников. Преобладающее количество исследователей считает большую часть дворян лично свободными людьми. Поскольку служилые люди принадлежали ко княжескому двору, то младших среди них стали называть словом «дворянин», т. е. принадлежавший ко двору.⁴⁶ Некоторые историки полагают, что объединение военных, судебных, административных и сугубо служебных обязанностей группой людей на княжеском дворе доказывает генетическую наследственность дворян относительно детских и отроков предыдущего времени, точно так же, как двор стал наследником дружины.⁴⁷ В целом соглашаясь с этой мыслью, могу объяснить странное, на первый взгляд, отсутствие термина «дворяне» в южнорусских летописях: Киевской XII в. и Галицко-Волынской XIII в. Его заменяют тождественные по смыслу понятия «отрок», «детский» и др.

Вновь обращаюсь к упоминаниям слова «дворянин» в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, что дает возможность конкретизировать круг обязанностей тех дворян и самого их места в княжеской администрации — дворе. Их немного в сравнении с более частыми упоминаниями слова «двор», но мне они кажутся достаточно красноречивыми.

В 1210 г. новгородцы поднялись против князя Святослава Всеволодича, к чему их подбили сторонники Мстислава Мстиславича Удатного из смоленских Ростиславичей. Ободренный родней Мстислав захватил Торжок и «изыма дворяне Святославли», заключил соглашение с новгородским вечем, после чего новгородцы посадили его князем, а Святослава взяли под стражу с «мужами его».⁴⁸ В этом рассказе источника дворяне принадлежали к ближайшему окружению князя Святослава, они держали порубежный новгородский город Торжок, особенно важный в связи с его выгодным стратегическим расположением. Нет сомнений в том, что эти дворяне и были теми мужами, которых бросили в тюрьму вместе со Святославом.

Через четыре года Мстислав Мстиславич, ставший любимцем новгородцев, пошел войной на чудь. Она покорилась князю и дала ему богатую дань, третью часть которой он раздал своим дворянам.⁴⁹ А в следующем году Мстислав «по своей воли» подался в Киев. Выделенные слова много весили в устах летописца, ведь обычно князя *вынуждали* покинуть Новгород сами горожане, вече. Затем вечники посадили на стол внука Юрия Долгорукого Ярослава Всеволодича из Ростово-Суздальского княжества. Но Ярослав сразу же начал воевать с городской властью, пытался угнетать тысяцкого и посадника. Новгородцы взбунтовались. Мстислав Мстиславич вернулся в Новгород и «я Хота Григоревиця, намѣстьника Ярослава, и всѣ дворяны искова».⁵⁰ Из этого текста можно понять, что те закованные в железо дворяне Ярослава Всеволодича были его чиновниками, чинившими насилия над новгородцами. Вскоре после того Мстислав выбил Ярослава из Новгорода и занял княжеский стол.⁵¹

Княжеский двор на Руси был движущей силой власти, органом государственного управления, инструментом осуществления государем задач внутренней и внешней политики. В его деятельности, как в капле воды, отразились закономерности эволюции общества со всеми противоречиями и сложностями этого явления.

Глава 4

КНЯЖЕСКИЕ ДВОРЫ В XII в.

Историю княжеского двора на Руси следует начинать со времени, когда усадьба государя была его жилищем, в котором он обитал, окруженный слугами и дружинниками, и где велось также его домашнее хозяйство. Известные науке княжеские усадьбы и дворцы появляются в Киеве в X в., ближе к его середине, тогда как двор, властная структура, складывается по меньшей мере двумя столетиями позднее.

Двор Киева

Дворец, усадьба. Из «Повести временных лет» известно, что на киевской «Горе» существовало два княжеских дворца: в Детинце, построенном, вероятнее всего, еще Олегом, и «внѣ града» (детинца), следовательно, вблизи позднейшей Десятинной церкви стоял «надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень».¹ Речь идет о временах княгини Ольги. Остатки древнейшего дворца в Верхнем городе Киева были обнаружены археологами в начале 1970-х гг. Нижняя часть «каменного терема» оказалась сложенной из камня, а верхняя, возможно, была возведена из дерева и покрыта тонкой черепицей. Интерьер дворца украсили фресковой живописью. Судя по археологическим остаткам, дворец был монументальным сооружением. Киевские князья справедливо считали, что крупные размеры и пышность дворцов должны подчеркивать их могу-

щество и величие, о чем известно из летописей и фольклорных памятников.²

Арабский путешественник Ибн Фадлан, посетивший Волжскую Булгарию в 920-е гг., в гиперболическом тоне описал дворец русского князя как громадное сооружение, престол которого украшен драгоценными камнями. Одновременно во дворце вместе с князем находилось 400 верных ему людей, вероятнее всего, дружинников.³ Ибн Фадлан был современником Игоря и Ольги, поэтому мог слышать об их дворце. Современные историки скептически относятся к рассказу этого ученого араба. А летописец Нестор повествует, что в княжеской гряднице⁴ на прославленных пирах Владимира Святославича собиралось великое множество людей: бояре, гриди (дружинники), сотские, десятские, нарочитые мужи. Эти пиры цветисто описаны в былинах:

А Владимир князь да стольно-киевский
Заводил почестен пир да пированьице
На многих князей да на всех бояров,
На всех сильных русских могучих на богатырей...

Кажется, киевские археологи во главе с П. П. Толочко в 1975—1976 гг. нашли остатки княжеской грядницы. Это была круглая ротонда диаметром более 20 м, сложенная из кирпича. Датируется она серединой XII в. Ротонды на Руси известны с X в., но почти все они имели культовый характер. Архитектура же киевской ротонды не говорит о том, что это была церковь (отсутствовала апсида). Некоторые археологи считают ее крепостной башней. Я. Е. Боровский и П. П. Толочко отвергают это предположение и думают, что они открыли остатки светского сооружения, входившего в комплекс княжеского двора. Она могла быть залом для княжеско-боярских советов, прообразом позднейших думных палат.⁵

Двор-усадьба. Главным княжеским двором Киева был Ярославов. Впервые он упоминается в «Повести временных лет» под 1068 г., когда в городе вспыхнуло восстание против князя Изяслава Ярославича. Восставшие угрожающе двинулись на «княжь дворь», поэтому Изяслав с братом Всеволодом «побѣгоста с двора».⁶

В летописях середины XII в. этот двор именуется Ярославовым и даже «Великим *Ярославовым двором*».⁷ Следует рассматривать его как властную структуру при великом князе киевском. Впервые он назван принадлежащим Ярославу в рассказе Киевской летописи о восстании киевлян 1146 г. против князя Игоря Ольговича. Вначале киевляне взошли на «Гору» (Верхний город), «на Ярославль дворъ, и цѣловавше к нему [Игорю] хрестъ».⁸ Но вскоре инспирированные его соперником Изяславом Мстиславичем горожане сбросили Игоря со стола и посадили Изяслава. Все это происходило на Ярославовом дворе.

Историки думают, что этот двор действительно был построен Ярославом и сменил в качестве княжеской резиденции предыдущий двор его отца Владимира, доставшийся тому от Святослава и, быть может, даже от Ольги. Археологи отыскивали какой-то дворец на Ярославовом дворе и установили, что он был обнесен каменной стеной. Недалеко от этого дворца стояла церковь, вероятно, построенная Ярославом.⁹

Владеть Ярославовым двором в представлении киевлян означало владеть Киевом и Русью. Поэтому в неутихающей борьбе за общерусскую власть этот двор был постоянно яблоком раздора среди Рюриковичей. В процессе ожесточенной борьбы между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким Киев на какое-то время оставался без князя. Старший брат Юрия Вячеслав, формальный глава клана Мономашичей, однажды воспользовался ситуацией и «въехав в [Киев] съѣде на Ярославли дворъ».¹⁰

Как эмоционально повествует киевский книжник, это страшно возмутило Изяслава, только что выгнавшего Долгорукого из стольного града. Изяслав заявил дядюшке Вячеславу, что раньше он сам звал его в Киев, да тот не захотел, а теперь пожелал княжить в Киеве сам! Киевское вече поддержало Изяслава, но старик уперся и не желал покидать Ярославов двор. Тогда окружение Изяслава предложило... подрубить крыльцо дворца (сени), на котором сидел со свитой Вячеслав. Но Изяслав отверг это эмоциональное предложение и лаской умолил дядюшку уйти из Киева.¹¹ Те сени были своеобразной парадной гостиной княжеского дворца на Руси. В далеком 1068 г., когда восставшие киевляне прибежали в Верхний город, они застали

своего государя Изяслава Ярославича на сених сидящим со своей дружиной.

Этот Ярославов двор действительно отличался большими размерами, о чем свидетельствуют рассказы Киевской летописи. В ходе ожесточенного соревнования за Киев с Юрием Долгоруким Изяслав Мстиславич «възѣѣха на дворѣ на Ярославль всимъ своимъ полкомъ, и киянѣ с ним приде множество».¹² Из разрозненных свидетельств летописи выходит, что в те времена в полку было около тысячи конных воинов, а с ними пришло множество киевлян.

В 1151 г. Изяслав Мстиславич в очередной раз одолел своего дядюшку Юрия и вновь «сѣдѣ на столѣ дѣда и отца своего» в Киеве. Вместе с ним в город прибыл большой отряд союзных угров. Он позвал их на обед и «ту обѣдавѣ с ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣмъ весельи». После обеда венгерские союзники устроили, как бы теперь сказали, «конно-спортивное представление» для князя, его двора, дружины и киевлян: «Тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ»¹³ играху на Ярославле дворѣ, многое множество. Кияне же дивяхутся угромъ множеству, и кметства ихъ,¹⁴ и кономемъ [коням] ихъ». Понятно, что для конных соревнований нужно было много пространства.

Ярославов княжеский двор и в дальнейшем будет часто упоминаться в летописи. В Повести об убиении Андрея Боголюбского, помещенной в Киевской летописи под 1174 г., ее автор плачет по убитому государю и восклицает: «И почача весь народъ плача молвити: „Уже ли Киеву поѣѣха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты на велицѣмъ дворѣ на Ярославль“».¹⁵ Величественные киевские Золотые Ворота стали образцом для создания Золотых Ворот во Владимире-на-Клязьме, что подтвердилось археологическими исследованиями этих архитектурных памятников древнерусского зодчества.

Одной из княжеских резиденций Киева в XI в. был еще Красный двор Всеволода Ярославича, упомянутый в «Повести временных лет» под 1096 г.: половцы «зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарицаемомъ Выдобичи», вблизи основанного этим же князем Выдубицкого (Михайловского) монастыря. Незадолго

перед тем летописец пишет: «Приде Бонякъ с половци къ Киеву, в нѣделю от вечера, и повоева около Киева, и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжъ».¹⁶ Вероятно, речь шла о старом дворе Владимира Святославича в его сельце Берестовом, где князь провел последние годы жизни и умер 15 июля 1015 г. Какой-то Красный двор существовал и в Чернигове в конце XI в., упомянутый в «Пouchении» Мономаха.¹⁷

Складывание княжеского двора Киева как властной институции началось в годы правления внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича (1146—1154), яркой индивидуальности, выдающегося государственного и военного деятеля, умелого дипломата. Он вокняжился в Киеве в 1146 г., нарушив традиционный родовой порядок замещения столов, которого издавна придерживались на Руси, когда престол переходил от старшего брата к следующему по возрасту. Следует считать недоразумением распространенную в научной литературе мысль, будто на Любечском съезде князей 1097 г. был введен «отчинный» принцип владения столами. Вот текст межкняжеского договора в Любече, вписанный в «Повесть временных лет»: «Кождо да держить отчину свою: Святополкъ Киевъ Изяславию, Володимеръ [Мономах] Всеволожю, Давыдъ и Олегъ, и Ярославъ Святославию...».¹⁸ Как заметил Ключевский, съезд не ввел нового постоянного правила престолонаследия, не заменил родового порядка «отчинным», а был рассчитан лишь на существующих князей и их политические отношения.¹⁹ Но почему-то едва ли не все историки, уверенные в том, будто в Любече родовой порядок престолонаследия был заменен «отчинным», не пожелали заметить того, что в летописном пересказе решений Съезда 1097 г. именно об «отчинном» принципе не было сказано ни слова!²⁰

Однако Любечский съезд, как мне кажется, все же создал если не прецедент, то определенные основания заинтересованным князьям (в основном младшим) думать о том, что «отчинный» порядок замещения столов возможен. Ведь он начал своеобразным манером воплощаться в жизнь в 1113 г., когда после смерти Святополка Изяславича киевское вече позвало на стол Владимира Всеволодича Мономаха.²¹ Ведь тогда еще оставался в живых старший в роду Ярославичей Олег Святославич

(«Гориславич» из «Слова о полку Игореве»). Наверное, поэтому Владимир принял предложение киевского веча не без сомнений, лишь со второго раза. Утвердившись на киевском столе, Мономах постепенно восстановил единоличную монархию своего деда Ярослава и вскоре после этого перестал заботиться о соблюдении родового порядка старейшинства, который он последовательно отстаивал после смерти своего отца Всеволода, когда добровольно отдал киевский стол старшему в роду Ярославичей Святополку Изяславичу. После 1113 г. Владимир начинает твердо проводить в жизнь «отчинный» порядок замещения главного престола Руси в Киеве, продемонстрировав обществу намерение посадить на свое место старшего сына Мстислава.²²

Таким образом, Изяслав Мстиславич имел возможность опереться на прецедент проведения в жизнь принципа «отчинности» киевским государем, да еще таким авторитетным, как его дед Владимир Всеволодич, если бы не то деликатное обстоятельство, что при этом он вознамерился обойти своих дядюшек Вячеслава и Юрия Владимировичей, которые и по родовому и по «отчинному» порядку имели над ним безусловный перевес в занятии киевского престола. Поэтому в ходе длительного и ожесточенного соперничества за Киев с Юрием Владимировичем Долгоруким Изяславу приходилось время от времени уверять киевское общество в том, что он добывает Киев не для себя, а для своего дядюшки Вячеслава, старшего в то время в роду Ярославичей.

Изяслав Мстиславич стремился не только сесть в Киеве и овладеть общерусской властью, но и добыть старейшинство среди всех русских князей. Он хотел, дабы его признали старейшим на «снеме» главные государи страны. При этом он все же понимал, что по родовому порядку Юрий Долгорукий был все же старше его. «Всихъ насъ старѣй отецъ твой, но с нами не умеѣть жити»,²³ — доверительно говорил он Ростиславу Юрьевичу, если, конечно, доверять киевскому летописцу. При этом Изяслав будто забывал о том, что старейшим Ярославичем остается все же Вячеслав Владимирович. Не принимал его в расчет и младший брат его Юрий Долгорукий.

Итак, институт старейшинства все больше превращался в орудие политического соперничества на Руси, козырную

карту, при помощи которой можно было достичь как бы законного, освященного традицией и родовым правом перевеса над соперником, которому не удалось использовать подобный аргумент. Комбинируя политическое давление и военные средства с обращением к освященным временем правовым нормам, Изяслав Мстиславич постепенно добывал преимущество над Юрием Долгоруким. Он опирался на союзников из клана Мономашичей (среди которых старшим был его дядька Вячеслав Владимирович), Давидовичей и Ольговичей. Свою межкняжескую и внешнюю политику киевский государь проводил при помощи своего двора: его чинов, служебников и министериалов.²⁴

Как и всюду на Руси и в Европе того времени, двор конституировал и скреплял общественные реалии. В своем составе двор объединял представителей различных социальных страт: от ближайшего окружения князя, высших сановников: печатника, дворского, тысяцкого, советников, великих бояр и воевод — до дворян и слуг. Эти люди, каждый в своей общественной среде, были связаны отношениями родства, дружбы, общностью службы, а это делало их корпорацией, пусть даже и разделенной на социальные страты. Так было всюду в Европе, так было и на Руси XII в.

Двор Галича

Дворец. Во время многолетних раскопок в Галиче установлено, что княжеский дворец (упомянутый и в Киевской, и в Галицко-Волынской летописях) был расположен в нагорной части города, на княжеском дворе, носившем поэтическое название Золотой Ток. Археологическими исследованиями 1940—1941 гг. были обнаружены остатки большого деревянного сооружения (погибшего во время пожара), княжеского дворца, и множество керамических плиток, украшавших его стены.²⁵ Из сообщения Галицко-Волынской летописи о драматических событиях начала 1230-х гг. историки сделали вывод, что дворец Даниила Галицкого был деревянным, поскольку бояре собирались его сжечь вместе с князем.²⁶ Возможно, деревянным он был не пол-

ностью, а лишь та его часть, где находился парадный пиршественный зал.

Трудно сказать, из какого материала был сооружен дворец далекого предшественника Даниила Романовича, галицкого князя Володимерка. Он упоминается в Киевской летописи под 1152 г.: «Володимиръ поиде к божниці къ святому Спасу на вечернюю; и якоже былъ на переходѣхъ до божниці и ту види Петра²⁷ едуща и поругася ему», после чего «иде на полати», где его и настигла смерть, то ли от инсульта, то ли от инфаркта.²⁸

На основании этого текста и используя археологические реликты дворца в Галиче, Н. Н. Воронин сделал вывод, что хоромы построенного до 1152 г. княжеского двора были непосредственно связаны с дворцовой церковью Спаса системой высоких переходов. Двухэтажные хоромы дворца с их лестничной башней, «сенями» и переходами к дворцовому храму создали характерный и живописный ансамбль, типичный для XII в. Галицкий дворец, писал Н. Н. Воронин, ближайшим образом напоминает дворцовый ансамбль, созданный князем Андреем в Боголюбовском замке.²⁹

Действительно, согласно многолетним исследованиям Н. Н. Ворониным памятников зодчества Владимиро-Суздальской Руси, в частности расположенных во Владимире, Суздале и Боголюбове, загородной резиденции Андрея Юрьевича, Боголюбовский замок, его дворец и собор были построены приблизительно в то же время (1158—1165), что и галицкий, возможно, теми самыми зодчими. Сохранились фрагменты строений, дополненные материалами раскопок 1934—1938 гг., и это позволило в общих чертах реконструировать весь ансамбль.

Детинец в Боголюбове располагался на высоком берегу р. Клязьмы и был обнесен земляными валами с деревянными стенами и каменными башнями. Дворцовый ансамбль состоял из нескольких строений, его центральной частью был собор, на север от которого стоял каменный дворец, связанный с хорами собора монументальным, также каменным, переходом. Дворец не сохранился до наших дней, существует лишь восточная башня. По своим культурно-историческим и художественным

качествам Боголюбовский замок не уступает современным ему западноевропейским замкам, отличаясь от них своеобразным решением и красотой ансамбля.³⁰

Основную роль в складывании городского образа Галича сыграли ремесла и торговля. Он был значительным ремесленно-торговым центром в Древнерусском государстве, о чем свидетельствуют археологические находки, большинство которых до сих пор мало обобщены и опубликованы. В свое время М. Н. Тихомиров резонно заметил: если бы внимание археологов направлялось не столько на описание «золотых токов» для воображаемых турниров, мы смогли бы представить себе картину богатого средневекового города с развитым ремеслом.³¹ Ремесленниками был заселен наибольший по площади район древнерусского Галича «Предградье», оно по площади почти не уступало киевскому Подолу XII—XIII вв. Археологами найдены фундаменты церквей, наземных жилищ, усадеб феодалов, ремесленных мастерских и др.

Двор Володимерка Володаревича

Но Галич того времени, в которое в нем сел Володимерко Володаревич, еще не был тем цветущим городом, каким он выступит в письменных и археологических источниках второй половины XII—XIII вв. Приложил руку к его развитию и обогащению сам Володимерко, человек вообще-то жестокий и неверный. Он был вторым сыном перемышльского князя Володаря (Владимира) Ростиславича и какой-то померанской княжны. Около 1117 г. Володимерко женился на дочери венгерского короля Коломана.³² С самого начала своей политической карьеры он соперничал с киевским и волынским князьями, стремясь к независимости от них. Володимерко был еще звенигородским князем, когда Всеволод Ольгович черниговский сел на киевский стол и пошел в 1144 г. войной на волынского тогда князя Изяслава Мстиславича. Володимерко тогда поддержал Всеволода,³³ но явно не стал его вассалом.

Через несколько лет Всеволод Ольгович посадил во Владимире-Волынском своего сына, а Володимерко не согласился

с этим, о чем киевский летописец бесстрастно заметил: «В то же лѣто роскоторастася Всеволодъ с Володимѣрком про сына, оже сѣде сын его Володимири, и почаста [Всеволод] на ся искати вины. И Володимирко възверже ему грамоту хресътную. Всеволодъ же с братьею иде на нь».³⁴ В этом эпизоде отразился гордый характер Володимерка, его стремление к независимости от киевской власти — все это бросает свет на его отношения с соседями-князьями, своим двором, ближайшим окружением и галицкими боярами, о чем речь пойдет ниже.

Но Всеволод не мог смириться с демонстративным выходом Володимерка из-под его руки, ведь тот вернул ему крестную грамоту, нарушил присягу верности и разорвал отношения с ним, сюзереном. Всеволод собрал коалицию из своих вассалов, южнорусских князей, пригласил к походу краковского князя Владислава и «идоша на многоглаголивого Володимирка». Тот испугался и принялся искать мира. Когда он пришел с повинной головою к Всеволоду. «Всеволодъ же усрѣте и съ своею братьею, и вда Всеволоду Володимирко за трудъ (!) 1000 и 400 гривень серебра, переди много глаголивъ, а послѣди много заплативъ».³⁵

В этих иронических и откровенно недоброжелательных к Володимерку словах передано также отношение киевского государя и других южнорусских князей к нарушителю спокойствия Русской земли, галицкому князю. Он выступает в этом тексте человеком, много обещавшим, но мало выполнявшим из обещанного.

Но вернемся к обстоятельствам утверждения Володимерка в Галиче. С конца 20-х гг. XII в. он княжил в Перемышле. Об этом свидетельствует известие Киевского свода под 1144 г. о владении звенигородским столом его племянником Иваном Ростиславичем. Согласно законам престолонаследия на Руси, стол, освобождавшийся после смерти князя, доставался его следующему по возрасту брату, но не сыну. Переход стола от отца к сыну («отчинный» порядок) вошел в практику межкняжеских отношений после середины XII в. Кончина Ивана Васильковича 1141 г., как сказано в Киевской летописи, позволила его двоюродному брату Володимерку Володаревичу завладеть Тербовльской и Галицкой волостями. Свое маленькое Звениго-

родское княжество ему пришлось отдать сыну старшего брата Ивану Ростиславичу.³⁶

С той поры под властью Володимерка оказалась почти вся территория Галицкой земли, находившейся в процессе формирования, от Карпатских гор на западе до верховьев р. Сана на севере и до среднего течения Днестра на юге. Одиноким островком в море его владений оставалось удельное княжество племянника Ивана Ростиславича. Столкновение между сильным сюзереном и непокорным вассалом было неминуемой, особенно при учете неукротимого и властного характера Володимерка. Но и упрямый Иван Ростиславич, как проистекает из дальнейших рассказов летописи о нем, не уступал в этом дядюшке.

Само по себе вооруженное столкновение вокруг Галича, казалось бы, не столь и важное для истории складывания Галицкого княжества, его государственного аппарата и княжеской службы, привело к серьезным последствиям. Эпоха удельной раздробленности, начавшаяся в то время, исполнена подобных больших и малых столкновений и даже войн, походов одного князя против другого. Для темы нашего рассказа это событие важно прежде всего тем, что в нем впервые выступают люди предположительно из ближайшего окружения князя Володимерка, возможно, даже члены его двора.

Киевская летопись под 1145 г. кратко сообщает об этом: «На ту же зиму вышедшу Володимиру в Тисмянцию на ловы, в то же время послашася галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигородъ, и въведоша к собе в Галичь».³⁷ Это лаконичное известие источника вызвало различные мнения в историографии. Прежде всего, кто были «галичане», позвавшие Ивана в галицкие князья? Грушевский думал, что то были горожане. Последующие события отличались массовым характером.

Историки никогда не узнают о том, на что рассчитывал Иван Ростиславич по прозвищу Берладник, вступая в поединок с могущественным дядей. Наверное, на свое военное счастье, сопровождавшее этого князя-кондотьера в течение всей его политической и военной карьеры. Ведь дружина Ивана была намного слабее Володимерковой, а другие князья враждебно отнеслись к его попытке силой захватить княжеский стол. Своим

молодецким и отчаянным поступком Иван поставил себя вне законов феодального общества.

Володимерко узнал об измене в Галиче и пошел с дружиной на город. Иван Ростиславич с дружинниками оказал ему сильное сопротивление. Военные действия между дружинниками Ивана и поддержавшими их многими горожанами приобрели ожесточенный характер. Летописец эмоционально повествует: «И приде [Владимир] на нь [галичан]... и выѣздяче из города бѣяхуся крѣпко и мнози падаху отъ обоихъ».³⁸ Иван Ростиславич потерял Звенигород, еле выбрался из осажденного дядюшкой Галича и превратился в безземельного князя изгоя), за деньги служившего разным князьям. Удельный звенигородский стол был ликвидирован, с той поры в Звенигороде сидел «воевода Володимирь».³⁹

Когда Володимерко сломил сопротивление защитников Галича, он вошел в город и «многы люди исѣче, а иныя показни казнью злою».⁴⁰ Исходя из массовости наказаний, академик М. Н. Тихомиров в духе своего времени (когда историки видели классовость в любом восстании или движении) сделал вывод: слово «люди», как правило, означало широкие круги горожан, и отнес этот кровавый эпизод на счет действий городской общины стольного града Галицкого княжества.⁴¹ Не исключая народного участия в событиях 1145 г., предложу иную версию того, что произошло.

Похоже на то, что приглашение Ивана Ростиславича на теплое место Володимерка вовсе не было спонтанным выбросом народного гнева. Это была подготовленная акция, с Иваном, вероятно, сносились заранее и получили его согласие сесть в Галиче.⁴² В подготовке этой акции против князя можно было бы видеть боярские происки. Это была типичная ситуация именно для Галича и Галицкой земли. Можно вспомнить издевательства бояр над сыном Володимерка Ярославом, изгнание боярами же из города внука Володимерка Владимира, многолетнее сопротивление галицких великих бояр централизаторским усилиям Даниила Романовича. А если это так, то откуда могли взяться сильные и влиятельные бояре в новом городе, ставшем стольным градом княжества лишь четыре года назад?

В свое время мною было высказано предположение, что галицкое боярство, стремительно взобравшееся на политическую сцену сразу же после перенесения Володимерком Володаревичем своего стола из Перемышля в Галич, имело местное происхождение и выросло из племенной знати, сумевшей обзавестись землями и зависимыми крестьянами. Я и теперь придерживаюсь этой гипотезы. Однако может быть и другое объяснение внезапного появления бояр в Галиче.

Если сравнить Галич 30-х—40-х гг. XII в. с Перемышлем, то бросится в глаза большая разница в общественно-экономическом развитии этих городов. Родившись за несколько десятилетий перед тем, как Володимерко перенес в него свою столицу, Галич до середины 50-х гг. оставался небольшим городком. Даже каменные церкви появляются в нем лишь после превращения его в стольный град княжества.

Согласно материалам раскопок середины XX в., Перемышль возник во второй половине X в., т. е. двумя столетиями раньше Галича. Тогда же были насыпаны мощные валы, окружавшие детинец площадью около одного га. Между 1018 и 1030 гг. была построена одноабсидная церковь-ротонда. Перемышль стремительно рос, и в начале XIII в. городская застройка достигла 30 га. На Замковой горе в детинце найдены остатки укрепленного княжеского дворца, внизу размещалось Предградье.⁴³

В детинце стояла возведенная из «квадратного камня» кафедральная церковь Св. Иоанна, поставленная отцом Володимерка Володарем Ростиславичем, в которой он похоронен. Вокруг дворца был княжеский двор. О княжеском дворе в Перемышле писал Грушевский, мы не имеем никаких подробностей о нем, хотя двор, вне сомнения, существовал, потому что стольным градом Перемышль был не только в XI—XII вв., но и в XIII в., среди борьбы за галицкий стол временами он получал своих князей, хотя и недолговечных.⁴⁴

От начала 1150-х гг. мы имеем свидетельства о загородном княжеском дворе Володимерка в Перемышле. В 1151 г. продолжилась война между ним и киевским князем Изяславом Мстиславичем, которого поддерживал венгерский король. Под натиском преобладающих в численности сил врага Володимерко из Галича «единь утече... в городь Перемышль». Тогда захвати-

ли «дворъ княжъ внѣ города на лузѣ надъ рекою надъ Саномъ. И ту бѣ товаръ в немъ многъ».⁴⁵ Последнее замечание киевского летописца свидетельствует, что это был *настоящий княжеский двор*, где были собраны и хранились разные «товары»: продовольствие, оружие, одежда и др.

То были времена, когда (и даже раньше, в 30-е—начале 40-х гг. XII в.) двор Володимерка складывался как властная институция в Перемышле. Грушевский замечает, что со времен русских князей, вероятно, князей перемышльских (от Рюрика Ростиславича до Володимерка) ведут начало конюшие села в околицах Медики, известные со времен Ягайло.⁴⁶ Ведь существование служащих-конюших, так же как прочих чинов двора, само по себе свидетельствует о существовании этого двора.

Можно с немалой долей вероятности допустить, что, перебираясь в новый для него Галич, Володимерко перевел туда свой двор. Будучи органом управления, связанным с князем и к тому же им и организованным, двор перемещался вместе с ним в случае перехода его на другой стол или даже во время бегства из города под давлением обстоятельств. Мобильность двора государя была характерна для средневековых стран Европы. То, что короли раннего и даже классического Средневековья жили и правили в дороге, достаточно хорошо известно.⁴⁷

Монарх обычно не осуществлял заранее запланированных поездок по стране. Но в своем мало интегрированном экономически и культурно разобщенном государстве, не имевшем действенного аппарата управления, он находился там и когда его власть находилась под угрозой. Как согласно отмечают историки западноевропейского средневековья, государю, если бы он сидел на месте, было бы трудно прокормить свой двор, свиту, дружину и множество других людей, постоянно сопровождавших его. Наконец, поездки удовлетворяли потребности монарха в развлечениях и посещениях монастырей и церквей, разбросанных по всей стране.⁴⁸

Можно думать, что «галичане», взбунтовавшиеся против князя в 1145 г., были приведенными им из Перемышля в Галич боярами и чинами двора.

Служба князю

Определенная и относительная в условиях раздробленности стабильность двора как государственной структуры опиралась на традицию наследственной службы княжеских дружинников, берущую начало в седой древности. Историки второй половины XIX в. (М. П. Погодин и др.) пришли к выводу, что уже в XII—XIII вв. государственная служба княжеских дружинников, по меньшей мере тех, кто попал на страницы летописей, была нередко наследственной. Тем более существуют основания думать, что такая служба имела место в предыдущее время, в X—XI вв., когда дружинники еще не имели ни земли, ни ценностей и полностью пребывали на содержании своего государя, завися от него во всем. Когда дружинник (а далее и член двора, особенно министериял, обычно принадлежавший к отрокам, младшим дружинникам и даже не бывший дружинником вовсе) вступал на службу князю, он приносил присягу, целуя крест и клянясь верно служить за себя и своих детей.

Служба бояр, дружинников и вольных слуг была наследственной, и их отъезды были не более чем досадным для государя исключением. Доказательства этого С. Б. Веселовский находил в истории московского боярства XIV—XV вв.

Двор великого князя, писал историк, складывался постепенно из местных и приезжих слуг, которые в час вступления на службу по своей предыдущей боевой репутации и личным заслугам размещались в нем в установленном порядке. У каждого было свое «место» и своя «честь», и каждый дорожил своей служебной честью. Поэтому двор и был крепким организмом, а не случайным сбродом случайных людей.⁴⁹

Со своей стороны я мог бы привести немало примеров верной службы большей части волынского боярства Роману Мстиславичу и его сыновьям. Составлявшие двор Романовичей бояре сопровождали княгиню Анну, вдову Романа, в ее странствиях, преодолевали вместе с ней и ее маленькими сыновьями невероятные трудности и невзгоды.⁵⁰ Бояре Владимира и других городов Волыни сыграли решающую роль в деле ее возвращения детям Романа, они были социальной и военной опорой Даниила Романовича в его борьбе за овладение Галичем и

Галицкой землей. Волынские «лепшие мужи» самоотверженно соперничали с галицкими боярами, во всем поддерживая своего суверена.⁵¹

Но подобная преданность двора и боярства своему господину не была автоматической, ее следовало заслужить. Однако Володимерку Володаревичу были чуждыми подобные сантименты. Этот князь в отношениях с соседними государями и собственными боярами ставил на первое место коварство, невыполнение соглашений и прежде всего грубую силу. Однако этот метод в отношениях князя с боярами не действовал нигде на Руси, особенно на Руси Галицкой.

Внутренняя политика Володимерка. Жестоко подавив мятеж «галичан» (вероятнее всего, бояр и части дружинников), Володимерко и далее правил в княжестве силовыми методами. Во время последней военной стычки с Всеволодом Ольговичем киевское войско обложило галицкий город Звенигород. Жители собрали вече и решили сдаться. Как свидетельствует киевский летописец, «бѣ у нихъ воевода Володимиръ мужъ, Иванъ Халдѣвичъ,⁵² изоима у нихъ мужи три, и уби я, и когождо ихъ перетень на полъ, поверже я изъ града, тѣмъ и загрози имъ».⁵³ После этого зверского деяния ближнего воеводы Володимерка «начаша ся звенигородьци бити безъ лъсти (!)» и отбились от противника.

Насильственные методы, которые Володимерко предпочитал всем прочим в руководстве своим княжеством, не способствовали сплочению людей под его рукой. «В этом восстании (1145 г.) и в суровых репрессиях князя можно поискать начала того отчуждения князя от общества и возрастания влияния его дружины-бояр за счет политической жизни общины, которые дали себя так печально знать в позднейшие времена».⁵⁴ Действительно, преемники Володимерка на галицком столе, сын Ярослав и внук Владимир, в полной мере ощутили на себе сопротивление общины, прежде всего лидеров и организаторов противостояния князю галицких бояр.

Наш главный источник, Киевская летопись XII в. почти не пишет о внутренней политике Володимерка Володаревича. Последние шесть лет его жизни протекли в почти непрерывной и изнурительной борьбе с киевским и одновременно волынским

князем Изяславом Мстиславичем. Вокняжение того в Киеве в 1146 г., стремившегося объединить и централизовать Древнерусское государство, еще более осложнило социально-политическое положение Володимерка. Изяслав намеревался ограничить автономию его княжества. Соседнее Волынское княжество принадлежало Мстиславичам как домениальное владение, поэтому Володимерко оказался зажатый между их волостями. К тому же Изяслав опирался на иноземных родичей: польского князя Болеслава Кривоустого и особенно на венгерского короля Гезу II, постоянно и действенно его поддерживавшего.

Отношения Володимерка с другими князьями. Когда на Руси началась большая гражданская война за Киев и верховенство на Руси (1146—1151), Володимерко первое время воздерживался от участия в ней. Но постоянная угроза со стороны Изяслава Мстиславича все же побудила его в 1149 г. вмешаться в войну. Тогда он женил сына Ярослава на дочери Долгорукого Ольге⁵⁵ и решил поддержать Юрия. Вскоре после заключения этого династического брака, сев на короткое время на киевский престол, Юрий «съимася с Володимеромъ в Печерьскомъ манастири и сътвориста любовь межи собою велику»,⁵⁶ сообщает киевский книжник. Такая обычная и стандартная в летописании формула означает заключение тесного политического, а в данном случае еще и военного союза. Понятно, что встрече князей предшествовали обмен посольствами, кропотливый труд дипломатов по отработке текста соглашения, которое невозможно было бы подписать без участия княжеских дворов обеих сторон.

После заключения соглашения 1149 г. Володимерко в течение трех лет постоянно и активно поддерживал суздальского князя. Разрабатывались планы военных кампаний, вновь-таки на княжеских дворах. Общий стратегический план князей, характер взаимодействия между ними в войне 1149—1152 гг. выглядели следующим образом. Когда Изяслав Мстиславич на какое-то время терял Киев и оказывался в своем домениальном владении Владимире-на-Волыни, галицкий князь держал его там под контролем и внимательно следил за его действиями: Но как только Изяслав двигался в поход на Киев, Володимерко сразу же вторгался на Волынь, отвлекая силы соперника от Под-

непровья. События 1149—1151 гг. подробно описаны в Киевской летописи, сохранившей даже часть межкняжеской дипломатической переписки тех лет.⁵⁷

Благодаря своему родичу и союзнику Юрий Владимирович в 1150 г., когда он недолго сидел на киевском столе, даровал Володимерку «часть»,⁵⁸ Погорину и город Бужск. Изяслав молча стерпел оскорбление. Лишь утвердившись на великокняжеском престоле в 1151 г., он решился сполна рассчитаться с Володимерком и забрать у него дарованное Юрием. С этой целью он заключил военный союз с венгерским королем Гезой. В 1152 г. полки Володимерка были наголову разбиты войсками Изяслава и Гезы. Ему пришлось признать вассалитет Изяслава и вернуть киевскому князю Погорину и Бужск, выразив ему полную покорность. Но после того, как король вернулся в Венгрию, Володимерко изменил своему слову.⁵⁹ В конце того года Изяслав послал к нему своего лучшего дипломата, боярина Петра Бориславича с требованием вернуть обещанное.

В Киевскую летопись вписан по существу отчет Петра Бориславича перед своим князем о поездке в Галич и переговорах с Володимерком. Этот документ ярко и эмоционально написан по свежим следам переговоров, он бросает свет на двор Володимерка и даже содержит краткое описание его дворца. Приведу текст из летописи, принадлежащий к лучшим образцам древнерусской литературы, в переводе на современный язык: «В то время Изяслав послал к Володимерку галицкого боярина Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что был он в Перемышле и с королевскими [Гезы] мужами приводил его [Володимерка] к кресту. Изяслав велел сказать ему: „Ты нам с королем целовал крест вернуть нам все из Русских волостей и этого всего не сделал. Я теперь не напоминаю об этом, но если ты хочешь исполнить крестное целованье и быть с нами, то верни мои города, о которых ты целовал нам с королем крест. Если же не хочешь их отдать, то преступишь крестное целованье. Вот твои крестные грамоты, а нам с королем с тобой как Бог даст!“» Вне сомнения, киевский летописец вписал в свое сочинение подлинную грамоту Изяслава Мстиславича.

На это Володимерко гордо и самоуверенно ответил Изяславу: «Ты, брат, выбрал время и короля на меня привел. Но я,

если буду жив, или сложу свою голову, или отомщу за себя!» Уже от своего имени Петр Бориславич заявил Володимерку: «Ты, княже, целовал крест брату твоему Изяславу и королю все исполнить и с нами быть, теперь же нарушил крестное целование». Володимерко молвил [явно достав нательный крест из-за пазухи]: «Этот ли маленький крестик?» А Петр сказал ему: «Княже, крест хотя и мал, но его сила велика и на небе, и на земле. Ты же сам говорил, что если преступишь крестное целование, то не станешь жить!» Но Володимерко больше не захотел его слушать и прогнал его прочь. В отчете своему князю Петр Бориславич жаловался, что в Галиче ему не дали ни коней, ни корма на обратный путь.

События далее развивались еще более драматично: «Как только Петр поехал с княжьего двора, Володимерко пошел в церковь Св. Спаса к вечерне и, когда был на переходе из дворца в храм, увидел, что Петр едет со двора, и посмеялся над ним: „Вот поехал русский муж, забрав все волости!“ Сказав так, он пошел на хоры.⁶⁰ Когда отслужили вечерню, князь пошел из церкви и когда был на том месте, где ругал Петра, то спросил: „Кто это меня ударил в плечо?“ — и не мог сойти с того места и начал падать. Его подхватили на руки и понесли в горницу, положили в теплую воду... Володимерко стал изнемогать, уже настало время ложиться спать, а Володимерко, князь галицкий, умер».⁶¹

Внезапная смерть Володимерка Володаревича произвела чрезвычайно сильное впечатление на общество. Ее толковали как Божью кару за богохульство, кощунство и несоблюдение присяги. Грушевский пришел к выводу: «Этот эпизод, записанный, очевидно, со слов того посла Изяслава, очень хорошо характеризует нам галицкого князя, которому в истории этой земли принадлежит выдающееся место. Оборотистый, ловкий и рассудительный, безоглядный и циничный, Володимерко удобно шел к могуществу и силе, помогая себе лисьим хвостом там, где не мог взять волчьим зубом, и привел Галичину к важному значению в русской политической системе, и даже не только в ней. Он то выстроил силу и славу Галичины, которую потом с таким уважением отстаивал его сын Ярослав, собирая плоды отцовского труда и оборотистости».⁶²

С этой тонкой и всесторонней лаконичной характеристикой основателя Галицкого княжества в общем можно согласиться. Разве что не стоит представлять себе дальнейшую жизнь галицких князей и их окружения (двора) только по восходящей. В деятельности Ярослава, тем более его сына Владимира, были взлеты и падения, из-за чего их княжество все же не заняло того места на политической карте Руси XII в., которое могло бы принадлежать ему с полным на то правом. Но обратимся к княжескому двору Ярослава и его сына.

Двор против князя (времена Ярослава и его сына Владимира)

В годы княжения в Галиче Володимерка Володаревича его двор едва проглядывает на страницах летописи. Этому способствовали и сама колоритная и скандальная фигура государя, заслонявшего собой свое окружение, и естественное развитие событий. То были времена складывания и становления галицкого двора как властной структуры, появления его служебников и чинов. Разве что бояре, главные персонажи двора и основные актеры политической сцены, временами различимы на страницах летописи. С другой стороны, деятельность двора Володимерка буквально пронизывает все его одиннадцатилетнее княжение в Галиче. Двор ощущается во всех проявлениях властного влияния государя. Иначе, чем активным участием людей двора не объяснить меры князя по укреплению своей власти, подавление оппозиции и выступлений против него конкурентов (Иван Ростиславич и др.), а также умелую внутрирусскую дипломатию, позволявшую нашему князю балансировать между двумя центрами власти, Киевом и Суздалем.

Ярослав Владимирович сразу же после смерти отца вернул с дороги киевское посольство. Не успел Петр Бориславич далеко отъехать, как «пригна дѣтський из Галича» с просьбой от своего князя возвратиться. «Петръ же поѣха въ градъ, и приѣха на княжъ дворъ, и ту снидоша противу ему с сѣнѣй слугы княжи си в чернихъ мятлихъ... и взиде на сѣни и види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и

все мужи его, и поставиша Петрови столецъ, и сѣде». Ярослав поведал послу о внезапной смерти отца и торжественно молвил ему: «Поѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони». Князь уверил Изяслава в своей преданности и признал вассальную зависимость от него.⁶³ Однако он не спешил вернуть Изяславу захваченные его отцом Погоринские города и Бужск, что вскоре привело даже к небольшой войне.

Двор явно дает знать о себе быстро и решительно после кончины Володимерка. В январе 1154 г. Изяслав Мстиславич решил силой отнять у Ярослава захваченные отцом земли. 16 февраля возле Теребовля киевское войско наголову разбило галицкое. Ярослав перед тем пытался возглавить своих воинов, но «галичский же мужи начаша молвити князю своему Ярославу: „Ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будетъ отецъ твой кормиль и любиль, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы сложити“». Далее бояре оскорбительно молвили Ярославу: «А поѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемся сами съ Изяславомъ...»⁶⁴ — иронически записал киевский книжник.

Нет сомнения в том, что бояре княжеского двора Галича сознательно публично унизили и оскорбили этим своего государя. Ярослав тяжело переживал презрение людей из своего окружения. Неслучайно Киевская летопись постоянно делает акцент на том, что он перестал ходить в походы во главе войска, как делали остальные князья, а посылал с ними воевод. Приведу один из многочисленных фактов такого рода. В 1159 г. во время межусобной войны между черниговскими князьями Изяславом Давидовичем и Святославом Ольговичем на помощь Святославу пришел один из волынских князей Владимир Андреевич, и «Тудоръ Елчичъ [воевода] съ галичкою помощью прииде».⁶⁵ Впрочем, недавно появились свидетельства того, что Ярослав не мог ходить в походы из-за болезни.⁶⁶

В течение своего 25-летнего княжения в Галиче Ярославу придется ожесточенно бороться с боярством. Более того, и с собственным двором, в котором главную роль играли ближайшие к нему галицкие бояре. Это была особенность галицкого княжеского двора, который, в противоположность дворам других русских князей, обычно не поддерживал своего госу-

даря, а восставал против него. Так было и при отце Ярослава Володимерке, и при самом Ярославе, и при его сыне Владимире. Даже когда в Галиче сменится династия и на престол сядет Роман из киевско-волынского рода Мстиславичей, местное боярство враждебно встретит его. То же произойдет, когда отцовский стол займет сын Романа Даниил.

Уважаемый в средневековом мире государь, могущественный князь, игравший одну из первых ролей на древнерусской политической сцене, Ярослав не был хозяином в собственном доме, в своем дворце и в княжестве. Бояре, равные которым по могуществу и гордыне на Руси существовали разве что в Новгороде Великом, верховодили над Ярославом, бесцеремонно вмешивались не только в государственные дела, но и в его интимную жизнь. Несколько раз они пытались сбросить его со стола. В 1159 г. бояре надумали заменить своего князя давним врагом его отца, бывшим звенигородским князьком Иваном Ростиславичем Берладником: «Слахуть бо ся к нему [Ивану] галичане, веляче ему всѣсти на конѣ, и тѣмъ словомъ поуцивають его к собѣ рекуче: „Толико явишь стягы, и мы отступимъ отъ Ярослава“»,⁶⁷ — свидетельствует киевский книжник. Но поход Ивана Ростиславича на Галич, поддержанный еще и киевским князем Изяславом Давидовичем, не состоялся. Ярослав сумел удержать княжество в своих руках. Очередное испытание, посланное опять его двором, свалилось на него через четырнадцать лет.

Летописцы обычно мало пишут о личной жизни князей Руси. А Киевский свод сумел отразить интимную драму Ярослава Владимировича, раскрывшуюся на страницах летописи под 1173 г. Как писал знаменитый российский историк, «княгиня Ольга, на которой его женили по политическим мотивам, очевидно, не смогла завоевать сердце своего мужа». В. Н. Татищев заимствовал из какого-то неизвестного науке источника сведения, что Ярослав равнодушно относился к своей жене и побуждал ее постричься в монастырь. Однако Ольга Юрьевна, можно думать, пошла характером в своего отца Долгорукого и гордо отвергала позорное для себя предложение.⁶⁸

Уже немолодой Ярослав влюбился. Его любовью стала юная и, вероятно, прекрасная Анастасия из боярского рода Чагров.

Род этот был новый и незнатный, всем обязанный Ярославу, посему родовитые галицкие бояре сначала презирали его, а затем уже и боялись, наблюдая за тем, как многочисленные и энергичные Чагры выдвигаются на первые роли в княжеском дворе, прибирая к рукам княжеские симпатии и ласку, придворные должности и чины, земли и богатства. Родился и вызрел заговор боярства против государя. Его возглавили влиятельный боярин Константин Серославич и какой-то служебный князь Святополк.

Княгиня Ольга, вероятно, уже давно знала о существовании соперницы Анастасии. Подзуживаемая заговорщиками, она в 1173 г. демонстративно бежала от Ярослава. В киевской летописи сказано: «В том же лѣтѣ выбѣже княгини Ярославля изъ Галича в Ляхы, съ с сыномъ Володимиромъ, и Костянтинъ Сѣрославичъ и мнози бояре с нею быша тамо 8 месяцевъ». Это было объявление боярством войны своему государю. Его сын Владимир связался с волынским князем Святославом, прося у него Червенскую волость, и получил ее. Но в Червене он получил известие: «Поедь [в Галич] вборзѣ, отца ти есмы яли, и приятели его Чагрову чадь избилѣ, а се твой ворогъ Настаська». Затем «галичане же накладыше огонь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню вправду (!), и тако уладившеся».⁶⁹ История не знает и никогда не узнает, почему Ярослав не отомстил боярам, зверски убившим его любимую и поглумившимся над ним. Вероятно, князь оказался полностью в воле своего двора и боярства вообще. Как будто ничего не случилось, он вернулся на стол.

Но мир в разобщенном семействе государя так и не настал. Уже в следующем году княгиня с сыном вновь покинули Галич. Ярослав сумел удержать ситуацию. Бояре на время покорились ему, а луцкого князя Ярослава, к которому ушли беглецы, галицкий государь вынудил отказать им в приюте. Сын Владимир бегал от одного князя к другому, всюду получал отказ в прибежище и с повинной головой вернулся в Галич. Княгиня же Ольга удалилась в родной ей Суздаль, где и скончалась в 1183 г.⁷⁰

Минуло еще около десяти лет, и в 1183 г. княжич Владимир вновь покинул Галич, но на этот раз уже не по своей воле.

Ярослав выгнал непокорного и не способного к государственным делам сына, и тот бежал к Роману Мстиславичу волынскому во Владимир. Но Роман отказал ему в приюте. Киевский летописец объяснил суровый прием беглеца боязнью Романа вызвать гнев Ярослава: «Романъ блюдѣся отца его и не прия его». Не приняли Владимира Святополк в Турове и Всеволод в Суздале. Лишь зять Игорь Святославич дал ему приют в Путивле. Два года прожил Владимир в этом маленьком и захолустном городке, пока Ярослав не позволил ему вернуться домой.

Шли годы, Ярослав старел и терял силы. В начале сентября 1187 г. в предчувствии близкой кончины он составил завещание, которым передал Галич любимому внебрачному сыну Олегу (от Анастасии), а Владимиру даровал Перемышль. При этом он формально соблюдал традиции, ведь в Галицком княжестве по древнему обычаю перемышльский стол считался главным. Государь собрал «мужей своих», т. е. бояр и старших дружинников (составлявших его двор), и молвил: «„Се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру даю Перемышль“... и приводи Володимѣра ко хресту и мужи галичкыя на семь, яко ему не искати подѣ братомѣ Галича». Его неожиданное для многих решение летописец объяснил тем, что князь любил Олега, а «Володимѣръ не хожаше в волѣ его».⁷¹

Однако времена, когда крестное целование много весило, давно миновали. Да и были ли они когда-нибудь? Сразу же по смерти Ярослава в княжестве вспыхнул «мятежь великъ», галицкие мужи вместе с Владимиром, «переступивше хрестное цѣлование», выгнали Олега и посадили на стол Владимира.⁷² Двор считал Владимира подходящим ему князем, думая, что беспутный и слабовольный Ярославич будет послушной игрушкой в боярских руках. Но бояре просчитались.

Почти сразу же Владимир Ярославич обнаружил характер и попытался освободиться от пут боярской опеки, так досаждавшей его отцу и сократившей тому жизнь. Киевский летописец, явно использовавший сведения недоброжелательного Владимиру галицкого информатора, эмоционально отметил под 1188 г.: «Княжашу Володимеру в Галичкой земли, и бѣ любезнивь питию многому, и думы не любяшетъ с мужми своими, и поя у попа жену».⁷³ Как остроумно заметил Б. А. Рыбаков, этим бы-

ло решено все: если князь не уважает боярскую думу, если он выходит из воли «смысленных», не желает советоваться с ними, то он уже тем самым плох, и в летопись вносятся различные детали, порочащие его.⁷⁴

Следовательно, с первых месяцев (а может, и дней) князь Владимир начал единоборство со своим двором — вещь неслыханная для прочих русских княжеств того времени. Ведь и в Новгороде князь постоянно боролся с общиной, но при этом его двор всегда и во всем поддерживал своего государя. Замечу, что у Владимира Ярославича было мало шансов выиграть это единоборство — слишком сильны были чины и должностные лица двора, опиравшиеся на боярскую массу, политически и социально слабым оказался сам князь.

Тем временем двор и боярство прибегли к приему, который они неоднократно использовали во времена Даниила Галицкого и против самого Даниила. Бояре решили противопоставить Владимиру иного князя, его волынского соседа Романа Мстиславича. Занимая скромный волынский стол, Роман, вероятно, давно мечтал о галицком «златокованом» престоле (как его именует «Слово о полку Игореве»). Но раньше он побаивался великого и грозного Ярослава Владимировича.⁷⁵

Но и теперь Роман не сразу отважился пойти на Галич, если бы его не позвали бояре. Правда, киевский летописец изображает дело иначе: «Романъ же слашетъ безъ опасы к мужемъ галичкимъ, подтыкая ихъ на князя своего».⁷⁶ Мне кажется, что инициатива исходила от галицкого боярства. А киевский летописец, верный своему стремлению героизировать будущего основателя Галицко-Волынского княжества, изобразил зачинщиком всего дела Романа Мстиславича.

Бояре предъявили ультиматум своему князю: выгони попадью. Владимир понимал, что это лишь повод, лишь начало восстания против него. Поэтому он забрал свою попадью с прижитыми от нее двумя сыновьями, взял ценности из княжеской сокровищницы и с несколькими верными ему дружинниками подался в Венгрию. А Роман сел в Галиче. Но ненадолго.⁷⁷

Венгерский король Бела III решительно воспротивился утверждению Романа в Галиче, он сам имел виды на Галицкое княжество, пытаясь посадить там своего сына и превратить эту

землю в венгерскую провинцию. Поэтому он с сильным войском двинулся на Галич. «И слышавъ Романъ, аже король за Горою⁷⁸ уже, и бѣжа, не мога стати противу ему». Король вступил в Галич, но не восстановил Владимира на престоле, а посадил там своего сына Андрея. Летописец с осуждением записал: «Король же въеха в Галичь, не посади в немъ Володимера, но посади в немъ сына своего Андрѣя... Король же бѣ великъ грѣхъ створилъ, крестъ целоваль к Володимеру», но не сдержал слова. Более того, король забрал с собою Владимира в Венгрию и «всади его на столпъ», т. е. на какую-то крепостную башню.⁷⁹

Вокняжение венгерского королевича в Галиче означало в сущности переход княжества под венгерскую власть. Это вызвало народное возмущение. Поэтому часть бояр под давлением горожан стольного града была вынуждена искать путей избавления от оккупантов. В следующем 1189 г. «послашася галичские мужи к Ростиславу к Берладничичю,⁸⁰ зовуще его в Галичь на княжение. Он же слышавъ радъ бысть». Но другая часть боярства, чьи родичи были в заложниках у короля Венгрии, «держахуся крѣпко по королевичи». К тому же когда Ростислав Иванович подступил к Галичу «в малой дружине», ему изменила часть собственных воинов. Княжич не послушался своих разумных дружинников, советовавших ему отказаться от Галича, и начал битву, был сбит с коня и тяжело ранен, от чего и умер. Летописец пересказал слух, будто угры уморили Ростислава, «приложивше зелье смертное к ранамъ».⁸¹ А королевич Андрей сумел на время удержаться на галицком столе.

Между тем законный государь Владимир Ярославич блуждал чужими мирами. Словно в средневековом рыцарском романе, он сумел бежать из башни, в которой его заточили угры. При содействии сторожей он, «изрезавъ шатерь»,⁸² и «сви себе ужище и свѣсися оттуду доловъ», с одобрением повествует книжник. После этого Владимир направился за помощью к германскому императору Фридриху Барбароссе. За большие деньги, две тысячи гривен серебра (их Ярославич обязался выплачивать императору ежегодно), Барбаросса поручил польскому князю Казимиру восстановить Владимира Ярославича на галицком столе, что тот и сделал. «Галичские же мужи срътоша его с радостью великою, князя своего и дѣдича», вероятно, не

ощущая грустного комизма положения, ведет далее киевский летописец, «а королевича прогнаша из землѣ своея».⁸³

Однако князь Владимир хотя и разделял, вероятно, небескорыстную радость своих подданных, но вовсе не доверял им. Поэтому в следующем летописном предложении читаем, что он «посла ко Всеволоду»⁸⁴ ко уеви своему в Суждаль, моляся ему: «Отце господине! Удержи Галичъ подо мною, а язъ Божий и твой есмь со всимъ Галичемъ, а во твоей волѣ есмь всѣгда».⁸⁵ Это было предложение отдаться в вассалы Всеволоду. Владимир Ярославич не собирался, видно, просить защиты у киевских князей-дуумвиров Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича, ибо в этом случае его бы ожидал подлинный вассалитет с попаданием под их руку. А вот зависимость от далекого Всеволода Юрьевича виделась ему формальной.

Всеволод Юрьевич был опытным политиком, он знал, что Святослав с Рюриком будут посягать на независимость Галицкого княжества. Поэтому он «присла ко всимъ княземъ и ко королеви [венгерскому], в Ляхы, и води я ко кресту, — на своемъ сестричичѣ Галича не искати николиже подъ нимъ».⁸⁶ Так был заключен коллективный договор между русскими князьями, венгерским королем и польскими князьями о неприкосновенности Галицкого княжества, один из немногих известных нам для европейского средневековья подобных договоров. Благодаря признанию вассалитета от Всеволода, Владимир Ярославич в общем спокойно досидел на галицком столе до самой смерти. Киевский книжник констатировал: «Володимеръ же утвердився в Галичѣ и оттолѣ не бысть на нь никогоже».⁸⁷

Историкам не многое известно о последнем десятилетии княжения Владимира Ярославича в Галиче (1189—1199 г.). Он был в дружеских отношениях с великим киевским князем Рюриком Ростиславичем и поддерживал его в соперничестве с зятем, волынским князем Романом Мстиславичем, мечтавшим о галицком столе. Под 1196 г. Киевский свод сообщает: «Володимеръ ехавъ со Мъстиславомъ»,⁸⁸ повоева и пожъже волость Романову около Перемиля, а отселе Ростиславъ Рюриковичъ, ехавше и повоеваша волость Романову около Каменца. И тако ополонившесе челядью и скотомъ и отомъстившесе возвратишася восвоеси».⁸⁹

Из географии тогдашних боевых действий можно понять, что общий поход киевского и галицкого князей был устроен по инициативе Владимира Ярославича, а слово «отомьстившиеся» свидетельствует о том, что перед тем Роман нападал на его волость. Итак, слова летописца «не бысть на него никогоже» следует считать преувеличением. Борьба Романа Мстиславича за галицкий престол продолжилась, и в этой борьбе он, вне сомнения, опирался на симпатизировавшую ему боярскую партию в Галиче. С ее помощью Роман и утвердился в Галиче после смерти последнего государя из династии галицких Ростиславичей.

Владимир Ярославич, умерший в 1199 г., не оставил законного наследника, могущего сесть на отцовский престол. Двое сыновей от неизвестной нам попадьи в счет не шли. Династия Ростиславичей угасла. И это открыло путь к престолу другим южнорусским князьям. Дело выиграл Роман Мстиславич во-лынський.

Глава 5

ВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ В ЮЖНОЙ РУСИ XIII в.

На рубеже XII и XIII вв. общее социальное положение и расстановка политических сил в Южной Руси существенно изменились. Это было вызвано прежде всего образованием нового центра власти в юго-западных землях страны. В 1199 г. волынский князь Роман Мстиславич, ранее занимавший скромное место в княжеской иерархии государства, объединил под своей властью Волынскую и Галицкую земли в крупное Галицко-Волынское княжество и вскоре принялся претендовать на главную роль в Южной Руси.

Отраженная в летописях картина межкняжеских отношений первого сорокалетия XIII в. из-за недостатка источников выглядит менее полной, чем аналогичное полотно второй половины столетия двенадцатого. Если XII в. государственной жизни страны освещен и в южных (Киевский свод), и в северо-восточных (Лаврентьевский свод), и в северо-западных (Новгородские и Псковские летописи) источниках, то XIII век находится в худшем положении. Ведь общий для всей Южной Руси свод XIII в., подобный Киевскому XII в., не сохранился.

Единственная южнорусская летопись того времени — Галицко-Волынская¹ — все же сосредоточена на истории Галичины и Волыни, она мало освещает другие южные земли Руси, не говоря уже о северо-западных и северо-восточных. Лаврентьевская же летопись описывает южнорусскую жизнь XIII в. скупо и неравномерно. Относительно подробно (учитывая ее

общую лапидарность) она отразила лишь первые годы XIII в. Но дальше она как бы забывает о Южной Руси. Интересующие нас отрывочные сведения Лаврентьевской летописи лишь в немногих случаях поддаются проверке известиями других летописей. Поэтому история княжеского двора Киева в конце XII—первом десятилетии XIII в. в источниках почти не освещена.

Помогает историкам обращение к свидетельствам поздней северорусской Воскресенской летописи, составленной, вероятно, в 30-х или 40-х гг. XVI в.² Придерживаясь авторитетного мнения В. Т. Пашуто, согласно которому Воскресенский летописец в своих южнорусских известиях первой трети XIII в. воспользовался каким-то подобным Ипатьевскому списком, в котором читалась Киевская летопись 1238 г., созданная около того времени и ставшая естественным продолжением Киевской летописи Рюрика Ростиславича, составленной в Киеве в конце XII в. В. Т. Пашуто удачно реконструировал сведения этой Киевской летописи.³

Подобно другим современным ему летописям, этот вероятный Киевский свод XIII в. был тенденциозен в освещении событий в Киеве и вообще в Южной Руси, толкуя их в свете, выгодном его заказчикам. В его рассказе о конфликте между киевским государем Рюриком Ростиславичем и его зятем Романом Мстиславичем преувеличены вес и влияние суздальского князя Всеволода Большое Гнездо на южнорусские дела. Отсюда можно сделать вывод, что на Киевскую летопись XIII в. (отразившуюся в Воскресенском своде) повлиял источник, близкий ко двору Всеволода Юрьевича.

После смерти черниговского князя Игоря Святославича (1202 г.) его стол занял другой Ольгович: Всеволод Святославич Чермный (рыжий) и вскоре выдвинул претензии на киевский стол. Тогдашний киевский государь Рюрик постарел и потерял былой авторитет, а его попытки опереться на Всеволода Юрьевича суздальского не имели особенного успеха. Это не могло не отразиться на освещении его жизни и деятельности его двора в источниках того времени. Киев и княжеская администрация Рюрика вплоть до конца его правления в стольном граде (1212 г.) едва просвечивают сквозь летописные свиде-

тельства о других городах и других князьях первого десятилетия XIII в.

Сказанное относится и к годам княжения в Киеве Всеволода Чермного (до 1212 г.) из клана смоленских Ростиславичей, Мстислава Романовича (до 1223 г.) и его преемника из того же клана сына Рюрика Владимира (до 1236 г.). Лишь эпизодом было краткое киевское княжение Ярослава Всеволодовича суздальского в 1236 г. Далее Киев переходит из рук в руки, там сидели Михаил Всеволодович черниговский и его сын Ростислав, у которого в 1238 г. Даниил Романович галицко-волинский отнял стол и посадил в стольном граде Руси своего воеводу Дмитрия, на долю которого и выпало защищать Киев от монголов в конце 1240 г.

В очень скурых и отрывочных свидетельствах источников о киевской княжеской власти трудно разглядеть ее властные структуры. Поэтому исследование княжеского двора Руси XIII в. выполняется мной в основном на известиях Галицко-Волинской летописи с привлечением материалов южнорусских летописных сводов.

Предыстория формирования властных институций в Южной Руси в XIII в.

Вокняжение Романа Мстиславича в Галиче в конце XII в. не отразилось в современных ему источниках. Подробный и осведомленный в галицких делах Киевский свод фактически завершает свой рассказ ранее этого события, на 1198 г., поэтому, понятно, не знает о смерти галицкого князя Владимира Ярославича и утверждении в Галиче Романа. А поздняя Густинская летопись, составленная в XVII в., отметила кончину Владимира под 1199 г.: «В лѣто 6707 (1199). Преставися Володимеръ Галицкій».⁴

Существуют основания доверять этому сообщению, основанному на польских источниках, в частности «Хронике» польского историка второй половины XII—первой четверти XIII в. Винсентия Кадлубка.⁵ Не вызывает доверия известие поляка Яна Длугоша (XV в.), описавшего смерть Владимира годом

раньше. Час кончины последнего галицкого Ростиславича и вокняжения Романа Мстиславича в Галиче как 1199 год принят в современной науке.⁶ Утвердившись в Галиче, Роман создал крупное и богатое Галицко-Волынское княжество.

Роман-Борис Мстиславич (около 1150—1206) был сыном Мстислава Изяславича киевского и дочери польского князя Болеслава III Кривоустого Агнессы.⁷ Был дважды женат, первый раз на дочери Рюрика Ростиславича Предславе (до 1195 г.),⁸ развелся с ней около 1197 г. под предлогом ее бесплодия. Второй раз — на Анне, предположительно волынской боярышне.⁹

Его политическая и военная карьера была богатой событиями, он переживал взлеты и падения. Не добившись галицкого стола в 1188 г., он сосредоточился на борьбе с тестем Рюриком Ростиславичем за владения в Поднепровье, пытался привлечь к ней польских родичей. Затем сам вмешался в межусобную борьбу в Польше за краковский стол между сыновьями Казимира Справедливого и их дядей Мешко Старым. В битве при Мозгаве (1195 г.) потерпел поражение от Мешко и был ранен.¹⁰ После этого вернулся на Русь и продолжал ссориться с Рюриком.

Роман прославился победоносными походами в Половецкую степь. В 1197 (или 1198) г. по просьбе византийского императора Алексея III Ангела князь напал на половцев, ворвавшихся в пределы империи, и рассеял их. По свидетельствам одного западноевропейского хрониста, Роман совершил несколько крупных кампаний против кочевников, остановив половецкие нашествия. В 1202 и 1204 гг. Роман организовал походы южнорусских князей в Степь,¹¹ принесшие ему громкие победы и славу победителя половцев, отразившиеся в панегирике Роману, которым открывается сохранившаяся часть Галицко-Волынской летописи: Роман «одолѣвша всѣмъ поганьскымъ языкомъ»,¹² <...> устремилъ бо ся бяше на поганяя яко левъ, срьдить же бѣ яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прохожаше землю ихъ яко и орелъ, храбор же бѣ яко и туръ. Ревнова же дѣду своему Мономаху, погубившему поганяя измаилтяны,¹³ рекомыя половци...»¹⁴ Далее книжник рассказывает поэтическую историю о том, как один из половецких ханов Отрок был загнан Владимиром Мономахом в Абхазию, а другой, Сырчан, прятался на

Дону... Лишь после кончины этого русского государя Отрок решился вернуться в родные степи.¹⁵

Претендуя на первенство в Южной Руси, Роман в 1201 г. отнял Киев у Рюрика Ростиславича и посадил там своего двоюродного брата Ингваря Ярославича луцкого,¹⁶ а в 1204 г. сам овладел Киевом, фактически объединив, пусть и ненадолго, южнорусские земли под своею рукой. Но все же Роман заботился прежде всего о созданном им Галицко-Волынском княжестве.

Приходится сожалеть о том, что Галицко-Волынская летопись не сохранилась за первые пять лет XIII в. Поэтому времена княжения Романа в Галиче в 1201—1205 гг. в ней не отразились. Отдельные детали истории его правления находим в Лаврентьевской летописи, а также в польских средневековых хрониках Кадлубка и Великопольской, в «Истории» Длугоша, построенных на давних, не всегда известных современным историкам письменных памятниках, среди них и древнерусских.

Существуют основания думать, что утверждению Романа Мстиславича в Галиче противилась та боярская партия, которая собиралась призвать в князья Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве», что она и сделала, позвав его сыновей после смерти Романа. Кадлубек сообщает, что обострение отношений между боярскими сторонниками и противниками Романа привело даже к настоящей битве между ними возле валов Галича накануне въезда туда волынского князя. Учитывая бешеное сопротивление, оказанное Роману частью галицких бояр вскоре после его вокняжения в Галиче, это мнение выглядит правдоподобным.

Осуществляя политику централизации и укрепления Галицко-Волынского княжества, Роман Мстиславич жестоко подавлял боярство в Галиче. Ведь земельная аристократия в собственных эгоистических целях тащила страну назад, в омут феодального хаоса, была ежеминутно готова набросить на шею своему народу ярмо любого властителя, все равно, русского или иноземного, лишь бы он был послушным орудием в ее руках. Множество бояр, не желавших покоряться государю, сложили головы, о чем рассказывают польские средневековые источники.¹⁷ У многих бояр отняли имения, множество их бе-

жало на Днестровское понизье и даже в Венгрию.¹⁸ Отголосок этого сохранила Галицко-Волынская летопись в рассказе о том, что вскоре после смерти Романа галицкие бояре «приведоша Кормиличича,¹⁹ ижѣ бѣ загналъ великий князь Романъ нѣверы (неверности) ради, славяху бо Игоревича».²⁰ Вот доказательство того, что галицкое боярство уже в первые дни Романова княжения в Галиче замыслило противопоставить ему другого князя.

Немногое можно сказать о княжеском дворе самого Романа. Киевская летопись, единственный источник по истории его княжения на Волыни (1170—1199), не упоминает ни двора князя во Владимире, ни его тогдашних чинов или министерялов. С большой долей уверенности можно думать, что Роман в 1199 г. переместил свой двор из Владимира в Галич, иначе просто не могло быть. Но, объединив Галичину и Волынь в общее государство, ему пришлось реорганизовать свой двор, увеличить количество его людей. Вот тогда в его двор и влились великие галицкие бояре, тогда и зародился конфликт князя с ними, отраженный и в польских хрониках и в Галицко-Волынской летописи.

Неожиданная для всех смерть Романа Мстиславича (он погиб 19 июня 1205 г. в польском походе, случайно наткнувшись на вражеский разъезд²¹) оставила новое великое княжество в предвзрывном состоянии. Боярство было разгромлено и изгнано государем, однако не искоренено, и наивно было бы надеяться на то, что за пять лет княжения Романа можно было бы это осуществить. Да и новое государственное образование не было в достаточной степени консолидированным, и этому были объективные и весомые причины.

Хотя государственные территории Волынской и Галицкой земель к началу XIII в. и были в целом сформированы, все же центральная власть в них к концу XII в. оставалась еще недостаточно сильной, чтобы упразднить удельные княжества на Волыни и подавить боярство в Галицкой земле. Это выразилось в неравномерности заселения обоих регионов, их хозяйственном освоении и возникновении городов и городков. Государственная служба, собирание даней и производство суда действовали не на всей территории этих земель.

На местах почти неограниченными господами были крупные и средние феодалы-землевладельцы, имевшие вассалов в лице мелких владельцев. Это было особенно характерно для Галицкой земли. Громадную, временами определяющую роль в жизни Волыни и в особенности Галичины играло великое боярство.²²

Как и всюду на Руси, бояре были земельной аристократией и одновременно верхушкой княжеской дружины. Они также составляли ядро княжеского двора. Если на Волыни во времена длительного княжения Романа Мстиславича боярство стало консолидированным и в общем поддерживало своего государя, то в Галицкой земле бояре, начиная со времен первого князя Володимерка Володаревича, никогда не были монолитным социумом, всегда разделяясь на две или больше партий, соперничая и враждуя между собой.²³ В предыдущем разделе речь шла о том, как боярские свары вредили всем сторонам жизни Галицкого княжества, подрывали верховную власть в лице государя.

Когда Роман Мстиславич погиб в Польше, его заменила на столе (в качестве регента) супруга княгиня Анна. Ее государственные права были признаны венгерским королем Андреем (Андрашем) и польским (краковским) князем Лешекком. Анна опиралась на большую часть верного Роману волынского боярства, которое в составе его двора перебралось в Галич. А вот галицкие бояре, также влившиеся в его двор, сразу же заняли враждебную позицию к княгине и ее сыновьям. Летописец называет ее сыновей Романовичами. Галицкие боярские олигархи, составившие большинство двора Романа и его сыновей, показали зубы уже в следующем, 1206-м, году. В трудные для семейства Романа времена двор оказался разобщенным и в массе своей ему враждебным.²⁴

Противоречия между князем и галицким боярством были столь сильными, что галицкий летописец сразу же после панегирика погибшему Роману заметил: «Велику мятежю вставшую въ земли Руской, оставившима же ся [княгиня] двѣма сынома его, единъ 4 лѣта, а другой двѣ лѣтѣ».²⁵ В этом кратком и эмоционально напряженном предложении предельно ясно отражено положение, создавшееся в Галицко-Волынском кня-

жестве после кончины государя. Он оставил двух малолетних сыновей, еще неспособных руководить княжеством, и это обстоятельство благоприятствовало мятежу, вспыхнувшему в государстве. Ведь не стало сильной руки. Хотя летописец почему-то не назвал главную общественную силу, противостоявшую Романовичам, — галицких бояр, хотя о них он пишет много и эмоционально.

В 1206 г. над Галицко-Волынским княжеством нависла грозная опасность. Подстрекаемые враждебными Романовичам боярами на Галич пошли чернигово-северские князья Ольговичи, традиционные враги единства и централизации Древнерусского государства, к тому же давние союзники половецких ханов. Объединившись с ними, в поход двинулись киевский князь Рюрик Ростиславич и смоленский Мстислав Романович. С запада к рубежам Волыни приближался краковский князь Лешек, по прозвищу Белый. Суздальская летопись отметила, что «ляхове идутъ к Володимерю Олговичемъ в помочь».²⁶

Напрасно просила княгиня Анна о помощи венгерского короля и польского князя, которые еще при жизни Романа заключили с ним союз и пообещали заботиться о его семье в случае его смерти. При приближении Ольговичей с войском Анна с сыновьями перебирается в домен своего мужа, Владимир-Волынский. Но и там ей не было покоя. Старший Игоревич, сын героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича Владимир стремился посадить во Владимире своего брата Святослава. Галицкий летописец четко объяснил интригу: «Хотящю Вьлодимерю искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичаномъ», т. е. в черном деле истребления потомков Романа Владимиру Игоревичу стремились помочь галицкие бояре. Владимир послал в город Владимир какого-то попа с угрозой: «Не имать остатися градъ вашъ, аще ми не выдасте Романовичи, аще не примите брата моего Святослава княжити».²⁷

Сначала во Владимире возмутились наглым предложением Игоревича, но затем местные бояре Дончук и Нечипор («имѣаху бо лєсть в серци своемъ») решили изменить княгине и отдать город Владимиру и Святославу Игоревичам.²⁸ Княгиня Анна с детьми оказалась в отчаянном положении.

Складывание двора Романовичей

В то время княгиня с сыновьями еще оставалась во Владимире. Вокруг нее был княжеский двор, вернее, то, что от него оставалось. Галицкие бояре, члены двора, изменили Анне и Романовичам, волынские же... Почти обо всех из них нам ничего неизвестно, но нашлись и те, кто помог семейству Романа Мстиславича в горький час. Узнав об измене волынских бояр Дончука и Нечипора, Анна «съветъ сътвори с Мирославом [и] с дядькомъ, и на ночь бѣжаша в Ляхы». Само бегство семейства Романа из опасного для него Владимира описано в Галицко-Волынской летописи красочно и романтично. Ведь эта летопись не только исторический памятник, но и литературное произведение высочайшего уровня. В ее тексте щедро рассыпаны описания событий и характеристики персонажей, изобилующие метафорами, гиперболами, изысканными эпитетами и сравнениями...

Итак, Анна с маленькими сыновьями покидает Владимир Волынский: «Данила же възме дядько предъ ся, изыде из града, Василка же Юрий попь възме, изыде дѣрою вонъ изъ града. Не вѣдяху бо [княгиня] камо бѣжашю, бѣ бо Романъ убиень на Ляхохъ, а Лестько мира не сътвориль».²⁹ Из летописного рассказа следует, будто, покинутая всеми кроме четырех верных ей людей, княгиня Анна ночью, словно преступница, сквозь пролом в стене владимирских укреплений (оставшийся после предыдущей войны) с маленькими мальчиками выбирается из города, и не знает, куда податься!

Полагаю, книжник чрезмерно драматизировал события, и без того драматические. Анна уж никак не могла быть одинокой в стольном граде Волынского княжества. С ней была по меньшей мере часть волынского боярства и волынского двора ее мужа. Вокруг нее и ее сыновей железной стеной стояла испытанная в сражениях рыцарская дружина Романа, на ее стороне были горожане Владимира и других городов и городков княжества. Обо всем этом узнаем из последующих рассказов Галицко-Волынской летописи. Наконец, продолжал действовать союзный договор, заключенный Романом Мстиславичем с венгерским королем и польским князем.³⁰

Думаю, в действительности Анна с Даниилом и Васильком покинула неблагодарный Владимир открыто и демонстративно, в сопровождении своего двора, преданных ей волынских бояр и закованной в железо дружины, под хоругвями и стягами мужа. Вероятно, ее советники и первый среди них Мирослав трезво взвесили силы и поняли, что одолеть Ольговичей с их немалым войском и с поддержкой киевского князя и венгерского короля не удастся.³¹ С того времени начинается печальная и многолетняя одиссея странствий маленьких Романовичей вместе с матерью чужими мирами. В этих странствиях складывался их двор, их государственная служба.

Длительное время основу двора будут составлять волынские бояре Романа Мстиславича, его чиновники и министерялы. Они шли за своими маленькими князьями всюду, куда их забрасывала судьба. В 1211 г. венгерский король в собственных интересах решил поспособствовать возвращению Даниила на галицкий отцовский стол, конечно, на недолгое время. Даниил жил тогда в Венгрии, на Волыни оставался его младший брат Василько с матерью. Вокруг них сосредоточился волынский двор. Когда Даниил с венгерским войском приближался к Галичу, он получил подмогу от брата: «Василку же княжашю в Белзѣ, прийдоша же отъ него Великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ, Демьянь и Воротиславъ, и инии бояре мнози, вои отъ Белза».³²

Имена этих бояр отца молодого князя неоднократно встречаются на последующих страницах летописи. Они составили основу двора сначала Василька, а затем и Даниила. Не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что все эти бояре упоминаются в основном в боевых эпизодах. Ведь двор средневекового государя на Руси был в первую очередь военной структурой. А глава двора *дворский* обычно принадлежал к кругу доверенных и лучших воевод князя.

Так же как и при Володимерке Володаревиче, двор Даниила был странствующим, переходя вместе с князем из Галича во Владимир, из Владимира в Белз, далее в небольшие города Каменец, Тихомль и Перемышль, а позже в Холм. Когда Романовичи начнут возвращать себе «отчину» Романа Мстиславича, утвердившись сначала во Владимире-Волынском, а затем и

в Галиче, двор всюду будет сопровождать Даниила. А в 1213 г. двоюродный брат Романовичей Александр Всеволодич при помощи краковского князя Лешка выгонит маленького Василька вместе с матерью из волынского города Белза (где он тогда княжил), тогда «бояре вси не изневьришася, но идоша вси съ княземъ Васлкомъ в Каменець»,³³ который он получил взамен Белза.

Верности унаследованного от отца волынского двора Романовичи в большой степени обязаны своими общественно-политическими достижениями, отвоеванием у русских князей-конкурентов, венгерского короля и польских князей сначала Волынской земли, а затем и Галицкой. В том самом 1213 г. Лешек краковский собрал на Волыни войско, чтобы выгнать из Галича боярина Владислава, который там самочинно вокняжился. По его призыву пришли Даниил Романович из Каменца, Александр Всеволодич из Владимира, его брат Всеволод из Белза, «когождо съ своими вои. Бѣ бо вои Даниловы болши и крѣплейши, бяше бояре велиции отца его вси у него»,³⁴ отметил галицкий летописец. Бояре двора Романа Мстиславича не только остались верными его сыну, но привели с собой отряды вооруженных людей. Вероятно, эти отряды состояли как из боярских дружин, так и из приведенных их вассалами ратников. Верной Романовичам оставалась и волынская рыцарская дружина отца, частично состоявшая все из тех же волынских бояр.³⁵

Даже когда один из Романовичей ненадолго выезжал из княжества, с ним ехали чины его двора. Весной 1230 г. «еха Василко к Суждалю на веселе [свадьбу] шюрина свого, к великому князю Гюрьгю [Юрию], поемъ Мирослава с собою и ины»,³⁶ видных людей своего двора. Мирослав принадлежал к ближайшему окружению Романовичей, он был администратором, дипломатом, полководцем. Вероятно, именно как дипломата и взял его с собой Василько.

Незадолго перед тем (в 1226 или 1229 г.) Василько Романович женился на дочери владимиристо-суздальского князя Дубравке. Мирослав, можно думать, способствовал этому браку. А вот о какой свадьбе в Суздале речь идет в Галицко-Волынской летописи за 1230 г., остается неясным. Сам Юрий

Всеволодич женился в 1211 г. на дочери черниговского князя Всеволода Чермного Агафье, погибшей во время штурма войском Батыя Владимира-на-Клязьме 7 февраля 1238 г.³⁷ Понятно поэтому, почему именно Василько подался во Владимир, ему было удобнее, чем Даниилу, вести переговоры с родичем.

Как было сказано, двор Даниила Романовича и люди двора выступают на страницах Галицко-Волынской летописи (основного и в большинстве случаев единственного источника) почти исключительно в боевых эпизодах, причиной чего была бурная жизнь Романовичей, в особенности старшего из них.

Обычно воеводы Даниила возглавляли крупные контингенты войска, принимали участие в больших и малых битвах. А вокруг государя стоял его двор, бывший немалой войсковой силой, способной решать в пользу своего господина по меньшей мере локальные конфликты. Двором («малой дружиной») командовали преданные князю люди, бывшие, вне сомнения, опытными военачальниками. В этом убеждает летопись.

В 1219 г. Даниил Романович отвоевал у Лешека Белого захваченные тем земли Западной Волыни. Польский князь решил вернуть их себе. Нападение польского войска было неожиданным, поэтому волынский князь, как можно понять из рассказа галицкого летописца, послал против него воинов своего двора: «Веснѣ же бывши, ехавше ляхове воевать, и воеваша по Бугу. Посла по них Даниль Гаврила Душиловича, и Семена Олуевича, Василка Гавриловича; и бишася, <...> и воротишася с великою честью в Володимерь».

В 1228 г. Даниил и Василько использовали силы своего двора, дабы выбить из Луцка (принадлежавшего им тогда) амбициозного Ярослава Ингваревича, внезапно захватившего его: «Посласта на нь [Ярослава] Андрѣа, Вячеслава, Гаврила, Ивана»,³⁸ — пишет галицкий летописец, понятно, во главе отрядов, состоявших из людей княжеского двора. Но не всегда князь посылал воинов двора под водительством верных людей. В 1230 г. Даниил ударил на предводителя боярской оппозиции Судислава. Дабы достичь эффекта неожиданности, он использовал своих дворян. Как сообщает наш источник, он «иде

в малѣ дружинѣ³⁹ къ Галичю». Застигнутый врасплох Судислав не стал сопротивляться небольшому отряду своего господина и бежал.⁴⁰

Вне сомнения, дворяне выступают в Галицко-Волынском своде в описании острого столкновения Даниила Романовича с боярством в 1231 г.: «Самому же Данилу съзвавшю вѣче, оставшюся въ 18 отрокъ вѣрныхъ и съ Демяномъ тысяцкимъ своимъ».⁴¹ Князь обращается к горожанам с призывом поддержать его против врагов, а они уверяют его в верности. Соцкий Микула бросает крылатые слова: «Господине! Не погнетши пчель, меду не ясти!»⁴² Так образно младший член двора Даниила указал князю на необходимость безжалостной расправы с боярами. В этом тексте выступает военная (дворская) структура: вместе с князем находится тысяцкий, а совет дает ему сотник контингента его двора.

Особенностью странствующего двора Даниила Романовича был его пестрый состав, ведь в нем одновременно находились и волынские и галицкие бояре. К тому же последние в зависимости от стратегической обстановки и собственных намерений то удалялись от двора, то возвращались к нему. Галицкие великие бояре в большинстве были циничными и корыстными приспособленцами, они, ни минуты не колеблясь, предавали своего князя в случае, когда это было им выгодным.⁴³ В тексте летописи разбросано немало свидетельств мною сказанного. Приведу лишь один красноречивый пример очередного изменения состава двора Даниила.

Дело шло к окончательному утверждению князя в Галиче. Весной 1230 г. галичане (бюргерство, городские верхи) прислали посла к Даниилу с призывом: «Судиславъ шель есть в Понизье, а королевичъ в Галичи осталъ, а поиди вборзе!»⁴⁴ Летописная цитата лаконично раскрывает политическое положение в Галиче. Царствовал посаженный провенгерской партией бояр венгерский королевич Андрей, но фактически всеми делами вершил глава этой партии Судислав, которого враждебный ему галицкий книжник называет все же великим, вероятно, принимая во внимание его политическое, военное и финансовое могущество. В той ситуации Даниил показал себя умелым полководцем, он послал против Судислава

своего лучшего воеводу Демьяна и разбил его, а сам князь во главе конницы своего двора («въ малѣ дружинѣ») бросился в Галич.

Князь начал осаду Галича. Убедившиеся в тщетности попыток удержать положение, галицкие бояре, как ни в чем не бывало, перешли на сторону победителя и влились в состав его двора: «И прииде же Демьянь⁴⁵ съ всѣми бояры галицкими, съ Мирославомъ и с Володиславомъ⁴⁶ и съ многими боярами галицкими».⁴⁷ М. С. Грушевский образно подытожил события: «К Даниилу успели полки, и что важнее — Галицкая земля подымалась, встав на сторону Даниила, и много галицких бояр присоединилось к его войску».⁴⁸ В этих условиях, да еще против симпатизировавшего Даниилу населения Галича, немногочисленному венгерскому гарнизону было не удержаться, и королевич капитулировал.

И все же гибкость и беспринципность галицких бояр в общественном сознании имела пределы. Нельзя было не учитывать враждебного отношения жителей стольного града к бунтарю-боярину, поддерживавшему венгров и стремившемуся посадить королевича на галицкий престол. После того как венгерский гарнизон сдался на милость победителя, «пусти [Даниил] сына его [короля] и проводи и до реки Днѣстра; изыде же с нимъ единъ Судиславъ, на нь же метаху [горожане] камень, рекуще: „Изыди из града, мятежниче земли!“».⁴⁹

Полностью скомпрометированный в глазах общества и князей Романовичей Судислав был вынужден уйти в Венгрию вместе с молодым королевичем, иначе бы ему было, вероятно, не сносить головы. Наверное, галицкие горожане, решительно и охотно поддерживавшие Даниила, надеялись на то, что уж в этот раз князь прочно овладеет Галицкой землей. Но их надежды не оправдались.

Минет еще нескончаемо долгих (для Романовичей) восемь лет, прежде чем Даниил утвердится в Галиче. И не последнюю роль в этой длительной паузе сыграет то, что его двор не был единым в достижении цели и монолитным в социальном плане. Галицкое боярство, входившее в состав двора, противилось государственному плану своего князя. Государственная служба Романовичей оставалась тогда малоэффективной.

Место двора в государственной деятельности князей

Лишь со времени утверждения Даниила Романовича на галицком столе в 1238 г. возможно говорить об активной деятельности большей части княжеского двора в поддержке государственных планов и действий князя. Ближайшее его окружение из воыльских бояр, долгое время (вплоть до окончательного укрощения им галицких олигархов в 1245 г.) составлявших его двор, в течение 20-х—середины 40-х гг. XIII в. было верным помощником князя в преодолении сопротивления боярской оппозиции, отражении агрессии со стороны венгерских, польских и литовских властителей, в восстановлении хозяйства, пришедшего в упадок вследствие иноземной оккупации и боярского грабительства крестьян и горожан, в укреплении войска и внешних рубежей. С овладения Даниилом верховной властью на Воыни и в Галичине от двора требовались все новые идеи, планы и усилия.

Слом сопротивления оппозиции был едва ли не главной государственной идеей Даниила Романовича, а проведение ее в жизнь требовало предельного напряжения сил и активной поддержки княжеского двора. Большую тревогу князя галицкие бояре вызывали и после 1238 г., они не покорились, лишь притихли, ожидая удобного часа, чтобы вновь подняться против государя. Было бы наивным надеяться, что сразу после того, как Даниил сядет на престол своего отца, галицкое боярство склонится перед ним. Оно признавало лишь один аргумент — вооруженную силу. Но поскольку князь тогда прочно сидел на престоле, поддерживаемый городским и сельским населением, бояре были вынуждены на какое-то время (они надеялись на недолгое) склониться перед ним. Преодоление сопротивления галицкого боярства принадлежало к числу основных государственных планов и усилий Романовичей.

Возникает естественный вопрос: почему князь, насквозь видевший заговорщиков и интриганов бояр, все же относительно мягко вел себя с ними, даже когда они оказывались в его руках? Ведь бояре не раз посягали на жизнь Даниила, сбрасывали его с престола, призывали на его стол разных, в основном

враждебных ему, конкурентов?! Ответить на этот, кажется, простой вопрос нелегко, и не только потому, что историки не знают всех фактов и явлений, раздиравших галицкое общество. Ведь источники тех лет сохранились лишь во фрагментах, за исключением разве что Галицко-Волынской летописи. Но ее составители раскрывают перед нами вовсе не все мотивы и движущие силы деятельности своих персонажей, да и знали ли они о них?

Дело в том, что в 1219—1245 гг. Даниил Романович не был полновластным государем ни в Галичине, ни даже на Волыни. Его окружала горстка крупных феодалов, среди которых первое место занимали волынские бояре отца, его сподвижники и советники, члены его волынского, а затем и галицкого дворов. В действительности по возвращении в Галицкую землю князю приходилось вступать в добрые отношения с частью верхушки галицких бояр, даже вводить их в состав своего двора, — хотя бы для того, чтобы расколоть боярство. И это ему удавалось делать, как свидетельствует развитие событий.⁵⁰

Даниил Романович тысячами нитей, своеобразных кровеносных сосудов, был связан с верхушкой феодального класса Волыни и Галичины. Ему приходилось принимать во внимание мнения близких ему людей, а они из чувства классовой солидарности и родственных связей не могли одобрить кровавой, даже судебной расправы над кем-то из бояр, пусть враждебных и князю, и лично им. Это создало бы опасный прецедент — чего доброго, простой народ решит, что его господ можно судить и снимать им головы! К тому же часть тех непокорных бояр входила в состав двора Даниила, важной структуры государственной службы.

Вероятно, в памяти князя с малых лет жила страшная картина повешения князей Игоревичей галицкими боярами в 1211 г.⁵¹ Можно предположить, что она намертво отложились в сознании Даниила, тогда еще десятилетнего княжича. Наконец, его власть в Галиче в первый период пребывания на престоле (1238—1245 гг.) была усложнена неблагоприятной политической ситуацией на Руси и в Центральной Европе. Ему приходилось принимать во внимание не только боярские происки, но и агрессию со стороны Венгрии и претензии на его престол

черниговских князей. Ко всему этому Даниил задумал утвердиться в Киеве (и сделал это в 1238 г.) и не хотел до времени раздражать бояр. Кампания против них была еще впереди.

Лишь после Ярославской битвы в июле 1245 г., в которой Даниил победил приведенное Ростиславом черниговским венгерское войско и отряды враждебных ему бояр, у него появилась наконец возможность раз и навсегда покончить с бунтующими против него боярами, противившимися его государственным планам и действиям. После битвы «Жирослав⁵² же приведе Вьлодислава,⁵³ злаго мятежника земли, в тотъ же день и тыи убиень бысть и инии [бояре]». ⁵⁴ Тогда казнили многих враждебных Даниилу галицких олигархов.

Ярославский триумф подвел черту под сорокалетней борьбой княгини Анны и ее сыновей с антигосударственным боярством и за восстановление созданного Романом Мстиславичем Галицко-Волынского княжества. В годы княжения Романовичей оно стало самым могущественным на Руси, а Даниил — полновластным государем Волынской и Галицкой земель.

Таким образом, к 1245 г. Даниил Романович одержал победу над Венгрией, окончательно подавил боярское сопротивление и восстановил Галицко-Волынское княжество отца. Но эта виктория имела горький привкус, потому что на Руси на многие годы установилась унижительная и жестокая власть монгольских ханов. Ее ярмо князь Даниил очень скоро ощутил на собственной шее. Еще весной 1241 г. орды Батыя завоевали Галицко-Волынскую Русь, истребив и уведя в плен значительную часть населения, разрушив города и села, вытоптав луга и поля. ⁵⁵ После истребительного рейда в Центральную и Юго-Западную Европу монголы вернулись в Восточную Европу, основав в устье Волги разбойничье государство Орду (в научной литературе ее называют обычно Золотой Ордой).

Нашествие орд Батыя

Монгольские ханы были в общем прагматичными и умелыми на свой лад правителями. Батый и другие ханы не стали разрушать систему феодальной власти и социальную струк-

туру княжеств и земель, складывавшуюся в течение столетий. В этих структурах ведущую роль продолжали играть княжеские дворы, особенно пригодившиеся завоевателям. Монголы понимали, что без помощи местных князей и бояр, их органов управления (прежде всего дворов) им будет трудно править на Руси. Поэтому Батый и его преемники в Орде обычно не сбрасывали с престолов местных князей, а ставили их в зависимость, требуя, чтобы те обязательно ездили на поклон и утверждение на столах в ханскую ставку в Сарая на Волге.⁵⁶

Поработители умело пользовались страхом русского господствовавшего класса перед потерей земель, богатств и привилегированного положения. Играя на этом, а также на боязни князей народных масс, ханы и их баскаки на Руси умело перетаскивали на свою сторону большинство социальной верхушки, и она принялась служить им и за страх и за совесть. Так вследствие классового сговора между монгольскими и русскими господствующими слоями князья предали свой народ.⁵⁷ Но не все князья склонили головы перед завоевателями и сделались предателями. К их числу относился Даниил Романович Галицкий.

Растоптанная ордами Батыя Русская земля лежала в руинах и пожарищах. Но народ нашел в себе силы отстроить города и села, помалу возродить земледелие, животноводство, ремесла, промыслы и торговлю. Среди княжеств и земель Юго-Западной Руси жизнь начала возрождаться раньше всего в Галицко-Волынском княжестве, что объясняется успехами государственной деятельности Романовичей. Положительную роль в этом сыграл княжеский двор. Галицкий книжник свидетельствует, что после «Батыева погрома» Даниил «нача призывати, прихожаа нѣмци [иностранцы] и Русь, и иноязычники и ляхы: идяху день и в день, и уноты⁵⁸ и мастера всяции бѣжаху ис Татар, сѣделници и лучници, и тулници, и кузнеци желѣзу и мѣди, и сребру. И бѣ жизнь, и наполниша двory окрест града, поле и села».⁵⁹

Вероятно, неслучайно в этом тексте источника среди ремесленников выделены оружейники — князь Даниил готовился к схватке с Ордой!

В надежде объединить Русь

Галицкий летописец отдал должное мерам Даниила по возрождению старых и возведению новых городов, особенно оборонительных крепостей и замков. В кратком посмертном панегирике князю в перечислении его достоинств с уважением сказано, что он «сзда города многы». ⁶⁰ В течение 1238—1258 гг. Романовичи спешно укрепляли южные и восточные рубежи своей земли.

Государственная, прежде всего оборонительная деятельность Даниила Романовича насторожила Орду. Ко всему Галицко-Волынское княжество какое-то время не было обложено данью в пользу завоевателей, в нем не было монгольских наместников-баскаков. Поэтому в 1245 г., вскоре после Ярославской битвы, Батый велел своему наместнику в Юго-Западной Руси Мауци послать к Даниилу с требованием: «Дай Галич!» А дальше в летописи помещены красноречивые слова: «Бысть [Даниил] въ печали велици, зане не утвердиль бѣ землѣ своя города, и дума съ братомъ своимъ, поеха къ Батыеву рече: „Не дамъ полуотчины своя, но еду къ Батыеву самъ“». ⁶¹

Источник ясно засвидетельствовал намерения Даниила Романовича укрепить свою землю крепостями и замками для отпора ненасытному врагу. Многое уже было свершено. Был построен неприступный Холм, ⁶² который не смогли взять ни полчища Батыя, ни войско Бурундая в 1259 г.

Поездка Даниила в Сарай и встреча с Батыем завершилась благоприятно для него. Умелыми переговорами, ценой собственного унижения князь сохранил свою землю, не впустив в нее монгольских баскаков, и получил передышку для подготовки к вооруженной борьбе против Орды.

Сразу же после возвращения из Сарая Даниил принялся искать союзников. Вероятно, он понимал, что не западные соседи будут его опорой в действиях против монгольского войска. Ведь Венгрия, Польша и Литва были поглощены европейской политикой, их не волновала судьба русских земель, на которые они сами многократно посягали, они не платили тяжелой и унижительной дани монгольским ханам. Поэтому свои усилия

государь направляет на организацию союза русских княжеств и земель против монгольского владычества. Он обращает взор на Северо-Восточную Русь. Его северорусскую политику подержат верные люди его двора. Ведь после Ярославской победы и уничтожения многих враждебных ему галицких бояр первое место в его дворе вновь займут бояре волынские, верные его помощники с 20-х гг. XIII в.

На севере Руси события тогда развивались следующим образом. Осенью 1246 г. в Монголии умер владими́ро-суздальский князь Ярослав Всеволодич. Существуют основания думать, что его отравили монголы, ведь он добивался смягчения зависимости от них. Папский посол в Монголию Плано Карпини прямо пишет о том, что монгольская ханша Огуль-Гамыш, жена великого хана Гуюка, приказала убить Ярослава, чтобы было проще завладеть его землей.⁶³ После этого монгольская верхушка разжигает свары из-за престола Владимира-на-Клязьме между сыновьями Ярослава Ярославом, Александром, Андреем и Михаилом. Последний захватил отцовский стол в 1247 г., но уже в следующем году сложил голову в войне с Литовским княжеством. А в 1248 г. великокняжеский престол по решению великой ханши Монголии достался Андрею Ярославичу.⁶⁴

Это было вызвано разладом в монгольской верхушке. Ведь в 1248 г. умер великий хан (император западных источников) Гуюк и на престол взобралась его вдова Огуль-Гамыш (1248—1251 гг.). Она враждовала с Батыем, что отразилось на монгольской политике в отношении Руси. По велению ханши монголы назначили великим князем Руси младшего брата Александра Ярославича Андрея, Александр обиделся и принялся интриговать в Орде против брата.⁶⁵

Получив от верховного хана монголов «ярлык» (грамоту) на великое княжение, юный Андрей Ярославич повел себя независимо от Орды и самого Батыя. Он стремился освободить Русь от монгольского ига, прилагал к тому немалые усилия, но действовал временами неосмотрительно и прямолинейно. Уже в первый год недолгого сидения на великокняжеском престоле Владимира-на-Клязьме Андрей перестал посылать подарки хану, что обязательно делали его предшественники да и все

прочие русские князья. Непременные дани монгольским ханам в годы его княжения платились не полностью.⁶⁶

Стремление Андрея Ярославича освободиться от монгольской «кормыги» не могло не привлечь внимания Даниила Романовича и его советников. В неминуемой войне с завоевателями сильный владими́ро-суздальский князь мог быть наилучшим союзником. Назревала коалиция Южной и Серной Руси. По моему мнению, инициатива такого союза принадлежала более опытному и старшему по возрасту Даниилу. На это предположение наводит такой факт. В 1250 г. ближайший сподвижник Даниила митрополит Кирилл поехал с визитами сначала в Рязань, а затем во Владимир-на-Клязьме. Трудно сомневаться в том, что поездка стояла в прямой связи с последующим браком Андрея с дочерью Даниила. Лаврентьевская летопись сообщает, что зимой того года «ожени ся князь Ярославичъ Андрѣй Даниловною Романовича, и вѣнча и митрополить в Володимѣри... и много веселья бѣ». ⁶⁷

Цель подготовленного дворами обоих государей династического союза между Галицко-Волынским и Владимиро-Суздальским княжествами могла быть лишь одна: организация избавления от монгольского ига. Даже равнодушному к Андрею суздальскому летописцу пришлось признать, что гордый князь, когда вступал в вооруженный конфликт с Ордой, хотел лучше «со своими бояры [двором] бѣгати, нежели царям [ханам] служити. И побѣже на невѣдому землю со княгинею своею и с бояры своими». ⁶⁸

В предстоящей борьбе с монгольским владычеством у Андрея было мало шансов опереться на кого-нибудь из северорусских князей. Александр (Невский) враждебно относился к нему, оскорбленный тем, что младший брат будто бы отнял у него престол. Андрея поддерживал тверской князь Ярослав Ярославич, однако его помощи было явно недостаточно, ибо Тверь имела небольшое и слабое войско. Поэтому и для Андрея Дании́л был наилучшим и наиболее серьезным союзником против Орды. Дворы, дипломаты обеих сторон приняли активное участие в подготовке союзного договора.

Однако силы Руси перед войной оказались разъединенными и не готовыми к войне. Тем временем монгольские ха-

ны продолжали зорко следить за откровенными попытками Андрея Ярославича выйти из-под их тяжелой руки. Брак владими́ро-суздальского князя с дочерью Даниила стал для них грозным предостережением. В Сарае решили, что медлить больше нельзя, и послали против Андрея сильное войско под водительством одного из чингизидов Неврюя. В древнерусские летописи это событие вошло под характерным названием «Неврюева рать».

В 1252 г. полки Неврюя быстрым маршем пошли на княжество Андрея Ярославича. Он не покорился врагу и оказал сопротивление. Когда монголы, форсировав Клязьму, подошли к Переяславлю-Залесскому, их встретил Андрей с войском. Как сообщает северорусский летописец, произошла ожесточенная битва. Андрея поддержала лишь присланная тверским князем немногочисленная дружина. Нападение монголов было настолько неожиданным, что князь Андрей не успел сообщить о нем Даниилу Романовичу, поэтому помощь от Галицко-Волынского княжества опоздала. Вероятно, владими́ро-суздальский князь не имел времени собрать народное ополчение. В ожесточенной битве неисчислимая вражеская орда взяла верх. Тот же летописец рассказывает, что Андрей Ярославич бежал в «Свейскую землю», т. е. Швецию. Так выбыл из политической жизни Европы естественный и лучший союзник Даниила Галицкого в освободительной борьбе против иноземных поработителей.

В стремлении объединить Русь для отпора врагу Даниил не ограничился союзом с владими́ро-суздальским государем. К сожалению, эта сторона его деятельности мало отражена в Галицко-Волынской летописи, историкам приходится реконструировать ее по отрывочным, часто случайным упоминаниям различных русских и иноземных источников. Известно, что после «Батыева погрома» Даниил не оставил намерений распространить свою власть на Киев и Поднепровье. Зимой 1254—1255 гг. он обратился за помощью к литовскому князю Миндовгу, пообещав тому поддержку в подавлении оппозиции. Но широко задуманный поход в Поднепровье сорвался из-за несогласованности действий галицко-волыньских и литовских полков.⁶⁹

Направленная на создание антиордынского союза деятельность Даниила Романовича не могла не встревожить монголов. Источники неполно и суммарно сообщают о том, что начале 1250-х гг. он вступил в вооруженное противостояние с ордою монгольского воеводы Куремсы, кочевавшего на юге современной территории Украины. Существуют основания полагать, что начало конфликта с монголами относится к рубежу 40-х—50-х гг. XIII в., когда ханская ставка заметила усилия Даниила заключить военный союз с Андреем Ярославичем. Как бы там ни было, в начале 50-х гг. отношение Орды к Даниилу меняется. От недавнего доброжелательства не осталось и следа. Орда решает вооруженной рукой укротить Даниила Романовича.

Разработанный для Куремсы в ханской ставке стратегический план войны против Галицко-Волынского княжества, как следует из его действий, состоял из таких частей:

- 1) вторжение на наименее защищенное галицкое Понизье;
- 2) оттеснение войска Даниила на запад наступательными операциями на юге Волыни, дабы отрезать его от Киевской земли, и

- 3) оккупация Киевщины и лишь после этого переход в решительное наступление на Галицко-Волынскую Русь.⁷⁰

Сначала Куремса действовал в соответствии с этим планом. Он прорвал оборонительный рубеж княжества на Днестре и даже посадил своего баскака в главной крепости Понизья Бакоте. Однако старший сын Даниила Лев отбил у монголов Бакоту и захватил в плен баскака. Далее Куремса вторгся в Южную Волынь и опустошил окрестности крепости Кременец, но не смог взять ее. И вновь Лев Даниилович отогнал его. Куремса стремился перейти в контрнаступление, но, когда его конница появилась на Волыни, она была рассеяна войском Романовичей под Луцком. Монгольская орда была вынуждена вернуться в места своих кочевий на Юге, в так называемое «поле» (степь).⁷¹

Таким образом, в первой половине 50-х гг. XIII в. Даниил Романович успешно противостоял монгольскому войску, неоднократно нанося ему чувствительные поражения. Галицкий летописец с полным правом и гордостью отметил в своем сочинении: «Данило же дръжаше рать с Куремьсоу, и николи же

не бояся Куремсы, не бѣ бо могъ зла ему створити никогда же Куремса». ⁷²

Даниил Романович первым среди русских князей успешно воевал с монголами и побеждал их. Можно сказать, что он проложил путь будущим поколениям русских полководцев, научившихся биться с монголо-татарами и побеждать их. Имею в виду и Дмитрия Донского, и его сподвижника Дмитрия Боброка волынского, и Ивана III, которому удалось сбросить ненавистное монголо-татарское ярмо.

Так выглядит многогранная деятельность властных структур Руси в XIII в. в мерцающем, часто неверном и противоречивом свете источников, жемчужиной среди которых мне представляется Галицко-Волынская летопись.

Глава 6

СТРАНСТВУЮЩИЕ КНЯЖЕСКИЕ ДВОРЫ

Итак, двор государя был сердцем средневекового государства. И Русь не была исключением из этого правила. Возникновение и развитие древнерусской государственности вызвали к жизни складывание вначале примитивного аппарата управления. Со временем из кучки княжеских дружинников и ближних бояр образуется двор как структура государственного руководства. Многие годы двор не был достаточно организованным, а должностные лица не имели строго определенных должностей и четких функций. Это в полной мере относится к Галицкому княжеству, оформившемуся сравнительно поздно, в середине—второй половине XII в.

Историки западноевропейского Средневековья уже много лет пишут о том, что государев двор далеко не всегда находился на одном и том же месте. Это особенно характерно было для держав, пребывавших в процессе формирования. Так бывало вовсе не потому, что монарх осуществлял заранее запланированные и рассчитанные на годы поездки по стране. Ведь в своем мало интегрированном экономически и культурно разьединенном государстве, не имевшем действенного аппарата управления, ему приходилось пребывать там и тогда, где и когда его власти что-то угрожало. К тому же, как согласно отмечают медиевисты, сидевшему на одном месте государю было бы просто трудно прокормить свой многочисленный двор, дружину, сановников и чиновников, министерялов, друзей и множество людей, постоянно находившихся рядом с ним. Наконец, путе-

шествия по стране удовлетворяли потребности монархов в развлечениях и посещениях монастырей и храмов, разбросанных по всей стране. Мобильность двора государя была присуща едва ли не всем средневековым странам Европы. Следовательно, двор монарха часто бывал странствующим.

Мобильные княжеские дворы существовали и на Руси. Будучи тесно связанным с князем (и им же созданным), двор перемещался вместе с ним в случае его перехода на другой стол или во время бегства из города под давлением обстоятельств. Это было особенно характерным для Новгорода, где князя изгоняло вече. Он уезжал вместе со своим двором и точно так же вместе с двором возвращался на стол.¹

Характерными примерами дворов, кочевавших вместе с государем, могут служить органы управления основателя Галицкого княжества Володимерка (Владимира) Володаревича (1141—1152) и Даниила Романовича, волынского и галицкого монарха (1219—1264). Причинами мобильности того или иного двора были слабость государственной власти и аморфность командной структуры, противоречивость и протяженность во времени складывания Галицкого княжества Володимерка и Галицко-Волынского Романа Мстиславича и его сыновей Даниила и Василька.

И Волынская, и в особенности Галицкая земли сформировались достаточно поздно по меркам Южной Руси. Во времена существования относительно объединенной и централизованной Древнерусской монархии (конец X—первая треть XII в.) обе земли находились на периферии политической жизни страны. Волынь во времена ее генезиса (середина—вторая половина XI в.) начала постепенно превращаться в домен великих князей киевских, которым она окончательно стала в годы удельной раздробленности, когда ею завладели потомки Мстислава Великого: его сын Изяслав, внук Мстислав и правнук Роман. А в Галицкой земле политическая жизнь началась в конце XI в., когда на ее будущей государственной территории образовались Перемышльское, Теремовское и Звенигородское княжества.

Позднее и недостаточно контролируемое властью складывание Галицкой земли началось во второй половине XI в. «Горная страна Перемышльская» известна из летописи с 80-х гг. этого

столетия. Она оказалась древнейшим политико-территориальным образованием на пространстве будущей Галицко-Волынской Руси. «Повесть временных лет» отмечает, что в 1086 г. в Перемышле существовал княжеский стол, который занимал старший среди Ростиславичей Рюрик. В том году какой-то Нерядец, преступно убивший волынского князя Ярополка Изяславича, «бѣжа... Перемышлю к Рюрикови».² Из летописи известно, что Рюрик находился в оппозиции к Киеву, поэтому, вероятно, и спрятал у себя убийцу сына недавнего киевского государя Изяслава Ярославича.

Когда в 1092 г. Рюрик умер, его княжеское место перешло к следующему по возрасту брату Володарю. В решении Любечского съезда князей 1097 г. сказано: «Каждо да держить отчину свою... А имъ же роздаяль Всеволод [Ярославич] города: Давиду [Игоревичу] Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василкови».³ В Любече русские князья признали Перемышль и Теревовль наследственным владением Ростиславичей.

Можно согласиться с мнением М. С. Грушевского, что Ярослав Мудрый в конце жизни мог отдать своему старшему внуку Ростиславу западные волости Южной Руси — позднейшую Галицкую землю.⁴ В течение 80-х—90-х гг. XI в. Ростиславичи в ней утвердились. В решении съезда в Любече отмечено существование лишь двух княжеств в юго-западном регионе Руси: Перемышльского и Теревовльского. Между тем в те годы там существовало еще одно княжество, Звенигородское. О нем мы узнаем из позднейших свидетельств источников. В Звенигороде сидел средний брат Ростиславич Володарь (Владимир).

Древнейшим среди названных летописью западнорусских городов был Перемышль. По археологическим источникам он возник в середине — второй половине XI в.⁵ Изучив первое упоминание о городе в «Повести временных лет»,⁶ историки предположили, что уже тогда он был центром особой волости.⁷ Для темы нашего рассказа Перемышль представляется важным городом потому, что вокруг него в начале XII в. началось складывание территории будущего Галицкого княжества.

Ведущую роль Перемышля в новом государственном образовании признавали в феодальном обществе XII в., его про-

должали традиционно считать главным столом княжества, притом что стольным градом с 1141 г. стал все же Галич. Воспользовавшись этим всеобщим убеждением, Ярослав Владимирович перед кончиной осенью 1187 г. отдал стол в Галиче внебрачному сыну Олегу, формально не нарушив традицию: ведь Перемышль получил старший сын, нелюбимый отцом Владимир.⁸ Но галицкие бояре свергли Олега со стола и посадили Владимира, напрасно, как скоро выяснилось, надеясь на его покорность.

Историки неоднократно писали о выгодном географическом положении Перемышля, возле которого проходил древний торговый путь из германского города Регенсбурга через Прагу и Киев на Русь.⁹ Но иным было его социально-политическое положение: в процессе складывания Галицкого княжества город оказался на юго-западных рубежах области его формирования, из-за чего Ростиславичи предпочли ему новый городской центр Галич, расположенный в центральной части нового государственного образования.

При всей скудости известий источников XI—XII вв. летописцы все же в общих чертах отразили сложные и противоречивые процессы и явления складывания тамошних земельных образований. Основное внимание «Повесть временных лет» уделила Перемышлю. Теребовль до сих пор остается почти неисследованным. Не обнаружено даже остатков его детинца. Существуют некоторые основания предположить, что первые фортификации Теребовля были возведены на Замковой горе (там выявлен культурный слой древнерусского времени), но полностью снесены при строительстве позднесредневековой крепости.¹⁰ Летопись дает основания думать, что княжеский стол в Теребовле не имел самостоятельного значения, он находился в общем управлении братьев Ростиславичей. Сначала Теребовль подчинялся Перемышлю, а затем, когда возник Галич, этому стольному граду новообразованного княжества.

О второстепенном положении Теребовля во владениях Ростиславичей указывают слова Владимира Мономаха и Святополка Изяславича (они вместе тогда правили на Руси), обращенные к Володарю Ростиславичу после Витичевского княжеского съезда 1100 г.: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама

едина власть [волость] Перемышль». Эти безжалостные слова (ведь несчастного Василька дуумвиры решились лишить еще и Теребовльского княжества) были, вероятно, своеобразной реакцией на ослепление его Давидом Игоревичем при их согласии. Вместо того чтобы наказать Давида, стремившегося отнять княжество у Василька, Мономах со Святополком пошли у того на поводу. И «не послуша сего Володарь, ни Василко».¹¹

После кончины Василька Ростиславича (1124 г.) Теребовль пришел в упадок, ему не нашлось места на политической карте Галицкого княжества эпохи раздробленности. Не было у него перспектив и как у социально-экономического центра. Зато в недрах древних волостей Перемышльской и Теребовльской вызрели и сложились новые социально-земельные структуры, выражением чего стало неожиданное выдвижение на первый план исторической сцены новых городов — Звенигорода и чуть позже Галича. Будущее Галицкое княжество возникло вследствие объединения трех волостей галицких Ростиславичей: Перемышльской, Теребовльской и Звенигородской, а также благодаря освоению новых земель на западе и юге.

Завещав перед смертью в 1124 г. стольный град Перемышль старшему сыну Ростиславу, Володарь выделил особый стол младшему Володимерку (Владимиру) в Звенигороде, создав тем самым Звенигородское удельное княжество. Впервые Звенигород выступает в летописи под 1086 г. Нарушитель спокойствия Русской земли Ярополк Изяславич, который не пожелал удовлетвориться захолустным тогда Владимиром-Волинским, «пересѣдев мало дний, иде Звенигороду».¹²

Социально-политическая история Звенигорода конца XI—первого сорокалетия XII в. не отражена в древнерусских источниках. Из «Истории» Яна Длугоша известно, что после смерти Рюрика Ростиславича (1092 г.) в Перемышле сел его младший брат Володарь. Он разделил свою волость между сыновьями. Старшему Ростиславу завещал Перемышль, а младшему Володимерку достался Звенигород,¹³ тогда небольшой провинциальный городок. По мнению археологов, детинец Звенигорода возведен во второй половине XI в. и тогда же возник его посад. К 40-м гг. XII в. Звенигород разросся и обзавелся небольшим окольным градом.

Отдав Перемышль с волостью Ростиславу, Володарь решил выделить стол Звенигорода младшему сыну Володимерку, вероятно, с тем, чтобы тот не посягал на владения старшего брата. В то время в Перемышльском княжестве существовали и другие уделы: Теробовльский и Галицкий. Таким образом, на земле будущего Галицкого княжества одновременно находилось несколько очагов социально-экономической и политической концентрации, а это не способствовало его централизации в процессе развития.

Энергичный и неразборчивый в средствах Володимерко (таким его рисует киевский летописец) не удовлетворился скромным звенигородским столом. Он попытался отнять у Ростислава Перемышль, но неудачно. По свидетельству Длугоша, это произошло в 1127 г. В. Н. Татищев относит события к 1126 г. Последняя дата выглядит более вероятной потому, как российский историк справедливо заметил: братья боялись гнева киевского князя Владимира Мономаха и остерегались начинать войну при его жизни. Смерть этого «самовластьца земли Руской» 19 мая 1125 г. предоставила Володимерку благоприятную возможность напасть на брата.

Длугош и Татищев согласно сообщают, что тогда Ростислава поддерживали сын и преемник Мономаха на киевском столе Мстислав и сыновья Василька Григорий (Ростислав) и Иван (Игорь). Володимерко же обратился за помощью к уграм. Это дает основания считать его зачинщиком ссоры, следовательно, на Руси позицию Ростислава считали справедливой. Точно так же польский и российский историки (время их жизни и творчества разделены тремя столетиями) почти в одинаковых выражениях рассказывают о тщетных попытках Мстислава помирить братьев, о бегстве Володимерка с семьей в Венгрию и о неудачной осаде Звенигорода войском Ростислава.¹⁴

В те годы Григорий и Иван Васильевичи мирно княжили в отцовском домене, Теробовльской волости. Вероятно, Григорий был старшим, поскольку сидел на отцовском столе в Теробовле. Ивану (Игорю) же достался, можно думать, новый стол в Галиче. Вначале Галич был скромным в социально-экономическом плане городком, скорее всего, княжеским замком, практически лишенным посада. Неслучайно до начала 40-х гг. XII в.

о нем не упоминают летописи, прежде всего Киевская, уделявшая немалое внимание западнорусскому региону.

Галич находился в центре будущей земли, пребывавшей в процессе формирования, он стоял на большой судоходной реке Днестр и на сухопутном торговом пути, связывавшем Русь с Западом.¹⁵ Город рос и развивался быстрыми темпами и отеснил на второй план затерянный в горах Перемышль, стоявший далеко от ядра новой Галицкой земли и так и не превратившийся в значительный феодальный город.

Война 1126 г. между Ростиславом и Володимерком Володаревичами за Перемышль завершилась безрезультатно, как можно понять из скудных свидетельств источников. Летописцы вплоть до 1140 г. ничего не знают о событиях в Перемышльском княжестве, в Теребовльской и Звенигородской волостях. Вероятно, Ростислав продолжал княжить в Перемышле до конца жизни, установить дату его смерти не представляется возможным. Предложенный Н. Г. Бережковым год ее — 1128-й¹⁶ — можно принять разве что условно.

После смерти Ростислава Володимерко перебрался в Перемышль. Вероятно, это произошло в конце 1120-х гг. Так начал странствия его двор. О вокняжении Володимерка в Перемышле постфактум свидетельствует известие Киевской летописи под 1144 г. о пребывании на звенигородском столе его племянника Ивана Ростиславича.¹⁷ Согласно суровым законам феодальной иерархии, освобождавшийся после кончины князя стол замещался следующим по возрасту братом, но не сыном, как это вошло в практику межкняжеских отношений с середины XII в. Однако сыну умершего все же принадлежала какая-то часть его наследства. Этой частью и мог быть Звенигород с волостью.

В промежутке времени между 1126 и 1140 гг. умер старший сын Василька Ростиславича Григорий. Когда в 1140 г. киевский князь Всеволод Ольгович двинулся на Волынь, он «Ивана Васильковича и Володаревича из Галича Володимерка на Вячеслава и на Изяслава Мстиславича посла».¹⁸ Но не стоит буквально верить этому сообщению, ведь в Галиче тогда княжил еще Иван Василькович, что следует из записи того же Киевского извода следующего, 1142-го, года: «Сего же лѣта преставися у Га-

личи Василковичъ Иванъ, и прия волость его Володимерко Володаревичъ, сѣде во обою волостью княжа в Галичи».¹⁹

С того времени Володимерко Володаревич завладел и Тербовльской и Галицкой волостями. В его руках оказалась почти вся территория формировавшейся Галицкой земли — от Карпатских гор на западе до реки Стири на востоке, от верховьев реки Сана на севере до среднего течения Днестра на юге. Одиноким островком в море владений Володимерка оставалось удельное княжество его племянника Ивана Ростиславича. Конфликт между могущественным сюзереном и слабым, но непокорным вассалом (каким рисует его летописец) был неминуемым.

Таким образом, в течение десяти с небольшим лет Володимерко Володаревич правил в трех разных городах: захолустном Звенигороде, древнем Перемышле и юном, только что рожденном Галиче. Логично предположить, что первый двор Володимерка был организован им еще в Звенигороде и, будучи неразрывно связанным с князем и зависимым во всем от него, в дальнейшем переезжал вместе с ним в Перемышль и затем в Галич. Эти странствия двора Володимерка как будто ускоряли формирование княжества. Но в то же время они препятствовали сплочению его территории вокруг единого стольного града.

Киевская летопись, единственная, содержащая достоверный рассказ о Володимерке, позволяет считать, что двор сопровождал князя всегда, даже во время его бегства из города. Но эти слова относятся лишь к той части двора, которая была ему предана. Существовала еще и другая часть придворных, не желавших служить коварному и изменчивому государю, каким его характеризует наш источник.

Зримый образ Володимерка просматривается в отчете посла киевского князя Изяслава Мстиславича, составленном им после возвращения из Галича в конце 1153 г. Этот подробный отчет вписан в Киевский свод и принадлежит к наиболее ярким его страницам. Посол Изяслава Петр Бориславич от имени своего господина требует от галицкого князя вернуть киевские города на пограничье, захваченные Володимерком при помощи Юрия Долгорукого. Галицкий монарх в грубой форме отказал послу и посмеялся над ним. Летописец открывает некоторые подробности посольского этикета XII в., детали приема посла князем.

Из летописного рассказа можно сделать вывод, что дворец галицкого князя был по меньшей мере двухэтажным, второй (или верхний) этаж был окружен балконом, а переход на втором этаже вел из дворца в часовню (или церковь).²⁰

Более выразительно просматриваются странствия двора Романовичей в Галицко-Волынском своде. С начала создания Галицко-Волынского княжества Романом Мстиславичем в 1199 г. оно за годы его недолгого княжения до лета 1205 г. так и не успело сделаться единым и консолидированным государственным организмом. Слишком разными оказались две его главные части: Галицкое княжество Ростиславичей и Волынское Мстиславичей. Сам Роман, обосновавшись в Галиче, не поладил с местным боярством (которое само призвало его на стол в 1188 г., когда не ужилося с сыном Ярослава Владимиром), решительно противившимся его централизаторским мерам и ограничению боярского своеволия. Многие бояре лишились головы, о чем сообщает польский современник Кадлубек,²¹ какой-то части удалось бежать в Венгрию и на Дунайское Понизье, о чем узнаем из лаконичного упоминания в Галицко-Волынском своде. Летописец уверяет, что причиной изгнания Владислава Кормильича, главы боярской оппозиции Роману в Галиче, была попытка заменить Романа на престоле одним из сыновей черниговского князя Игоря Святославича,²² героя «Слова о полку Игореве».

Соперничество и вражда между князем и галицким боярством оказались настолько сильными и явными, что летописец сразу же после панегирика погибшему Роману записал: «Велику мятежу вставшу в земле Руской, оставившима же ся двѣма сынома его, единъ 4 лѣта, а другой двѣ лѣтъъ».²³ В этом кратком и эмоциональном предложении ясно отражено общественно-политическое положение в Галицко-Волынском княжестве, сложившееся после смерти Романа. Он оставил вдову с двумя маленькими сыновьями, еще неспособными руководить княжеством. И это сразу же открыло путь мятежу бояр в государстве, поскольку не стало сильной руки.

Как упоминалось, великое княжество Романовичей сложилось на фундаменте двух земель-княжеств, Волынской и Галицкой. В годы боярской фронды и раздробленности Галиц-

ко-Волынской Руси Даниил и Василько многократно занимали и теряли столы Владимира и Галича. Эти стольные города оставались ими и во время существования объединенного Галицко-Волынского княжества (1245—1264 гг.). В основном формальное деление его на Галицкую и Волынскую части не привело к разделению княжества, ведь братья жили и действовали в полном согласии и гармонии своих действий и помыслов. И все же своеобразная «двуглавость» Галицко-Волынского княжества сохранялась и в годы жизни братьев Романовичей, и даже после их кончины. Но в 60-х гг. XIII в. это стало уже следствием нового дробления ранее единого государства на уделы в Галицкой и Волынской землях, на этот раз дробления окончательного.

И в недолгие годы единства Галицко-Волынского княжества (1199—1205, 1245—1264) в летописи ясно просматриваются оба его стольных града — Владимир и Галич. Даже в годы наивысшего могущества Романовичей, наступившие после 1245 г., когда была окончательно побеждена боярская оппозиция и устранен претендент на галицкий стол Ростислав Михайлович, не приходится говорить об общем стольном граде. Напротив того, вскоре после «Батыева погрома» Даниил Романович перебирается в новый, незадолго перед тем основанный город-крепость Холм на северо-западном рубеже Волынской земли и делает его новой столицей княжества. Он останется в Холме до последних дней жизни. Поэтому не приходится говорить о едином стольном граде Галицко-Волынского великого княжества для всего XIII в.

Само понятие столицы для древнерусского времени, безусловно, представляется условным и относительным, подобно тому, как относительными и незавершенными оказались процессы образования государственности на Руси. А. В. Назаренко в небольшой статье с эпатажным названием «Была ли столица в Древней Руси?» стремится доказать, что Киев (а лишь он мог бы претендовать на этот статус) никак не может ею считаться. По его мнению, на Руси долгое время не существовало развитого сеньората. Киев, пишет он, не был единым стольным градом на Руси, и только во второй половине XI в. сеньорат лег уже на развитой столичный идейный комплекс, успевший сформиро-

ваться при Владимире и Ярославе. А это, в свою очередь, способствовало оформлению идеи старшинства Киева и ее практической реализации в сложных условиях 1160-х гг.

Думаю, однако, что с самого начала своего существования Киев воспринимался не только восточными славянами, но и европейским общественным мнением как безусловная и единственная столица Древнерусского государства. И вряд ли сеньорат играл тут значительную роль, если он, по утверждению того же Назаренко, утвердился на Руси во второй половине XI в. (думаю, лет на сорок раньше, но это уже детали).

Киев признавался в древнерусском феодальном обществе сердцевиной и главным символом государственности, культурной, идеологической и политической жизни народа. Вспомним знаменитые слова Олега, сказанные им после вокняжения в Киеве: «Се буди мати градомъ руськимъ». Как писал в комментарии к этому тексту Д. С. Лихачев, слова Олега имеют важный смысл. Он объявляет Киев столицей Руси. Именно с этим и связано следующее предложение: «И бѣша у него варяги и словѣни и прочии (в Новгородской первой летописи: «И оттоле (т. е. с момента объявления Киева столицей Руси) прозвашася Русью»». ²⁴

Лучше всего отвечает на поставленный в названии статьи А. В. Назаренко вопрос Никоновская летопись под 1155 г., до наступления «сложных условий 1160-х годов». Сначала в летописной статье того года сказано, что киевляне молят Изяслава Давидовича прийти к ним княжить, потому что половцы, видя «нестроение их», «славу и честь всей земли Руской главу Киевъ возмутъ». А когда Изяславу под давлением Долгорукого пришлось покинуть киевский стол, он этого не пожелал, и летописец объяснил его решение тем, что князь «зане возлюбилъ зѣло великое княжение Киевское», воскликнув при этом: «И кто убо не возлюбитъ Киевскаго княжения, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всемъ землямъ Рускимъ Киевъ, и отъ всѣхъ далнихъ многихъ царствъ стицахуся всякие челоувѣци и купци, и всякихъ благихъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ?!» ²⁵

В этих прочувствованных словах обоснована ведущая роль Киева в государстве и объяснена прежде всего идейными и моральными соображениями: ведь в этом городе собраны честь и

слава, величие Руси, он глава всем русским землям, за ним стоит традиция и общественная память, поэтому сравниться с ним ничто не может. Нельзя обойти молчанием и былины, в которых Киев всегда и безусловно выступает стольным градом Руси. Конечно, былины не летописи, однако отражают народное мнение, в том числе и мнение господствующей верхушки. При всем этом ни летописцы, ни сказители былин не имели представления о сеньорате...

Подобного Киеву города-столицы не было и не могло быть в Галицко-Волынском княжестве. Ни древний, пришедший в упадок Перемышль, ни новый, но уже разодранный боярскими сварами Галич не были в состоянии претендовать на исключительную, главенствующую роль в этом государственном образовании. И если Древнерусское государство всегда имело свою столицу, то Галицко-Волынское княжество не имело ее никогда!

После гибели Романа Мстиславича в Польше в июне 1205 г. его сменила на престоле супруга, княгиня Анна, в качестве регента при малолетних сыновьях Данииле и Васильке. Ее права на власть были подтверждены венгерским королем Андреем (Андрашом) и малопольским (краковским) князем Лешеком. Анна опиралась на часть верного Роману волынского боярства, которое в составе его двора перебралось в 1199 г. или немного позднее из Владимира в Галич. Но галицкие бояре, влившиеся в его двор, сразу же заняли враждебную позицию к княгине и ее сыновьям. Галицкие боярские олигархи, составлявшие часть двора Романа, а затем его сыновей, всегда стремились свергнуть их с престола княжества.²⁶ Поэтому княжеский двор в трудные для семейства Романа времена оказался разобщенным и частично враждебным его семье.

Вдова Романа Мстиславича Анна была вынуждена перебраться из враждебного ей и ее сыновьям Галича в «отчину» мужа, во Владимир-Волынский: «Княгиня же Романова, вземши дѣти своя, бежа въ Володимерь».²⁷ Ее поступок был вынужденным: в Галиче и Звенигороде уже сидели приглашенные боярами черниговские Игоревичи Владимир и Роман. Но и в стольном граде мужа Анна чувствовала себя неуверенно и тревожно. Вскоре она отважилась бежать в Польшу, к родне

Романа. Из сообщения галицкого книжника известно, что ее сопровождал ближний боярин мужа Мирослав.²⁸ Так началась грустная одиссея скитаний маленьких Романовичей и их матери чужими мирами. В этих скитаниях продолжал формироваться их двор.

Длительное время со второй половины 1205 г. основу двора будут составлять волынские бояре, чины, служащие и министериалы Романа Мстиславича. Они шли за своими маленькими господами всюду, куда их бросала судьба в образе боярской фронды. В 1211 г. венгерский король, при чьем дворе жил тогда Даниил, решил поспособствовать его возвращению на галицкий стол. Василько с матерью находился на Волыни. Вокруг них собрался волынский двор Романа Мстиславича. Когда Даниил приближался к Галичу, он получил помощь от брата: «Василку же княжашю в Белзѣ: придоша же отъ него Великий Вячеславъ Толъстый, и Мирославъ, Демьянъ и Воротиславъ, и инии бояре мнози, вои отъ Белза».²⁹

Двор Романовичей долгое время оставался странствующим, переходя вслед за своими князьями из Галича во Владимир, из Владимира в другие большие и малые города и городки Волынской земли. Первое решительное перемещение двора Романовичей (Даниил и Василько всегда действовали вместе, даже когда у каждого формально имелся свой стол) состоялось в 1209 г., когда Василько с матерью вернулись из Кракова, где их приютил князь Лешек. Тогда верхушка богатого волынского города Берестья обратилась к Лешеку с просьбой прислать к ним княжить пятилетнего Василька.³⁰ Лешек удовлетворил их просьбу:³¹ «Они же [берестьяне] с великою радостию стрѣгоша и яко великаго Романа жива видяще».³²

Но стольный Владимир, «отчина» Романовичей, был тогда захвачен их двоюродным братом Александром Всеволодичем. Княгиня Анна обратилась к Лешеку с жалобой на Александра, претендуя на Владимир. Тогда краковский князь на время отдал Васильку город Белз, центр небольшого удельного княжества на Волыни. Но вскоре после того при помощи того же Лешека Александр выгнал Анну с Васильком из Белза и дал им взамен сначала город Камень с волостью, а затем два совсем маленьких городка на юге Волынской земли: «Данило и Ва-

силко, Лестковою помощью, приаста Тихомль и Перемиль отъ Александра, и княжаста съ матерью своею в немъ, а на Володимеръ зряща: «Се ли ово ли, Вълодимеръ будетъ наю». ³³ Их надеждам суждено было сбыться.

В те годы, когда Даниил и Василько примутся возвращать себе «отчину» Романа Мстиславича, утвердившись сначала во Владимире-Волынском, а затем и в Галиче, двор, как и прежде, будет сопровождать их. Когда их двоюродный брат Александр Всеволодич выгонит маленького Василька вместе с матерью из Белза, то «бояре вси не изневъришася, но идоша вси съ княземъ Василкомъ в Каменець». ³⁴ Эти бояре и были волынским двором Романовичей. Но вряд ли можно допускать, что их двор того времени являл собой стойкую и постоянную структуру. В условиях почти непрерывных военных действий в стране этого было трудно достичь.

Положение изменилось с того времени, когда краковский князь поспособствовал возвращению Даниила и Василька в стольный град Волыни: «Лестко же посади Романовича в Володимери». ³⁵ Это произошло в 1214 или в 1215 г. ³⁶ Краткое упоминание в летописи об этом событии оставляет впечатление, что повествователь не увидел в нем факта окончательного утверждения братьев на Волыни. И все же с того времени они уже не выпускали из рук Владимир-Волынский. Тогда двор Романовичей, как и раньше, состоял в основном из волынских бояр, чиновников и министерялов.

Когда в 1219 г. в Галиче вокняжился Мстислав Мстиславич Удатный, Даниил решил вступить с ним в династический союз, женившись на его дочери. Старший Романович рассчитывал на помощь тестя в деле отвоевания северо-западной Волыни у Польши, но Мстислав отказался помочь, сославшись на предыдущее союзное соглашение с краковским князем. ³⁷ После этого отношения между Даниилом и Мстиславом испортились и оставались недоброжелательными вплоть до кончины последнего в 1228 г. Далее Романовичи начали активные действия за возвращение себе галицкой «отчины». В течение 1228—1238 гг. Даниил то садился на шаткий галицкий стол, то бояре вынуждали его оставлять Галич. Двор Даниила постоянно перемещался вместе со своим государем.

И все же дело шло к окончательному утверждению Даниила Романовича в Галиче. Весной 1230 г. «галичане», т. е. бюргерство, городские верхи, прислали к Даниилу человека с призывом: «Судиславъ шель есть в Понизье, а королевичъ в Галиче осталъ, а пойдѣ борже!»³⁸ Летопись лаконично и точно описывает социально-политическое положение в Галиче: «царствовалъ» посаженный провенгерской партией бояр венгерский же королевич Андрей, но на деле все дела вершил глава этой партии боярин Судислав. Даниил послал воинов против Судислава и нейтрализовал его, а сам во главе конного отряда своего двора («в малѣ дружинѣ») бросился в Галич. После недолгой осады бояре, будто ничего не произошло, переметнулись на сторону победителя и... влились в состав его двора: «И прииде же Демьянъ³⁹ съ всѣми бояры галицкими», униженно молившими государя о прощении.⁴⁰

Но минет еще восемь нескончаемых для Романовичей лет, прежде чем они утвердятся в Галиче. Не последнюю роль в этом сыграет то обстоятельство, что их двор не был единым и в социальном плане и в достижении политической цели. В сравнении с дворами других князей того времени особенно сильно странствующего двора Даниила Романовича был его противоречивый и пестрый состав, потому что в нем одновременно пребывали и действовали и волынские, и галицкие бояре. Галицкие руководствовались исключительно своими интересами и поэтому изменяли князю, как только возникала возможность, они то оставляли двор, то возвращались к нему. Приведенная выше история вступления Даниила в Галич в 1230 г. подтверждает это.

Двор Романовичей и его члены упоминаются в Галицко-Волынской летописи почти исключительно в военных, боевых эпизодах. Это отражает реалии того времени. Дворские, тысяцкие и воеводы были главными должностными лицами княжеского двора. Обычно Романовичи поручали им значительные контингенты своего войска, они принимали участие в стычках с боярскими отрядами и в войнах с соседями. Вокруг же князей стоял сам двор, который, по свидетельству источников, составлял немалую войсковую силу и мог решать в пользу князя локальные конфликты с боярами и соседями. Войсковым под-

разделением двора, «малой дружиной» летописи,⁴¹ командовали также люди двора. В ряде случаев «малую дружину» возглавлял сам князь Даниил Романович. В 1230 г. он внезапно напал на предводителя боярской оппозиции — галицкого боярина Судислава. Дабы достичь эффекта неожиданности и быстроты, князь использовал своих дворян. Как свидетельствует летописец, он «иде въ малѣ дружинѣ къ Галичю». Застигнутый врасплох боярин не осмелился оказать сопротивление небольшому, вероятно, княжескому отряду и бежал прочь.⁴²

Люди двора, дворяне, выступают в нашем источнике в описании яркого эпизода острого противостояния Даниила Романовича с галицкими боярами в 1231 г. Тогда старший брат Романович занимал галицкий престол: «Самому же Данилу съзвашю вѣче, оставшюся въ 18 отрок вѣрныхъ, и с Демяномъ тысяцким своимъ». Государь призывает горожан Галича поддержать его против врагов, и они уверяют его в преданности. А соцкий Микула провозглашает крылатые слова: «Господине! Не погнетши пчель, меду не ясти!» Так образно младший служащий двора посоветовал князю безжалостно и решительно расправиться с враждебными ему боярами. В этом эпизоде выступает какая-то часть «малой дружины», которую в то время, вероятно, возглавлял тысяцкий. Совет же князю дает сотник этой дружины.

Лишь в 1238 г. Романовичи овладевают Галичем и Галицким княжеством, наверное, надеясь на то, что их власть окажется длительной и, быть может, окончательной. Тогда в Галиче сидела боярская марионетка, во всем покорный боярам черниговский княжич Ростислав Михайлович. Даниил удерживал стратегическую инициативу и теснил Ростислава и бояр. Ростислав решил уйти из Галича и поехать в Литву, вероятно, просить помощи против Романовичей. Узнав об этом, Даниил спешно вышел из Холма, недавно возведенного на северо-западе Волыни, и приблизился к Галичу. Летописец эмоционально и взволнованно-торжественно описывает встречу, устроенную Романовичу горожанами. В ответ на его обращение к ним «они же вѣскликнувшє рѣша яко: „Се єсть дръжатель нашъ, Богом данный» ... и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчєлы к матцѣ»,⁴³ после чего Даниил торжественно взошел на престол.

Только со времени завладения князем галицким столом (да и то, как вскоре выяснилось, еще не окончательным) в 1238 г. можно утверждать о поддержке княжеским двором его действий в областях внутренней и внешней политики. Близкое окружение Даниила, сердцевину его двора, как было уже сказано, с начала его политической деятельности составляли волынские бояре и дружинники. Они помогали подавлению боярской оппозиции в Галицкой земле, защищали страну от польских, венгерских и литовских князей, реорганизовали войско, укрепляли города и крепости, налаживали пришедшее в упадок хозяйство. Восстановление в 1245 г. Галицко-Волынского княжества Романа Мстиславича во многом было делом их рук. От двора требовались новые идеи, инициативы и усилия. Галицко-Волынский свод свидетельствует, что княжеский двор выполнял возложенные на него задания.

Но даже тогда, в годы наивысшего могущества Даниила Романовича (1245—1264), трудно говорить о едином консолидирующем очаге власти в его державе. Нашествие монголов вынудило князя искать для своего двора более надежное место, чем разоренный врагом и кое-как восстановленный Галич. Даниил перебирается вместе с двором в неприступный Холм, стоявший на северо-западе Волынской земли. Возведенный в 1236—1238 гг. по последнему слову европейской оборонительной архитектуры, с мощными каменными стенами и высокой башней-донжоном,⁴⁴ Холм не покорился Батыю весной 1241 г. и гордо отверг требование Бурундая разрушить укрепления в 1258 г.⁴⁵ Из Холма Даниил отражал наскоки литовцев и ятвягов, вторгался в их земли.

Вскоре после кончины Даниила Романовича в Холме в 1264 г. восстановленное его тяжким трудом Галицко-Волынское княжество распалось на части. Формально великим князем считался его брат Василько, но в действительности главы государства не стало, как и самого государства. Василько фактически владел частью Волыни со стольным городом Владимиром. Из-под его руки вышли города и волости Западной Волыни, а Луцк с Восточной Волынью унаследовал Шварн Данилович. Самым богатым среди Романовичей оказался старший Данилович Лев. Он владел Галичем, Галицкой и Перемышльской землями.

Это было установлено по летописным известиям Грушевским и Пашуто. Впрочем, И. П. Крипьякевич несколько иначе представлял себе распределение земель Галицко-Волынской Руси после кончины Даниила. Василько Романович имел Владимир и Берестье, а среди сыновей Даниила Лев получил Галич, Перемышль и Белз (?), Мстислав — Луцк, Шварн — Холм с Дорогичином.⁴⁶ Все же летопись дает больше оснований принять мнение Грушевского и Пашуто.

Расхождение взглядов ученых в этом вопросе свидетельствует, кроме прочего, и об ограниченности возможностей нашей летописи. Все же Галицко-Волынский свод, точно так же, как и его предшественник, Киевский свод, позволяет в самом общем виде восстановить образ странствующего княжеского двора Галицко-Волынской Руси в XII—XIII вв.

Глава 7

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ НА РУСИ XII—XIII вв.

В Средневековье, особенно раннем, государство по самой своей сути было властью государя. Знаменитое выражение «короля-солнца» Людовика XIV «Государство — это я!» полностью соответствовало общественным реалиям, и не только Франции XVII—начала XVIII в., но и Руси XII—XIII вв. Ведь русский великий князь олицетворял власть и государственность, а его окружение (двор с разветвленной системой функций и поручений придворным и военным чинам) и составляло государственный аппарат. Сперва, в X—первой половине XII в., он был примитивным, но с течением времени все больше совершенствовался. Как писал А. Е. Пресняков, в XII—XIII вв. князьям пришлось развернуть силы двора, чтобы организовать управление. Дружинники держат города как посадники, возглавляют воеводства, держат тысячи в стольных и вообще крупных городах. Как в каждой развивающейся административной системе это придает их положению определенную самостоятельность, дающую им относительные власть и влияние.¹

Таким образом, людей, составлявших аппарат княжеского двора, и должностных лиц и министералов, можно считать государственными служащими. А сам двор и был главной структурой княжеской службы. Поначалу эти люди не имели четких, закрепленных за ними функций, но постепенно, начиная со второй половины XII в., источники упоминают служа-

щих, чинов двора, имевших определенные обязанности, пусть даже на время. Особенно богатый материал дают историкам Галицко-Волынская летопись XIII в. и Новгородские летописи конца XII—XIII вв., и это позволяет создать общую характеристику корпуса государственных служащих Руси того времени. Далее речь идет о главных должностных лицах, чинах двора великих князей Киева и Галича.

Дворский

Дворский возглавлял княжеский двор, был начальником его воинского контингента. Вместе с тем, на дворского как на одного из ближайших к государю чинов двора возлагали и другие ответственные дела. Более тридцати лет дворским в правительстве Даниила Романовича был боярин Андрей. Он появляется на страницах летописи в 1225 г., сначала выполняя посольские поручения. Галицко-Волынская летопись убеждает в том, что Андрей был прежде всего воеводой и принадлежал к лучшим среди них при дворе своего князя. Так, в 1241 г. Даниил решил подавить очаг боярского сопротивления своей власти в Перемышле. В поведенном летописью эпизоде Андрей впервые назван дворским (дворецким). Тогда в Перемышле сидел служебный князь Ростислава черниговского Константин рязанский, его поддерживал местный епископ. Услышав о приближении отряда Андрея, Константин «избѣже ношю». Андрей же «не удаси [не застал] его, но удаси владыку, и слуги его разьграби гордѣи...».² Был ликвидирован очаг боярской оппозиции в юго-западном регионе княжества.

Выдающуюся роль умелого военачальника и храброго рыцаря сыграл дворский Андрей в знаменитой Ярославской битве 1245 г. против боярского ставленника Ростислава (он пришел с венгерско-польским войском) и боярских галицких отрядов. Даниил поставил своего дворского командовать одной из важнейших частей войска. Галицкий князь расположил свои полки следующим образом: центр приказал держать «малой дружине» Андрея, свой главный и сильнейший полк поставил на левом фланге. Правый фланг занимал менее

сильный полк Василька Романовича. Отсюда можно сделать вывод, что Даниил Романович сознательно ослабил центр своего боевого порядка, чтобы заманить врага вглубь своего расположения и нанести решающий удар сопернику левым флангом, взяв его в клещи. Ему удалось стратегически переиграть венгерского воеводу Фильния, командовавшего объединенными силами венгров, поляков и галицких бояр, противников Даниила!

Дворский точно выполнял план битвы, предложенный государем. Как свидетельствует летопись, «Андрѣви же дворьскому тьсняшюся, да не сразится³ с пълкомъ Даниловымъ, ускоривъ съразися с полкомъ Ростиславлими крѣпко». Летописец ярко передал жар и силу битвы: «Копиемъ же изломившимся яко отъ грома трѣсновление бысть, от обохъ же сноси [всадники] падша с коней и умроша, и инии уязвени быша отъ крѣпости ударения копейнаго».⁴ В большой степени благодаря стойкости и мужеству своего дворского Даниил Романович выиграл битву у Ярослава, и это позволило ему окончательно сломить мощную боярскую оппозицию своей власти в княжестве. В Галицко-Волынском своде упоминаются и другие княжеские дворские Григорий, Яков, Алекса. Все они в той или иной степени выполняли обязанности и руководителя двора, и посла, но прежде всего воеводы, всегда бывшего возле государя и по его приказу шедшего в поход или в сражение во главе воинского отряда.

Тысяцкий

Этот придворный чин на Руси стоял лишь на ступеньку ниже дворского, будучи вторым в придворной иерархии. В научной литературе утвердилась мысль, согласно которой на Руси было два рода тысяцких: земские в городах и княжеские (М. Ф. Владимирский-Буданов). Земские избирались на вече и были своеобразным буфером между князем и городской общиной. В Галицкой Руси и на Волыни существовали как княжеские, так и земские тысяцкие. А. Е. Пресняков рассматривал тысяцких как представителей княжеской власти.⁵ В Новгороде Великом, боярской республике, земские тысяцкие

служили ее верхушке и не зависели от князя, ограниченно-го вечем.

Сама должность тысяцкого берет начало от десятичной системы земской организации общества и возникла задолго до складывания примитивной княжеской администрации дружинного характера. С самого начала тысяцкий был военным чиновником и долгое время возглавлял город и его округу. Грушевский, исследовавший эту тему, писал, что в XI—XIII вв. в Южной Руси тысяцкие существовали преимущественно в центрах волостей: в Киеве, Чернигове, Переяславле Южном, Владимире-Волынском, Перемышле, Галиче и др. По его мнению, в качестве пережиточных явлений уряды тысяцких отмечены источниками также в близких к стольному граду городах и городках: в Вышгороде и Белгороде вблизи Киева, в Сновске в Черниговском княжестве и др.⁶

Чаще, чем южнорусские, называют тысяцких летописи северорусские, при этом они упоминают и южнорусских тысяцких. Под 1136 г. в Лаврентьевском своде назван Давид Ярунович «тысячський киевський», наверное, земский. А под 1147 г. выступают «Лазарь тысячський» и «Рагуйло Володимерь тысячський», вероятно, князя Владимира Мстиславича, тогда волынского князя. В бурных событиях 1147 г., развернувшихся после убийства князя Игоря Ольговича, летопись называет сразу двух черниговских тысяцких: княжьего, Рагуйла и земского Лазаря.⁷

Галицко-Волынский свод позволяет составить некоторое представление о службе тысяцких в княжестве Романовичей. Если княжеские тысяцкие верно служат государю, то земские временами выступают в источнике как активные участники политической жизни, в основном противостоя княжеской власти. В 1219 г. недовольные вокняжением Мстислава Мстиславича в Галиче венгерский король Бела и польский князь Лешек решили силой выгнать его из города. Путь венгерского войска, к которому присоединилось и польское, вел на Перемышль, южные ворота Галицкого княжества. Тогда земский тысяцкий Ярун отдал врагу город. Ему была безразличной судьба Галича и земли.⁸ Точно так же в 1221 г. другой земский тысяцкий открыл ворота Перемышля перед уграми —

вероятно, под давлением местных, враждебных князю Мстиславу бояр.⁹

Далее кратко рассматриваются деятельность и обязанности княжеских тысяцких, представителей государственной службы, имевших в Галицко-Волынской Руси свою специфику в сравнении с тысяцкими в других княжествах и землях Древней Руси. Летопись XIII в. содержит несколько известий о них. Волынский тысяцкий Романовичей Демьян в 1211 г. вместе с малолетним тогда Даниилом идет отбивать Галич у черниговских князей Игоревичей. Поход принес успех. Другой галицкий тысяцкий князя Даниила Дмитрий выступает рядом с ним уже в первый год его самостоятельной государственной деятельности (1219 г.). Он помогает своему князю защищать Галич от венгерско-польского войска, это поручил Даниилу его тесть Мстислав.¹⁰

Обычно тысяцкий командовал «малой дружиной» князя, воинским контингентом, всегда бывшим под рукой князя. (Выше было сказано, что эти обязанности временами поручались дворскому.) Эти функции князь неоднократно возлагал на своего тысяцкого Демьяна, как это произошло в 1231 г., когда государь оказался в трудном положении. Демьян с кучкой младших дружинников встал возле князя и не позволял никому приблизиться к нему. Даниил обратился за помощью к горожанам стольного града и получил ее.¹¹ Это можно понять из дальнейшего летописного рассказа.

Верный Даниилу Романовичу тысяцкий Демьян зорко следил за происками галицких великих бояр, особенно усилившихся на рубеже 20-х и 30-х гг. XIII в. В 1230 г. «крамоле [заговору] же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ» они замыслили заманить Даниила Романовича в боярский замок Вишню, принадлежавший «Филиппу безбожному», и там убить его. Но когда государь собрался в Вишню, «прийде къ нему посоль от тысяцкого его Демяна, рекшю ему, яко: „Пирь ти золь есть, яко съвещано есть безбожнымъ бояриномъ Филипомъ и братучадомъ твоимъ Олександромъ,¹² яко убиену ти быти»,¹³ эмоционально пишет галицкий летописец. Так тысяцкий раскрыл заговор и дал возможность схватить заговорщиков.

Печатник

В громадном фонде древнерусских источников, прежде всего летописей, существует лишь несколько упоминаний о «печатнике» — хранителе княжеской печати, канцлере, одном из высших чинов двора государя. Все они принадлежат Галицко-Волынской летописи. Ни в каком ином княжеском дворе на Руси XIII в. этой должности не существовало, если доверять летописанию и словарям древнерусского языка.

Впервые княжеский *печатник* Кирилл возникает на страницах летописи в рассказе о событиях 1241 г. Он тогда выполнял обязанности воеводы своего государя. После «Батыева погрома» подняла головы боярская оппозиция в Галицкой земле. Она притихла со времени утверждения Даниила на галицком столе в 1238 г., но лишь ожидала удобного часа, чтобы снова подняться против своего князя. Тот час настал после опустошения монголами Руси в 1237—1241 гг. Далее летописец пишет: «Ростиславъ събралъ князи болоховьские, и останокъ галичанъ прииде ко Бакотѣ». Это произошло в 1241 г.

Воспользовавшись ослаблением княжеской власти в Галицко-Волынской Руси, Ростислав отважился захватить Галич, вступив для этого в союз с так называемыми болоховскими князьями: боярством Болоховской земли, лежавшей в верховьях Южного Буга, в бассейнах рек Горыни, Случа и Тетерева.¹⁴ Даниил Романович послал своего печатника Кирилла на днестровский рубеж княжества, дабы пресечь насилие над местным населением со стороны земельных магнатов. Кирилл прибыл в Бакоту, главную крепость княжества на южной границе, реке Днестр. Когда Ростислав с войском приблизился к Бакоте, Кирилл пристыдил его, напомнив о благодеяниях, которые тот вместе с отцом получил от Романовичей в горький час Батыева нашествия. Но Ростислав гордо отказался прислушаться к словам печатника. Тогда Кирилл, «видевъ непослушанье его [Ростислава] и изыде на ня с пѣшцы, онъ же увидѣвъ то, изыде прочь». Дело разгрома болоховских князей он довершил вскоре: «Прииде же Куриль, печатникъ князя Данила, съ тремя тысячами пѣшець и тремя сты конникъ, и въдасть имъ взяти Дядьковъ градъ», после чего «плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ...»¹⁵

Однако Кирилл был не только и не столько воеводой Романовичей. Он принадлежал к ближнему кругу дипломатов, не раз выполняя ответственные поручения своих князей. Галицко-Волынская летопись сообщает, что осенью 1246 г. «Куриль бо бѣ митрополить идяше, посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставление митрополье руское».¹⁶

При том что существовала общая для всей Руси Киевская митрополия, Даниил Романович решил основать общерусскую митрополию в своем княжестве, что высоко бы подняло его международный авторитет и сделало бы первым среди древнерусских государей. Дело облегчалось тем, что митрополичья кафедра в Киеве оставалась не замещенной со времени разорения монголами стольного града Руси.

Присланный в 1237 г. из Никеи (где тогда пребывал изгнанный крестоносцами в 1204 г. из Константинополя византийский патриарх) грек Иосиф¹⁷ после разрушения Киева ордами Батыя в источниках более не упоминается: или бежал домой, или погиб. Еще раньше, в 1222—1223 гг., владимирский епископ Иосаф, имевший резиденцию в Угровске, попытался на свой страх и риск сесть на митрополичью кафедру (которой в то время еще не существовало!): «ступи на столъ митрополий и за то свержень бысть со стола своего». Даниил не одобрил преждевременную инициативу волынского иерарха, а «Иосаф приведеи бысть на бископыю в Холмъ».¹⁸

Если учесть то обстоятельство, что в 1240—1242 гг. Даниил Романович распространил свое политическое влияние на Киев, то он естественным образом занялся делами церковными и по собственному разумению избрал кандидата в митрополиты по имени Кирилл, русина по происхождению. Хотя Кирилл и ранее назван в летописи митрополитом, высвятить его смогли лишь в 1246 г. Правда, в 1240—1241 гг. патриарха в Никее просто не было. Когда Кирилл наконец приехал к патриаршему двору, его утвердили без всяких трудностей.¹⁹

Политик с головы до ног, Даниил использовал сугубо, казалось, церковную поездку Кирилла в Никею, чтобы уладить отношения с венгерским королем. Летопись констатирует: «Бывшу ему [Кириллу] у короля, убѣди и король словы многими, дары увещеваа, яко: „Проведу тя у Греки с великою честию,

аще створить Даниль съ мною миръ“». Кирилл потребовал от Белы клятву, что король будет придерживаться соглашения с галицким князем. Получив уверения в этом, Кирилл вернулся к Даниилу и посоветовал ему: «Поими дщерь его сыну си женѣ». После этого «Данило пойде, поемь сына своего Льва и митрополита, и иде къ королеви и въ Изволинѣ, и поя дщерь его сыну си женѣ».²⁰

Тогда в венгерском городе Изволине было подписано важное для обеих сторон соглашение, по которому, кроме прочего, состоялась передача королю знатных венгерских пленников, захваченных Романовичами в битве у Ярослава летом 1245 г. Это было проявление доброй воли, скрепившее союзный договор, своеобразной печатью которого стал династический брак, женитьба Льва и Констанции, засвидетельствованный и венгерским источником.²¹ Летописец подчеркивает выдающуюся роль Кирилла в заключении важного дипломатического соглашения.

Подытоживая сказанное, отмечу, что Кирилл был человеком сильного характера и выдающихся государственных способностей. Он храбро бился с врагом, командовал войском, умело вел переговоры с венгерским королем. Галицко-Волынская летопись убеждает в том, что на Руси придворные чины и должности не были жестко закреплены за отдельными личностями, уж если печатник использовался как воевода, а церковный иерарх посылался за границу как дипломат.

Советники

Среди них наша летопись чаще других называет Мирослава, ближнего боярина Романа Мстиславича и доверенного человека его жены Анны. Рядом с нею и ее маленькими сыновьями он действует уже на первых страницах Галицко-Волынской летописи. В 1206 г. Мирослав помогает княгине с детьми бежать из враждебного ей Владимира-Волынского в Краков.²² Через пять лет он от имени княгини требует у краковского князя Лешка отдать часть Волынской земли с городом Белзом Васильку, и польский князь соглашается на это. Когда маленький еще

Василько садится на стол в Белзе, Мирослав отправляется туда вместе с ним и несколько лет управляет Белзским княжеством от имени Романовичей.²³

А в 1219 г. Даниил начинает борьбу за отвоевание у Польши Волыни, с ним повсюду пребывает Мирослав и как советник, и как управитель, и как воевода, точно так же, как раньше, когда Даниил жил в Венгрии, этот боярин был всегда рядом с Васильком. Вместе с Даниилом Мирослав выдерживает осаду венгров в Галиче, затем помогает князю добыть Черторыйск. Когда Даниил собирает вече в Галиче в 1231 г., дабы заручиться поддержкой горожан против боярства, при нем было лишь 18 дружинников. Тогда «Мирославу пришедшу къ нему на помощь съ малому отрокъ»²⁴ (небольшим их числом). При чтении Галицко-Волынской летописи создается впечатление, что Мирослав исполнял при Данииле и Васильке роль Добрыни Никитича, брата матери Владимира Святославича Малуши. Мирослав был княжичам защитником, советником, старшим другом, правителем, воеводой. Княгиня Анна доверяла ему самое дорогое — своих сыновей.

Мирослав участвовал в различных церемониях, сопровождавших межкняжеские отношения на Руси: «Еха Василко к Суждалю на веселе [свадьбу] шюрина своего, к великому князю Гюрьгю, поем Мирослава съ собою и ины» [бояре].²⁵ Это может свидетельствовать об исключительном положении Мирослава при дворе Романовичей.

Рядом с ними он оставался до 1235 г., когда оказался в плену у половецких ханов, помогая по поручению Даниила киевскому князю Рюрику Ростиславичу защищать Киев от этих кочевников.²⁶ Вероятно, в плену он и погиб.

Военные чины

Воеводы

Далеко не всегда князь находился во главе своего войска или дружины. Часто, особенно с наступлением XIII в., войском командовали его военачальники (воеводы). К тому же некото-

рые князя (например. Ярослав Владимирович галицкий во второй половине XII в. или Владимир Василькович волинский в последней трети XIII в.) во время войны оставались дома, посылая с войском верных и опытных воевод.

С наступлением XIII в. масштабы военных операций русских войск выросли. Стало более многочисленным само войско, возросло число полков в нем, а союзники (черные клобуки) превратились в отдельные воинские части: стрельцов и легкую кавалерию. Все это во многих случаях очень затрудняло оперативное руководство походом и сражением со стороны одного лишь князя. Воеводы с течением времени все чаще выступают на страницах источников, прежде всего в описаниях походов и боевых действий.²⁷

Сам термин «воевода» многократно встречается в летописях, преимущественно в древнейших их частях. Под 945 (944) г. Нестор рассказывает о событиях после убийства князя Игоря древлянами: «Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Свяославомъ, и кормилечъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ».²⁸ А в «Поучении» Владимира Мономаха читаем: «На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы, ... и сторожѣ сами наряживайте».²⁹

В северорусских летописях XI—XIII вв. княжеские военачальники-воеводы названы довольно часто. Из немногочисленных упоминаний северорусских летописей о воеводах сошлюсь на Лаврентьевскую летопись за 1220 г.: «Георгий великий князь, сынъ Всѣволожъ. посла брата своего Святослава с полкы и воеводами на безбожныи Болгары».³⁰

По-видимому, воеводы формально не входили в состав княжеского двора,³¹ и стоит ли о них упоминать? Но ведь воеводами бывали и высшие чины двора, тысяцкие, даже сам княжеский печатник. Все они ходили в походы, возглавляли отряды княжеского войска, мужественно бились в первых их рядах. Поэтому стоит все же зачислять воевод, и тех из них, кто не имел придворных чинов, в уряд государя.

Много упоминают о воеводах южнорусские источники XIII в., прежде всего Галицко-Волинская летопись. На ее страницах эти княжеские военачальники выступают часто, можно сказать, постоянно. Создается впечатление, что воеводы не

только командовали войском или его отдельными подразделениями, но и проводили самостоятельные боевые операции, естественно, по поручению своих государей.

Почти все упоминания о воеводах в Галицко-Волынском своде (даже когда они прямо воеводами не именуются) относятся к военачальникам Даниила и Василька Романовичей. Часть их служила предшественнику Даниила на галицком столе Мстиславу Мстиславичу Удатному (1210—1228). Среди них был и боярин Глеб Зеремеевич. В военном эпизоде 1219 г. Даниил и Глеб вместе с уже известным читателю Мирославом и тысяцким Дмитрием засели в осажденным венграми Галиче. Мстислав Мстиславич почему-то велел своему зятю Даниилу покинуть город. Галицкий летописец свидетельствует: «Даниль же изыде [из Галича] из Дмитромъ тысячкымъ и съ Глѣбом Зеремѣвичемъ, и с Мирославомъ». Отступавшие сумели отбиться от преследовавшего их врага.³²

Но в дальнейшем воевода Глеб покинул княжескую службу и возглавил враждебную Романовичам партию боярских олигархов, стремившуюся во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению Даниила на галицкий стол. Неоднократно Глеб обманывал Романовичей, возвращался на службу и в конце концов исчез со страниц летописи в 1235 г., когда очередной раз предал Даниила в битве с половцами возле Киева.³³ Вероятно, тогда он и погиб.

Среди воевод Романовичей выделялись талантами и бесстрашием уже упомянутый Мирослав, а также Вячеслав, печатник Кирилл и тысяцкий Дмитрий. В 1238 г. в связи с приближением к Киеву орд Батыя Даниил «остави в немъ Дмитра, и вдасть Киевъ в руци Дмитрови обдержати противу и отъ иноплемennыхъ языкъ, безбожныхъ татаровъ».³⁴ Дмитрий возглавил оборону стольного града Руси во время осады его Батыем в ноябре-декабре 1240 г. Сам он мужественно бился с врагом, находясь с гуще событий: «И възыдоша горожане на избыть стѣны, и ту бяше видѣти ломъ копѣйный и щитомъ скепанье, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженнымъ; и Дмитрови ранену бывшу...» После того как монголы штурмом овладели Киевом, «Дмитра же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его»;³⁵ за мужество и презрение к смерти Батый даровал ему

жизнь, что в практике жестокого и бешеного хана было исключительным поступком.

Другой видный воевода Романовичей «великий Вячеслав Толстый» впервые назван в летописи в рассказе о событиях 1211 г., когда княгиня Анна решила выбить Игоревичей из Галицкой и Волынской земель. Этот воевода пришел от Василька, княжившего тогда в Белзе, вместе с другими военачальниками — Мирославом и Демьяном. Вскоре после этого летописец называет Вячеслава владимирского среди бояр, которые осенью 1211 г. посадили Даниила на галицкий стол.³⁶

На мой взгляд, в этом тексте речь идет о волынском великом боярине Вячеславе Толстом. В пользу такого предположения может свидетельствовать и сообщение Галицко-Волынской летописи об изгнании матери Даниила и Василька Анны из Галича в начале 1212 г.: «Княгини же Романова, съ сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толстымъ бѣжавша въ Угры, а Василко с Мирославомъ ѣхаша въ Белзь».³⁷ Из контекста сообщения выходит, что Вячеслав Толстый был одним из ближайших бояр и военачальников Романа: княгиня приставила его к Даниилу, так же, как Мирослава — к Васильку.

В 1228 г. Вячеслав находился среди воевод Даниила Романовича, которым князь поручил выбить из Луцка Ярослава Ингваревича.³⁸ А вскоре Вячеслав вместе с Даниилом отражал набег ятвягов на Берестье: «И угониста и из Володимеря, <...> и убьень бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютрь... Бѣжащимъ же ятвяземъ, угони я Даниль...»³⁹ После этого известия следы Вячеслава теряются на страницах летописи.

Служилые князя

Эпоха удельной раздробленности родила явление, ранее неизвестное в Южной Руси: институт служилых князей. То были безземельные и малоземельные Рюриковичи, а то и потерявшие свою землю, по существу, князья-изгой. Это явление было особенно характерным для второй половины XIII в. Но наиболее яркий представитель этого своеобразного княжеского сословия принадлежит столетию двенадцатому. Речь пойдет об уже

упомянутом Иване Ростиславиче, прозванном Берладником. Он был галичанином, всю жизнь стремился отнять Галич у своего дяди Володимерка, затем у двоюродного брата Ярослава, из-за этого и погиб.

Иван был племянником Володимерка Володаревича и сидел в единственном уделе, сохранившемся в Галицком княжестве, — Звенигороде. Властный и амбициозный, Иван не желал удовлетворяться ролью мелкого князька в княжестве своего дядюшки. В 1145 г. он предпринял неудачную попытку отбить Галич у Володимерка и подался на Дунай, в область Берладь.⁴⁰ С той поры Иван превращается в служилого, наемного князя, русского кондотьера. К нему пристаёт прозвище «Берладник».⁴¹

На страницах летописей, отразивших жизненный путь Ивана, он выступает как служилый князь уже под 1146 г., когда к Святославу Ольговичу, княжившему в Новгороде-Северском, «прибѣже... Иванъ Берладникъ».⁴² Он принял участие в войне Святослава против киевского князя Изяслава Мстиславича. С той поры и начинается его служилая карьера.

Святослав Ольгович поднялся против Изяслава киевского из-за того, что тот сбросил с киевского стола его старшего брата Игоря и бросил его в темницу. Поэтому Святослав стал естественным союзником Юрия Долгорукого, оспаривавшего киевский стол у Изяслава. В том самом 1146 г. сидевший в Новгороде-Северском Святослав получил известие, будто Изяслав собирается напасть на него. Тогда Святослав «повѣде Иванови Гюргевичю,⁴³ Иванови Ростиславичю Берладнику и дружинѣ своей, и половцемъ дикымъ уемъ своим», что на него идет киевский князь. Все они посоветовали Святославу покинуть Новгород, что он и сделал.⁴⁴ Как видим, служилый князь Иван входил тогда в ближний круг воевод и советников Святослава Ольговича, наравне с сыном Долгорукого Иваном и половецкими дядьями новгород-северского князя.

Но уже в начале следующего, 1147-го, года, как свидетельствует Киевский свод, «иде Святославъ къ Осетру, и ту отступи его Иванко Берладникъ к Ростиславу смоленському князю, возьмъ у Святослава 200 гривень серебра, же 12 гривни золота».⁴⁵ Это выглядит логичным: князь-наемник взял у сюзерена плату за службу и перешел к тому, кто заплатил ему больше.

К тому же Ростислав был братом Изяслава Мстиславича, недавно севшего на киевский престол. Наверное, политические соображения также сыграли свою роль в решении Ивана сменить сюзерена. Так поступали все кондотьеры, что у нас, что в Италии позднейшего времени, где этот род занятий был распространен среди аристократов.

Далее летописцы на десять лет теряют из вида Ивана Ростиславича. Из драматического свидетельства Киевского летописного свода 1157 г.: «Привель Гюрги Ивана Ростиславича, рекомаго Берладника, ис Суждаля, окованного, хотя и дати Ярославу, зяти своему»,⁴⁶ вытекает, что перед тем Иван служил Долгорукому (приблизительно с 1149 г.). Когда его выдачи принялся требовать Ярослав галицкий, Юрий Владимирович решил пожертвовать князем-наемником, дабы обеспечить себе поддержку зятя в грядущей войне с черниговскими Давидовичами. Однако за Ивана заступились митрополит и игумены киевских монастырей. Юрий решил вернуть Ивана в Суздаль, но на пути туда его отбили люди черниговского князя Изяслава Давидовича.⁴⁷

После этого Берладник верой и правдой служил Изяславу Давидовичу до конца жизни этого черниговского князя (тот погиб на Желяни в 1160 г.). В 1158 г. Изяслав воевал со своим двоюродным братом Святославом Ольговичем, которому в прошлом служил Иван Ростиславич. Тогда Святослав «пришедь ко Выреви и пожъже острогъ около города; в городѣ бо затворился бяше съ княгинею Иванъ Ростиславичъ, а самъ Изяславъ шель бяше в поле».⁴⁸ Святославу не удалось взять небольшой, вероятно, хорошо укрепленный городок Вырь. Защита Выря была, как выходит из источников, последним деянием князя-кондотьера Ивана. В 1159 г. какие-то берладники захватили киевский порт на Днепре Олешье, но Ивана среди них летописец не упоминает.

Вероятно, после смерти своего последнего покровителя на Руси Изяслава Давидовича Иван Ростиславич вновь подался на дунайское Понижье. Летопись последний раз упоминает о нем в рассказе о событиях 1161 г.: «Преставися князь Иванъ Ростиславичъ, рекомый Берладникъ, в Селуни; инии тако молвяхуть, яко съ отравы бѣ ему смерть».⁴⁹ Речь идет о византийском горо-

де Фессалоники, где князь, вероятно, жил последние годы. Некоторые историки считают, что убийцы были подосланы Ярославом Владимировичем галицким, всю жизнь враждовавшим с Иваном и требовавшим его выдачи и от Юрия Долгорукого и от Изяслава Давидовича.⁵⁰ Это предположение кажется мне наиболее вероятным.

Институт служилых князей прижился в Галицко-Волынской Руси времен Даниила Романовича, его сыновей и племянника Владимира Васильковича. По определению летописца, писал В. Т. Пашуто, все бояре и незначительные князья «служат» великому князю и «держат» полученные от него города и волости. Овладев Галичем, князь Даниил «разда города боярам и воеводам и бяше корма у них много». Получившие земли в «держание» именовались «держателями» и были обязаны служить великому князю: «Служащие же князи Даниловы и людье Василкови».⁵¹ Приведенные далее сведения источников о служилых князьях взяты в основном из Галицко-Волынской летописи.

Зимой 1254/55 г. Даниил Романович пошел на ятвягов. Из Новогрудка (в Черной Руси) к нему пришел сын Роман «со всѣми новгородци и с Глѣбомъ, и со Изяславомъ съ Вислоческимъ».⁵² Изяслав был сыном пинского князя Ростислава Святополчича, князем свислоцким⁵³ (удельным в Новогрудском княжестве Романа). Глеб же, вероятнее всего, упоминается еще раз и более подробно, в летописном повествовании об овладении Даниилом Романовичем городом Волковыйском в Черной Руси: «По томъ же Данило король еха взя Волковыескъ, и Глѣба князя пославъ я и дрѣжаше его въ чести».⁵⁴ Так Глеб, не имевший, вероятно, княжеского удела, получил за службу город Волковыйск с волостью. Некоторые генеалоги признают Глеба Ростиславичем, братом Изяслава Ростиславича и сыном Ростислава Святополчича,⁵⁵ принадлежащим к роду Рюриковичей.

Служилыми были и рязанские князья Константин и его сын Евстафий. В 1243 г. они были на службе у врага Романовичей Ростислава черниговского. «Данило же дворецкого посла на Перемышль на Костянтина резанского, посланного отъ Ростислава, и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядуща на нь, избѣже

нощию». Константин Владимирович рязанский был служилым князем Ростислава Михайловича в Перемышле. После бегства из города он оказался в Венгрии и отослал сына Евстафия в Литву.⁵⁶ По свидетельству Суздальской летописи, Константин был в 1217 г. рязанским князем, когда помог своему брату Глебу убить других братьев.⁵⁷ Убийцы разделили власть в Рязанском княжестве. Дальнейшая четверть столетия жизни Константина летописцам неизвестна. Неясно, в частности, как он оказался в служилых князьях у Ростислава Михайловича. Мы знаем лишь, что Константин был третьим сыном рязанского князя Владимира Глебовича,⁵⁸ следовательно, Рюриковичем.

Сын Константина Владимировича Евстафий служил затем литовскому князю Миндовгу, за что его эмоционально осудил галицкий летописец. В 1262 г. «идоша Литва на Ляхы воевати отъ Миндовга, и Остафии Костянтиновичъ с ними, окаанный и проклятый, бѣ бо забѣглъ из Резаня».⁵⁹ Вскоре после этого Евстафий стал жертвой борьбы вокняжившегося в Литве после смерти отца Миндовга Войшелка против земельных магнатов: «и оного Остафия уби оканяного, беззаконьного проклятого, о нем же напреди списахомъ».⁶⁰ Трудно сказать, какие поступки Евстафия вызвали гнев и осуждение галицкого книжника, вряд ли одна лишь служба литовскому князю, тогда противнику Даниила Романовича.

Последние известия Галицко-Волынской летописи о служилых князьях содержатся на его заключительных страницах. В источниках они выступают под своим реальным наименованием воевод. Неоднократно упоминается слонимский князь Василько, служивший племяннику Даниила, волынскому князю Владимиру Васильковичу. Василько был сыном Романа Даниловича, княжившего в Черной Руси, и, по сведениям Н. Баумгартена, сидел в городке Слониме с 1256 г.⁶¹ Этот обедневший внук Даниила Романовича был в чести у своего дяди Владимира Васильковича.

Впервые этот Василько Романович, полный тезка брата Даниила, действует в рассказе летописи о походе Владимира Васильковича в 1282 г. против краковского князя Болеслава, когда волынский князь помогал своему союзнику Конраду мазовецкому: «И пойде Вълодимеръ къ Мѣлнику⁶² съ множествомъ

вой, из Мѣлника же отряди с ними воеводу, Василка князя Слонимского». ⁶³ В походном порядке воынской рати «Василко поиде своимъ полкомъ, Кондрать же князь съ ляхы своимъ полкомъ». ⁶⁴ Вероятно, среди воевод, возглавлявших воынско-мазовецкое войско, Василько неслучайно назван первым: из контекста выходит, что ему воынский князь доверил свой головной полк.

После успешного завершения кампании «Василко князь поиде къ Берестию съ множествомъ полона, и посла предъ собою вѣсть господину своему князю Володимеру». Дальнейшее летописное повествование свидетельствует, что князь Владимир Василькович в то время доверил Васильку свою дружину и был рад тому, что тот сохранил ее в целости. ⁶⁵ Война с Болеславом между тем продолжалась, и «Вьлодимеръ же князь указаль бѣше своимъ воеводамъ тако, Василкови и Жилиславу, и Дунаеви, не ропущати рати воевать». ⁶⁶ И в этом контексте галицкий повествователь назвал Василька первым среди воевод воынского князя.

В следующем году Лев Данилович и Владимир Василькович решили навести литовское войско на Болеслава. Сами князья в поход не пошли, поручив войско воеводам: «Володимеръ посла съ своею ратью Василка князя и Жилислава, и Оловяньца и Вишту». ⁶⁷ Как видим, Василько Романович продолжал оставаться первым среди военачальников воынского князя. Но дальнейшая судьба этого Василька неизвестна, в летописи она не отразилась.

Наконец, последним по времени среди служилых князей в Галицко-Воынской Руси был Юрий Поросский. В 1289 г. преемник Владимира Васильковича на престоле Владимира-Воынского Мстислав Данилович вступил в конфликт со своим братом Львом и его сыном Юрием. «Мьстиславъ вборзѣ посла гонцѣ по Юрии князи порускомъ, <...> тогда бо Юрий поруский служаше Мьстиславу, а прѣвое [служил] Володимеру». ⁶⁸ Перед нами типичный кондотьер, князь-вассал, переданный Владимиром Васильковичем как бы в наследство своему преемнику на владимирском столе.

Узнав, можно думать, о приближении рати во главе с Юрием Пороским, князь Лев был вынужден покориться. К тому же

ему стало известно, что Мстислав Данилович послал за помощью к татарам. К сожалению, источники не дают возможности установить, кто был этот князь Юрий. Разве что эпитет «Пороский» может говорить о том, что у него было небольшое владение в Поросье, вблизи южных рубежей Киевской земли со степью. Вероятно, он также был Рюриковичем.

Характерной особенностью института служилых князей в Галицко-Волынской Руси было то, что все они, родовитые аристократы, члены дома Рюриковичей, принадлежали к княжескому двору, будучи такими же воеводами государя, как и упомянутые выше военачальники.

Глава 8

ПРИДВОРНЫЕ И ВОЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ, ДВОРЯНЕ И МИНИСТЕРИАЛЫ

Наряду с высокими чинами княжеского двора: дворским, тысяцким, печатником, советником и др. — летописцы постоянно называют служащих меньшего ранга, а также воинов, дворян и слуг-министериалов, как гражданских, так и военных. Источники XIII в. объективно отражают процессы становления и укрепления двора, его структуру, ее усложнение, появление новых должностных лиц, которых памятники письменности XI—начала XII в. еще не знали (стольников, седельничих, дворян и др.). В сущности, двор был упрощенной моделью общества, единой специальной структурой государственной службы.

Выглядит историческим парадоксом то обстоятельство, что если высокие чины дворского, тысяцкого, печатника не были закреплены властью за теми или иными личностями (им обычно давались соответствующие поручения), то должности членов двора среднего или низшего звена закреплялись за ними властью. Государь на Руси во второй половине XII—XIII вв. был окружен чиновниками разного уровня, дворянами и министрами. Летописи и другие памятники письменности называют гридей, детских, отроков, дворян (военные люди), а также посадников, тиунов, стольников, ключников, ловчих, седельничих, мечников, мостников, парубков (штатские люди). Круг обязанностей всех этих служащих и слуг определен в источниках с относительной конкретностью — мы видим их в действии.

В научной литературе высказывалось мнение, что слуги и министриалы были объединены в служебную организацию, представлявшую собой совокупность людей той или иной профессии, исполнявших определенную «службу», и поэтому могли быть освобождены от прочих обязанностей. В Центральной и Западной Европе существование таких групп засвидетельствовано уже документами XI—XII вв.¹ Обычно историки выделяют группы обслуживания князей и других феодалов: пекари, повара, медовары, а также сокольники, псары и др. К таким служебникам обычно причисляют ремесленников, прежде всего оружейников.² Специфика русских источников XI в. такова, что они почти не упоминают о слугах и министриалах, поэтому мы воспользовались летописными свидетельствами XII—XIII вв.

Военные люди

Русское войско в XII—XIII вв. составляли выходцы из различных общественных слоев. В нем были и бояре, и дружинники, и представители состоятельной городской верхушки (патрициата), и «простые люди»: горожане и смерды-крестьяне. Неслучайно старая дружинная терминология со временем уступает место профессиональной (всадники-снuzники, пешцы) или общевойсковой (вои). В сражениях используются различные сочетания родов войск, что не встречалось до той поры: пехота бьется против конницы, всадники спешиваются, не теряя наступательных качеств, лучники вступают в бой даже тогда, когда «оружников³ не бывшем с ними», а «снuzники» (легкая кавалерия) вынуждают бежать противника, не дожидаясь помощи стрельцов. Монгольское нашествие 1237—1241 гг., потрясшее фундамент государства, еще более нарушило кастовую замкнутость войска и открыло доступ в него всем слоям общества.⁴

Вои

Терминология источников относительно наименований древнерусских воинов или отдельных их групп остается неясной. В памятниках письменности, отражающих историю Руси IX—

XIII вв., часто попадает термин «вои». Длительное время историки полагали, что воями в летописи и других памятниках древнерусской литературы называли народное ополчение, в отличие от дружины, члены которой назывались будто бы только «княжьими мужами». Но проведенное П. В. Лукиным специальное исследование привело его к основанному на источниках выводу, что слово «вои» не было строго определенным термином. Оно могло прикладываться к различным людям: дружине, всему войску, части войска, даже к контингенту наемников.⁵

Галицко-Волынская летопись XIII в. в рассказах о военных операциях Романовичей и их противников в большинстве случаев пользуется универсальным термином «вои». Но этот источник знает и другие названия воинов того времени. Но сначала вспомним давнее понятие «гридь», появившееся в летописи еще в конце X в.

Гриди

Слово «гридь» означает княжеского воина, члена княжеской дружины. Отсюда сборное понятие «гридьба». Под 996 г. «Повесть временных лет» рассказывает: «По вся нѣделя устави [Владимир Святославич] на дворѣ [княжеском] въ гридьницѣ⁶ пирь творити, и приходити боляром, и гридем, и съьсьскимъ, идесяцьскимъ, и нарочитымъ мужем».⁷ Как писал Б. А. Рыбаков, знаменитые пиры Владимира, бывшие своеобразным методом вовлечения в дружину, воспеты в былинах в полном согласии с летописными рассказами:

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированье, почестен пир
На многих на князей на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских...

Историки и фольклористы считают, что Владимир и князья, правившие до него на Руси, действительно устраивали пиры, на которые, наряду с дружинниками и знатными людьми

(«лепшими мужами»), приглашался и простой народ. Тогда были живучи пережитки эпохи военной демократии, когда князь обычно пировал вместе с дружиной. Пирьы были удобным способом привлечения людей из разных социальных страт в дружину, всегда ощущавшую нехватку квалифицированных воинов, и просто сильных и мужественных людей, могущих стать дружинниками. В те суровые времена князья вели почти беспрерывные войны, подавляли народные движения и восстания племенных объединений, не желавших покоряться их власти, вследствие чего дружина теряла людей. Наконец, пирьы реализовали представительские функции двора, пропагандировали его красоту и величие.⁸

Летопись Нестора ставит знак равенства между гридями и дружинниками в изложении истории непокорности Ярослава Мудрого своему отцу Владимиру: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ [дружине] раздаваху». Но вдруг сын перестал платить дань отцу. Владимир возмутился и решил идти походом на Новгород. «Ярославъ же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего».⁹ Из этих лапидарных сообщений можно понять, что дружина («гриди») Ярослава была немногочисленной и вряд ли могла устоять против киевского войска, поэтому и пришлось нанимать варягов «за морем», скорее всего, в Швеции.

Термин «гридь» уже для XII в. был пережиточным и попадает в источниках того времени редко, почти исключительно в новгородских летописях. Это же относится и к веку тринадцатому. Из немногочисленных упоминаний о них создается впечатление, что тогда в Новгороде гридями называли уже не просто княжеских дружинников, а привилегированную часть княжеского воинства. Источники конца XII—XIII вв. ставят знак равенства между гридями и огнищанами, состоятельными людьми, входившими в верхушку общества.¹⁰

В 1195 г. великий князь суздальский Всеволод Юрьевич послал новгородское войско в поход на Чернигов, «на Ярослава и на все Ольгово племя... Идоша съ княземъ Ярославьмъ [Владимировичем] огнищане, и гридьба, и купци». А под 1234 г. в этой же Новгородской летописи сказано: «Изгониша Литва Русь, оли

до торгу, и сташа рушанѣ, и засада: огнищане и гридба, и кто купць и гости, и выгнаша я ис посада опять».¹¹ В обоих летописных сообщениях гриди поставлены рядом не только с огнищанами, но и с купцами. Зная, что Новгород был одним из крупнейших в Северной Европе очагов торговли, думаю, что люди, названные в этом тексте гридями, наряду с прочими занятиями могли вести оживленную международную торговлю, в приведенном тексте — с Литвой.

Отроки

Обычные воины называются летописцами также отроками. Однако из некоторых текстов создается впечатление, что отроки принадлежали к княжескому двору, составляя личную охрану государя. В 1231 г. в разгар борьбы с боярством за Галич и землю Даниил Романович оказался в трудном положении. Перед тем источник сообщает, что одна часть его войска была послана им против сильного клана бояр Молибоговичей, намеревавшихся убить его, а другая пошла вместе с его братом Васильком к Белзу. Ради достижения драматического эффекта летописец сообщает, что с князем осталась лишь кучка воинов его личной охраны: «18 отрокъ вѣрныхъ и с Демяномъ тысяцкимъ своимъ». Даниил созывает вече горожан, и те обещают князю помощь в борьбе с боярами.¹²

Через четверть века после этого Даниил Романович собрался в поход против ятвягов, которые почти непрерывно нападали на земли Северо-Западной Волыни. Ему помогали западнорусские князья, а также Земовит мазовецкий и Болеслав краковский. «И бысть рать велика, яко же наполнити болота ятвяжская полкомъ». Руководившие походом князья собрались на совет и предложили Даниилу Романовичу: «Ты еси король, голова всимъ полком... Вѣси [знаешь] бо ты войничьский чин [боевой порядок], на ратехъ обычай ти есть; <...> изыде самъ напередъ». Галицкий государь на ходу перестраивает полки: «Даниль же, изрядивъ полкы, кому полкомъ ходити, <...> самъ же еха в мале отрокъ оружныхъ».¹³ Этот летописный текст зримо рисует образ князя, который на боевом коне едет впереди свое-

го войска в окружении княжеских отроков, своей охраны («малой дружины»), которые зорко всматриваются в чашу леса.

Эти отроки, всегда бывшие возле князя, выполняли также роль его своеобразных адъютантов и гонцов. В этом же походе Даниил посылает отрока Андрея с поручением к своему дворскому, тоже Андрею. Но гонец неверно передал княжеские слова дворскому, тот опоздал на поле битвы, чем вызвал неудовольствие государя.¹⁴ Галицко-Волынская летопись почти не использует термин «дворяне» в значении «люди двора». Его заменяет понятие «отроки». Оно попадает на летописных страницах не настолько часто, чтобы составить четкое впечатление о роли и значении дворян в государственной и общественной жизни Руси XIII в.

Дворяне

Слово «дворянин» используется в древнерусских источниках в двух смыслах, широком и узком. В широком смысле дворянами были все (за исключением высоких чинов) принадлежавшие ко двору люди. В узком — воины и министерялы (слуги). Как писал М. Б. Свердлов, изучение начального этапа становления этого сословия представляет трудности из-за ограниченной информации исторических источников и влияния на их интерпретацию различных научных и общественно-политических теорий.¹⁵

Представляется вероятным мнение, что дворяне были вольными служилыми людьми. Оно все же нуждается в подтверждении источниками. Дворяне, которые вместе с горожанами Боголюбова разграбили двор князя Андрея Юрьевича в 1174 г., явно были бедными людьми, недовольными князем и его придворными, ближними к нему чиновниками. Ю. А. Лимонов считает дворян слугами, непосредственно связанными с двором. Он же рассматривает их как людей военных.¹⁶ С этим можно бы согласиться, но социальный статус дворян до сих пор не определен в научной литературе.

В позднейших северорусских источниках, начиная с середины XV в., термин «дворяне» означает людей, которые служат

князю с полученных ими в условное владение (с условием отбывания военной службы) земельных наделов. На мой взгляд, такого рода дворяне существовали в Галицкой земле по меньшей мере с конца 30-х гг. XIII в. В этом убеждает эпизод, поведанный Галицко-Волынским сводом.

После возвращения Даниила Романовича из эмиграции в середине 1241 г., когда орды Батыя ушли из Галицко-Волынской Руси на Запад, он убедился в том, что великие галицкие бояре ведут себя в Галицкой земле словно самовластные князья, даже раздают земли вассалам. Даниил послал к одному из них Доброславу своего стольника с требованием объяснить содеянное. «Доброславу же рекшу: „Вдах има Коломыю“. Якову¹⁷ же рекшу ему: „Како можеши бес повеления княжа отдати ю сима, яко велиции князи держать сию Коломыю на роздавание оружьи-комъ?“»¹⁸

В отечественной науке издавна дискутировали по поводу того, каким было феодальное землевладение в Древней Руси: вотчинным (безусловным) или поместным (условным). Один из знатоков проблемы Л. В. Черепнин писал по этому поводу, что, вероятно, бояре и княжьи мужи служили главным образом с вотчин. В источниках XII—XIII вв. нет сведений об условных земельных держаниях типа позднейших поместий.¹⁹ В историографии утвердилась мысль, согласно которой раздача княжеских (государственных) земель служилым людям началась с середины XV в., но массовое распространение приобрела только в конце этого века.

Процитированные строки Летописца Даниила Галицкого со словами «держат сию Коломыю на роздавание оружьиномъ» свидетельствуют все же, по моему мнению, о существовании условного землевладения и землепользования в Галицкой земле. Из текста вытекает, что Коломыйская волость была разделена на участки, которые раздавались военным людям, обязанным служить за них своим князьям-сюзеренам. Следовательно, перед нами условное феодальное владение, бенефиций или феод. Важно отметить, что такие феоды обычно выделялись в порубежных областях, беспокойных, ввиду возможных вражеских вторжений. В связи с этим можно вспомнить многочисленный слой «слуг войсковых» на украинских землях Великого

княжества Литовского, которых в XV—XVI вв. также расселяли вблизи рубежей, давая им земельные наделы с обязательным отбыванием войсковой службы.

Следовательно, летопись позволяет утверждать о существовании в Галицкой земле поместной системы. Оказывается, не только князья, но и крупные феодалы, например Доброслав, раздавали земли своим вассалам в условное владение («держание»). Об этом свидетельствуют, правда, косвенно, другие слова галицкого летописца, относящиеся к более ранним временам.

Около 1214 г. несколько южнорусских князей в союзе с польским князем Лешекком Белым принялись выгонять из Галича вокняжившегося там боярина Владислава. В походе принял участие 13-летний Даниил, сидевший тогда в маленьком волынском городке Каменце: «Лестько же поя Данила с Каменца, а Олександра [Всеволодича] из Володимера, а Всеволода [Всеволодича] из Белза, кождо ихъ съ своими вои. Бѣ бо вои Даниловы болши и крѣпльши, быше бояре велиции отца его вси у него».²⁰

Из этого свидетельства летописи можно сделать вывод, что у Даниила Романовича, тогда еще удельного князя городка Каменца, было больше воинов, чем у других князей, лишь потому, что верные ему великие бояре отца привели собственные отряды бойцов. Можно думать, что эти отряды состояли как из содержавшихся самими боярами дружинников, так и их вассалов, и поставленных вассалами ратников: вероятно, вассалы тоже «держали» земельные наделы у бояр с условием служить самим и поставлять с них воинов по призыву сюзерена.²¹

Б. А. Рыбаков уверенно утверждал, что дворянство на Руси стало массовым явлением уже в XII в. Он пишет о существовании в XII—XIII вв. на Руси значительной прослойки людей, служивших с поместий. Свою мысль историк объяснял так: рожденный новыми условиями жизни нижний слой феодалов — дворянство — был бедным, экономически нестойким, стремившимся к земле и крестьянам, но зато определившимся в политических симпатиях. Потому что с самого начала, уже своим рождением, дворянство было поставлено в положение

соперника боярства, но соперника слабого, неуверенного в завтрашнем дне, жившего одними лишь княжескими милостями. Поэтому в глазах дворян XII—XIII вв. князь был и разумным кормчим, и сильной защитой, а боярство — жадным и грубым обидчиком. Следовательно, подытоживал свои рассуждения ученый, рыцарственный XII век выдвинул не только боярство, ранее пребывавшее в тени, но и разнообразное дворянство, вобравшее в себя и дворцовых слуг, и воинов: «детских» или «отроков», и беспокойных всадников торков и печенегов.²² Логика историка буквально завораживает, однако, как мне видится, Б. А. Рыбаков углубил во времени появление дворянства как массового явления. Все же и дворяне Даниила были скорее не правилом, а исключением. Абсолютное большинство землевладельцев (бояр) в XIII в. служило с вотчин. Так было, вероятно, и в XIV в.

Придворные должностные лица и слуги

Стольник

Важным придворным лицом был стольник. Словарь Срезневского о нем говорит: «Дворцовая должность и чин в Древней Руси».²³ В источниках древнерусского времени упоминания о нем встречаются редко. В 1230 г. киевский митрополит Кирилл посетил владимиро-суздальского князя Юрия Всеволодича и его братьев. В свите митрополита был «мужъ Владимиръ Гюргии столник его».²⁴ Отсюда выходит, что стольник принадлежал к свите митрополита. Это не было исключительным явлением, поскольку в Новгородской первой летописи приблизительно того же времени (1228 г.), в рассказе о ссоре между князем Ярославом Всеволодичем и владыкой Антонием сказано: «Възмятися весь город, и поидоша с вѣща въ оружии на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андреичевъ, владычна столника».²⁵ Из обоих процитированных источников выходит, что стольник был особой, приближенной к церковному иерарху, входил в число социально близких ему людей.

Однако круг обязанностей церковного стольника в летописях не очерчен. А единственное известное мне упоминание о княжеском придворном стольнике содержится в приведенном выше тексте Галицко-Волынской летописи о приезде Якова к боярину Доброславу с княжеским требованием вернуть Коломыю. В этом тексте стольник выглядит послом для особых поручений. Ничего более определенного о нем сказать нельзя.

С течением времени двор делается все более многолюдным за счет слуг-министерялов. Князь постоянно находится среди них. Они управляют его домом, двором, хозяйством, с ними он советуется, они могут входить в состав его младшей дружины, в рядах которой находим и тех, кто ведет его хозяйство. Среди них на первом месте, как мне видится, стояли тиуны. Из источников нам известно о тиунах намного больше, чем о слугах иных рангов.

Тиун

Справочники определяют тиуна как слугу, домочадца, а также как должностное лицо, которое может управлять двором, даже городом или местностью. Подобная неопределенность объясняется как неконкретностью самого понятия, так и тем, что тиуны бывали различных рангов и разного должностного положения. Принадлежали тиуны к окружению князей и бояр.

Издавна летописи знают тиуна в ипостаси домашнего княжеского министеряла. В «Поучении» Владимира Мономаха читаем: «В дому своем не лѣннитеся, но все видите; не зрите на тивуна ни на отрока, да не посмѣются приходящий к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему».²⁶ Но постепенно круг обязанностей тиуна расширяется и делается почти необозримым. Тиуны бывали подручными князя в осуществлении руководства городом или княжеством, во взимании податей, судьями, даже посадниками, т. е. бывали княжескими наместниками в разных частях земли.²⁷ Ограничусь рассмотрением некоторых летописных свидетельств о тиунах в Галицко-Волынской Руси в XII—XIII вв.

В разгар гражданской войны на Руси 1146—1151 гг., зачинщиками которой были Изяслав Мстиславич волынский и его дядя Юрий Долгорукий суздальский, между ними возник имущественный спор: «Изяславъ же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадь, <...> а друзии тивуны своѣ послаша». ²⁸ Киевская летопись дает основания считать, что тиуны в этом случае были финансовыми советниками и агентами своих князей. Через двадцать лет сын Изяслава Мстислав волынский получает киевское княжение и «посла Володислава Воротиславича [боярина] передъ собою [в Киев] къ Василкови къ Ярополцицю, ²⁹ веля ему сѣдѣти Киевѣ до себе, и тиунъ свой посла». ³⁰ В данном случае тот тиун выполнял приказ своего государя: обеспечить порядок в городе и не впустить в стольный град другого претендента на стол. На какое-то время тиун стал княжеским наместником в Киеве.

В 1169 г. вскоре после взятия и разграбления стольного града коалицией южно- и северорусских князей Мстислав Изяславич «бѣжа ис Киева на Василевъ» и затем на Волынь. За ним погнались соперники и «много изоимаша дружины около его», среди них «яша Рода, тивуна его». ³¹ Контекст сообщения киевского книжника наводит на мысль, что эта «дружина» была на самом деле военной силой двора, присутствие в составе которой тиуна, близкого к князю служилого человека, понятно.

Несколько упоминаний о тиунах сохранила Галицко-Волынская летопись. По смыслу они не отличаются от сведений других летописей. В 1211 г. десятилетний Даниил Романович не пожелал разлучаться с матерью, которую бояре изгоняли из Галича. Он сидел на коне, когда «приехалъ Александръ, тивонъ шомавиньский, и я за повод [коня Даниила], онъ же измокъ мечъ и тя его». ³² Можно понять гнев маленького княжича, знатного аристократа, коня которого осмелился схватить за повод какой-то слуга. Иным был тиун, описанный в событиях 1255 г. Тогда Даниил Романович с сыновьями и войском вошел во взбунтовавшуюся Болоховскую землю. Жители одного из ее городов Возвягля «учинили лѣсть... поемше [от князя] тивуна не въдаша ему тивонити», исполнять княжескую волю. Расплата не заставила себя долго ждать. Вскоре «Данило же съ братомъ идоша къ Възвяглю в силѣ тяжыѣ». Начался штурм,

«видѣвшѣ же гражане, и ужас бысть в нихъ, и не стрѣлѣша и вдалася, и городъ зажже...». Часть горожан убили, другую забрали в рабство и поделили между собой: «ово брату си, ово же Лвови [сыну Даниила], другие Шварнови [другому сыну] и пойде в домъ си приемъ градъ».³³

Грушевский ужасается жестокости галицко-волынского государя,³⁴ с ним можно частично согласиться, князь жестоко подавил выступление против его власти. Но главное было в ином: Даниил точно так же немилосердно отомстил возвяглянам, как раньше болоховцам. И те и другие были «люди татарьские», поддерживали и кормили оккупантов зерном. Понятно, что повинны в этом были бояре и городская верхушка, но пострадали все обитатели Возвягля, но такой уж была логика политического противостояния в Средневековье, логика господствующего класса и самого Даниила по отношению к простому люду.

Ключник

Он был одним из древнейших должностных лиц княжеского двора. Историки затрудняются в определении обязанностей ключника: заведующий княжеским хозяйством или слуга, выполнявший волю князя в его хозяйстве. Такой заведующей хозяйством и руководительницей штата министериалов княгини Ольги была Малуша. Она принадлежала к знатному древлянскому роду. Повествуя о происхождении Владимира Святославича под 970 г., Нестор пишет: «Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины. Сестра же бѣ Добрыни, отецъ же бѣ има Малѣкъ Любечанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру».³⁵ Это известие летописца вызвало множество предположений и споров в стане историков и филологов.

Сегодня наиболее авторитетным и приемлемым по-прежнему выглядит мнение А. А. Шахматова, отождествившего Малка Любечанина, отца Малуши и Добрыни, с древлянским князем Малом, убившим мужа Ольги князя Игоря.³⁶ Будучи княжеского происхождения, Малуша не могла быть простой служанкой Ольги. Поведанный «Повестью временных лет» эпизод под 980 г.³⁷ бросает свет на фигуру Малуши.

Перед тем как начать решающую борьбу за киевский престол со сводным братом Ярополком, Владимир решил упрочить свое положение династическим браком с полоцкой княжной Рогнедой и накануне войны присоединить полоцкое войско к киевскому. Когда Владимир посватался к Рогнеде и ее отец Рогволод передал брачное предложение дочери, та гордо ответила: «Не хочу розути робичича [сына рабыни], но Ярополка хочу».³⁸ Отказываясь выйти за Владимира, Рогнеда использовала образное выражение: снятие сапог молодой с мужа в знак покорности было частью древнего свадебного обряда.

Итак, Малуша была все же рабыней, но привилегированной из-за своего княжеского происхождения. Можно разве что сказать, что она была не служанкой, а заведующей хозяйством княгини Ольги.

В более ясных ситуациях ключники упоминаются в летописях XII в. Когда в конце 1154 г. умер киевский князь Вячеслав, его племянник и соправитель в стольном граде Ростислав Мстиславич «сзъва мужа отца своего Вячеслави и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего перед ся, ... и нача роздавати».³⁹ В этом отрывке Киевского свода ключники по приказу князя выступают распорядителями имущества своего господина Вячеслава.

А в описании убийства князя Андрея Юрьевича в Боголюбове среди «началниковъ убийцамъ» был «Амбалъ ясинъ [осетин] ключникъ», возглавивший кучку заговорщиков. Когда, обороняясь, князь хотел схватить меч, то меча при нем не было: «вынялъ и [меч] Амбалъ ключникъ его», он же наносил смертельные удары князю. Понятно, что Анбал не был обыкновенным слугой, он принадлежал к ближнему кругу государя. Это подтверждается продолжением «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в Киевском своде: «Прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал [князь] башеть».⁴⁰

Источники XII в. склоняют к мысли, что ключники были привилегированными министерялами, не менее важными, чем тиуны. Были они вольными или рабами, это не имеет особенного значения.

На первый взгляд, удивляет полное отсутствие известий о ключниках в Галицко-Волынской летописи XIII в. Трудно допустить, что княжеский двор Романовичей не знал такой должности, без которой была бы невозможной его повседневная жизнь и функционирование. Составители и редакторы этого памятника почему-то не сочли нужным упоминать ключников. Причину этого историки не знают.

Ловчие, седельники, мытники

Кратко остановлюсь на прочих придворных княжеского окружения: ловчих, седельниках, мытниках. Круг обязанностей каждого был ограничен, зато строго регламентирован, чего нельзя сказать о придворных более высокого ранга.

Ловчие упоминаются в летописях редко, хотя без людей этого рода занятий невозможно представить княжеский двор, особенно в его торжественной ипостаси. Термин «ловчий» означал слугу, готовившего для князя соколов и ястребов и пускавшего их во время охоты. Князья особенно любили охоту с хищными птицами. Владимир Мономах в своем «Поучении» с гордостью вспоминал: «И в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ».⁴¹

В комментарии издателя летописи к этому месту читаем, что ястребиная и соколиная охота на Руси была любимой забавой феодальной верхушки. Еще «Правда Русская» за кражу сокола или ястреба в чьем бы то ни было перевесе (охотничьем уголье) назначает штраф в три гривны. Образы соколиной охоты попали в источники (сравним в «Повести временных лет» под 1097 г.: «И сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ», и в «Слове о полку Игореве»)⁴² Ловчие бывали сильными и храбрыми людьми. Во время Невской битвы 1240 г. Александра Ярославича со шведами «Яковъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Сии, наихавъ на полкъ с мечемъ, и мужествовав много, и похвали его князь», с восторгом пишет новгородский летописец.⁴³

В Галицко-Волынской летописи неоднократно упоминаются княжеские «ловы» и охотничьи подвиги князей, но исключи-

тельно во время охоты на крупного зверя. Поэтому, вероятно, ловчим, имевшим в руках соколов и ястребов, не нашлось места на его страницах.

Седельничий. Мне известно лишь одно упоминание о служащем этого наименования в Галицко-Волынской летописи:⁴⁴ «Василько приа Белзъ, Ивана же посла, сѣделничего своего, по невѣрныхъ Молибоговичехъ и по Волѣдрисѣ, и изымано бысть ихъ 20 и 8 Иваномъ Михалковичемъ».⁴⁵ Это произошло в 1231 г. Перед тем источник рассказал о неудачном заговоре бояр Молибоговичей, имевшем целью убить Даниила Романовича. Поход Ивана Михайловича, вероятно, был карательной акцией против заговорщиков. Наверное, звание седельничего было важным придворным чином, вроде позднейшего конюшего, уж если князь поручил ему столь важное дело. На это указывает и то, что книжник почтительно именует Ивана по отчеству.

Мытник. Сборщик мыта, торгового сбора. Эта должность существовала при каждом княжеском дворе, но упоминается она в летописи очень редко. В южнорусских сводах мне встретилось лишь одно известие о мытнике, зато весьма колоритное. В 1150 г., во время войны за Киев между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким, Изяслав послал своего брата Владимира на Белгород, расположенный недалеко от стольного града. В Белгороде сидел сын Долгорукого Борис. Киевский летописец иронически пишет: «В то же веремя Борисъ пѣшеть в Бѣлѣгороде, на сѣньници, с дружиною своею, и с попы бѣлогородьскими, аще бы митникъ [не] устереглъ и моста не переметалъ, то яли бы быша».⁴⁶

Галицко-Волынский свод и другие летописи XIII в. неоднократно называют различных лиц, постоянно находившихся при княжеском дворе, но не очерчивают круга их обязанностей. Это «нарочитые (большие, велиции, вячшии, старейшие, добрыи, лучшии, лепъшии, старейшии, чesътнии) мужи», бывшие наиболее привилегированной частью свободного населения Древней Руси, как городского, так и сельского. Неоднократно летописец именует так и бояр. Упоминают источники XII—XIII вв. и огнищан, принадлежавших к высшим слоям феодального общества.

* * *

Деятельность государственной службы (двора) Романовичей, так же как и других князей того времени, обеспечивала потребности княжеской власти в возвышении авторитета государя, помогала ему. Однако сама по себе она была не в состоянии решать основные задачи внутренней и внешней политики государства. Княжеский двор всегда играл вспомогательную роль, в лучшем случае он способствовал деятельности государя, в других лишь аккомпанировал, а то и препятствовал ей.

Глава 9

ПУБЛИЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЖЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Кажется, лучше всего о ней сказано в работе одного из пионеров разработки темы: двор сыграл исключительную роль в обеспечении нематериальных форм верховной власти. Другими словами, в ее отражении или выражении, в символических эквивалентах, художественных и идеологических образах. Двор монархов бывал грандиозным и ослепительно ярким театром королевской власти.¹

Процедуры коронации, помазания, исцеления, церемониала и этикета двора как системы поведения за столом, торжественное заключение брака, отход ко сну, аудиенции, наконец, праздники двора, рыцарские турниры, игры и охота, цвет и крой ливрей придворных слуг — все они устанавливали и закрепляли важные для сознания подданных представления о величии монарха и грандиозности дистанции, отделявшей его от обычных смертных.

Обоснование и пропаганда законности действий государя

Проводниками идеи величия и богоизбранности власти государя были поставленные им на службу литераторы и артисты. На Руси это почти всегда летописцы, а также поэты, художники, певцы, сказители. Особенно четко этот феномен

своеобразного идеологического прислужничества отразился в истории галицкого княжеского двора, главным и во многих случаях единственным памятником чего является Галицко-Волынская летопись, созданная как апология Романа Мстиславича и его потомков Романовичей.

Основная идея этого летописного свода особенно отчетливо просматривается в относящейся к 1205—1245 гг. части (Летописце Даниила Галицкого) и состоит в восхвалении и пропаганде сильной, никем и ничем не ограниченной княжеской власти. Авторы, составители и редакторы этого историко-литературного памятника возвеличивают своих героев, отстаивают необходимость верховной власти государя, хранителя законов, способного защитить народ и от внешнего врага, и от боярского своеволия. Литераторы если прямо и не принадлежали ко двору монарха, то по существу были его идеологами и репрезентантами. Поэтому существуют все основания рассматривать Галицко-Волынскую летопись в качестве придворной хроники Романовичей, пропагандиста их власти, возвеличения княжения потомков Романа Великого, как назовут его в недалеком будущем, а составителей летописи рассматривать все же людьми княжеского двора.

Летописцы обосновывают необходимость существования сильного государства с прочной княжеской властью, централизованным управлением, безусловной зависимостью земельных магнатов, бояр от монарха. Потому что государство в Средневековье — это и есть государь, правящий в нем, окруженный группой ближайших должностных лиц и советников (двором). Эта последовательно проведенная в своде идея в условиях удельной раздробленности Руси, разделенного на части Галицко-Волынского княжества (каким оно оставалось после смерти Романа в течение четырех десятилетий), безусловно, была исторически прогрессивной и находила постоянную поддержку в народе, прежде всего среди широких масс городского населения, особенно бюргерства.

Книжники восхваляют и возвеличивают Романа и Романовичей, начиная буквально с первых строк сохранившейся части источника. Открывающий ее величественный и эмоционально-восторженный панегирик Роману Мстиславичу — не что иное,

как высокая мечта об идеальном князе. Автор панегирика видит в нем «приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всѣмъ поганьскимъ языкомъ [народы], ума мудростию ходяще по заповѣдемъ Божиимъ...»,² далее следует знаменитый рассказ о подвигах князя Романа в борьбе с «погаными». Он совершал их, следуя своему «деду» Владимиру Мономаху.³ Обратим внимание читателя на слова панегирика «ума мудростию ходяще по заповѣдемъ Божиимъ», ими подчеркивается следование галицко-волынского князя наставлениям Господа и тем самым — высшая законность деяний князя Романа в войнах против жестоких степных кочевников, главных и неизбежных врагов Русской земли.

Величественный панегирик Роману Мстиславичу задает высокую эмоциональную тональность дальнейшим рассказам свода о подвигах его сына Даниила в битвах за родную землю. Панегирик подводит правовой фундамент под действия Романовичей в отстаивании родной земли, делает законными в очах идеологов-летописцев, следовательно, и народа, прислушивавшегося к ним, любые действия князей в подавлении хищного и «беззаконного» боярства и агрессивных соседей: Венгрии, Польши и Литвы.

Прославляя Даниила и Василька, галицкие авторы и редакторы постоянно подчеркивают факт их происхождения от Романа, потомка Владимира Святого, говорят о величии их поступков и ставят деяния Романовичей на уровень свершений их великого отца. Описывая победоносную войну Романовичей против агрессивных ятвяжских князьков, книжник восклицает: «И прийдоста съ славою на землю свою, наслѣдивша путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изострился на поганя, яко левъ, имъ же половци дѣти страшаху».⁴ Мы видим здесь откровенный перепев панегирика Роману Мстиславичу в начале свода.

Когда через несколько лет Даниил вновь победит ятвягов (их громил и его отец), летописец отметит: «По великомъ бо князи Романѣ никто же не бѣ воевалъ на нѣ в рускыхъ князехъ, развѣ сына его Данила».⁵ Ради апологии своих князей галицкий писатель вспоминает воинские свершения и более далеких славных предков Романа и Романовичей. Поведав читателю об

их победоносной войне с Польшей, он с восторгом воскликнет: «И внидоста съ славою въ землю свою: иный бо князь не въходилъ бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера Великаго, иже бѣ Землю крестилъ».⁶ Воспоминание о крестителе Руси Владимире придает особенную торжественность этой записи и возносит деяния Романовичей на уровень святого подвига их далекого предка.

Галицкий повествователь постоянно подчеркивает любовь Романовичей к простым людям, заботу князей о них, защиту от боярских притеснений и иноземных агрессоров. И народ платил своим князьям преданностью и привязанностью, постоянной поддержкой в их государственной деятельности. В 1238 г. Даниил решил вернуться себе Галич, в котором сидел боярский ставленник, черниговский княжич Ростислав Михайлович. Подъехав верхом к городским воротам, Даниил обратился к горожанам с просьбой принять его в князья. «Они же въскликнувши рѣша: „Се есть дръжатель нашъ, Богомъ даный!“ и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчелы к матцѣ, яко жажущи воды къ источнику».⁷

Явно фольклорное происхождение имеет следующий рассказ летописи, уже упоминавшийся мною. В схватке с боярством Даниил будто бы остается один без поддержки, лишь с 18 младшими дружинниками, и созывает вече в Галиче с просьбой помочь ему против бунтовщиков-бояр: «„Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги моа?“ Онѣмъ же кликнувшимъ: „Вѣрни есмы Богу и тебе, господину нашему, изыди з Божию помощю [на врага]“; соцькый же Микула рече: „Господине! Не погнетши пчель, меду не ясти!“»⁸

Речь шла о могущественном галицком боярстве. Польская хроника XIII в. прибегает к распространенному в славянском мире образу. Описывая жестокую борьбу отца Даниила Романа против тех же бояр, с которыми пришлось воевать его сыну: нельзя безопасно лакомиться медом пчел, пока не будет уничтожен их рой⁹! Эта история свидетельствует о поддержке политически сознательными горожанами Галича борьбы Даниила против мятежных, жестоких и жадных бояр.

Свою государственную деятельность Романовичам пришлось проводить, преодолевая сильное, упорное и многолет-

нее сопротивление внутреннего и внешнего врага. Неслучайно логическую ткань изложения первой составной части извода, Летописца Даниила Галицкого, в двух местах как бы внезапно разрывают торжественные и тревожные слова, идентичные по смыслу и почти тождественные по форме: «Начнем же сказати бесчисленьныа рати, и великиа труды, и частыа войны, и многыа крамолы, и чыстая вѣстания, и многыа мятежи, измлада бо не бы има покоа».¹⁰ Последние слова относятся к братьям Романовичам, которым пришлось много потрудиться на ниве государственного строительства и управления, вести нескончаемые войны, противостоять многим «крамолам», подавлять частые восстания и многие мятежи. Эти крамолы, восстания и мятежи были делом рук великих галицких бояр, бешено противодействовавших восстановлению Романовичами сильного и объединенного Галицко-Волынского княжества, созданного их отцом. Процитированные слова относятся к концу 1220-х гг. — времени, когда Романовичи начали восстанавливать и объединять Волынское княжество, и сразу же встретили сопротивление боярства.

Не единожды с гневом и осуждением описывают составители Галицко-Волынской летописи открытые вооруженные выступления бояр против своих сюзеренов. В 30-х гг. XIII в. бояре неоднократно инициировали вторжения венгерских войск в Галицкую землю¹¹ и даже принимали участие в походах короля против Романовичей. Во время одной из битв бояре попытались убить Даниила Романовича, но добрый конь вынес его из пламени боя.¹²

Галицко-Волынская летопись клеймит позором поступки тех бояр, которые стремились отдать Галицкую землю Венгрии. Изгнанный Даниилом за предательство великий боярин Судислав подстрекает венгерского короля идти немедленно воевать Галич: «Судиславу глаголющу непрестанно: „Изыдѣте на Галиць и приимѣте землю Рускую; аще не пойдеши, но укрѣпятся на ны [Романовичи]“».¹³ Летописец гневно осуждает Судислава и других галицких бояр.

Притом что великие галицкие бояре посягали на княжеский престол, они все же отдавали себе отчет в том, что князем на Руси может быть лишь Рюрикович. Поэтому в кровавом проти-

востоянии со своими законными господами Романовичами они с самого начала пытались опереться на каких-то других русских князей, которыми можно было бы руководить и манипулировать. Составители и редакторы нашего извода постоянно и гневно осуждают подобных слабохарактерных и корыстных князей, пособников бояр в дурно пахнувшем деле бунта против Романовичей — «мятеже земли».

Таким образом, есть основания говорить об относительно целостном идейно-политическом кредо авторов, составителей и редакторов Галицко-Волынского свода, в основу которого заложена апология сильной, не ограниченной боярской оппозицией княжеской власти Романовичей. Тем самым книжники выполняли главное идеологическое задание руководителей княжеского двора.

Церемониал и этикет княжеского двора

Жизнь двора средневекового монарха с ее разнообразием и неоднозначностью была строго регламентирована и в будничных, и в праздничных проявлениях. Двору любого европейского государства были присущи характер и порядок процедур и церемоний. Не был исключением и княжеский двор Романовичей, по своей пышности и богатству, особенно во времена существования восстановленного Даниилом Галицко-Волынского княжества (1245—1264 гг.), не уступавший дворам ни Венгрии ни Польши, ни владимиристо-суздальского и киевского князей. Утверждать это позволяют пусть и скудные, но красноречивые свидетельства древнерусских и западноевропейских источников.

Письменные сводки церемоний и этикетных норм жизни двора монарха, как ни удивительно, появляются в Европе сравнительно поздно, в конце XVI—первой половине XVII в., при том что дворы основных европейских монархов сложились достаточно рано, к XII в. Это же можно сказать и о Руси. Ведь пышность и блеск дворов киевского и галицкого государей того времени засвидетельствована летописями и другими литературными памятниками.

Придворному церемониалу, в частности инаугурационным торжествам, принадлежало важное место в процессе легитимизации власти, ее прославления и усиления ее авторитета.¹⁴ Западноевропейские историки называют немалое количество трактатов и реестров этикетных и церемониальных норм и выделяют несколько из них.

К ним принадлежит «Французский церемониал», созданный в первой половине XIII в. видным юристом при дворе Людовика XIII Теодором Годфруа. Он приводит перечень и описание главных публичных церемоний двора, бытовавших в XV—XVI вв. К ним относятся королевское посвящение (инаугурация), торжественный въезд монарха в город, свадьбы государей и членов их семей, парадные приемы, рождение королевских детей, встречи пап и монархов, торжественные процессии.¹⁵ В той или иной степени придворные церемонии и дворцовый этикет отразились в древнерусских источниках, прежде всего в Галицко-Волынском своде. Притом что этот источник сосредоточил внимание совсем на иных вещах.

Восхождение на стол

Тема восхождения (посаждения) на княжеский стол отражена в Галицко-Волынской летописи, однако не с той полнотой, которой заслуживало бы это инаугурационное торжество. Примем во внимание, что восхождение на стол в условиях почти непрерывной борьбы Романовичей с боярством и внешним врагом не могло происходить особенно торжественно, хотя в отдельных случаях летописец все же придает определенную торжественность описанию событий.

В 1211 г. десятилетнего Даниила посадили на стол Галича. Это произошло в результате хитроумных политических комбинаций при участии главным образом венгерского короля, нескольких западнорусских князей, волынского и галицкого боярства. Тогда король Андрей был заинтересован в том, чтобы маленький еще мальчик Даниил на короткое время сел на галицкий престол. Показательной выглядит формула Галицко-Волынского свода, которой летописец описал занятие Дани-

илом отцовского престола: «Тогда же бояре володимерьстии и галицкыи... и воеводы угорьский посадиша князя Данила на столѣ отца своего».¹⁶

Торжественная запись источника ясно показывает, кто тогда был подлинным хозяином Галицко-Волынской Руси: великое боярство, лидеры которого с уважением названы летописцем (Вячеслав владимирский и Владислав галицкий), и посадило «отчича» Романовича в Галиче и княжестве, считая их принадлежащими ему, боярству. Сопутствующие этой записи слова «король же Андрѣй не забы любви своея първыа, юже имѣаше ко брату си великому князю Роману»,¹⁷ ясно говорят, что Андрей II демонстративно выполнял условия тройного русско-венгерско-польского договора.

Совсем иначе выглядит запись в Галицко-Волынском изводе об овладении Галичем старшим Романовичем в 1238 г. Призванный горожанами стольного града княжества, Даниил собрал войско и двинулся на Галич. Приблизившись к валам города, он спросил у стоявших на них людей, долго ли они будут терпеть власть «иноплеменныхъ князей?» Имелся в виду Ростислав черниговский, не имевший династических прав на Галич и землю. «Градский мужи», верхушка горожан, с восторгом восприняли эти слова и бросились к Даниилу, «яко дѣти къ отцу и яко пчелы къ матцѣ». После этого дворский и епископ вынуждены были позвать Даниила на стол. Летописец торжественно сообщает: «Данило же вниде въ градъ свой, и прииде къ пречистѣй и святѣй Богородици, и прия столѣ отца своего, и обличи побѣду и постави на Немецькыхъ вратехъ хоруговь свою».¹⁸ В процитированном тексте Даниил властно овладевает Галичем. Въезд государя в город приветствуется горожанами, верхушка города и земли вынуждена покориться властелину, и все это с торжеством описывает верный своему князю книжник. Собственно, в этом рассказе речь идет об инаугурации Даниила Романовича, но краткость его и отсутствие на Руси традиции описания подобных событий лишают нас возможности в полной мере прочувствовать торжественность минуты.

Династические браки

Важной составной частью церемониала русского княжеского двора были межгосударственные (межкняжеские) браки, заключавшиеся обычно из политических соображений. Издавна они служили достаточно эффективным средством заключения и укрепления дружеских и военных союзов между главами княжеств. В источниках отразились и изучались историками международные брачные связи русских князей древнерусского времени. Меньше внимания уделялось династическим бракам в среде самих Ярославичей. Между тем они, точно так же как и международные, эффективно использовались в отношениях между князьями.

Эпохе удельной раздробленности было свойственно постоянное и временами особенно острое напряжение в отношениях между государями тех или иных русских княжеств. Заключалось множество соглашений между князьями, большинство из которых сразу же нарушалось. Ведь реальных гарантий их исполнения в те времена не существовало. Поэтому династические браки принадлежали к числу относительно надежных печатей, скреплявших мирные, дружественные и союзные договоры.

Вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что известия летописцев о династических браках на Руси делаются более частыми с середины XII в. Безусловно, они заключались и раньше, но летописцы мало писали о них. Перед этим (накануне раздробленности) можно припомнить лишь два важных династических брака, состоявшихся в 1143 г.: киевский князь Всеволод Ольгович женил сына Святослава на дочери полоцкого князя Василька Рогволодовича Марии,¹⁹ а претендент на киевский стол Изяслав Мстиславич, тогда волынский князь, «отда дочь свою Полотъску за Борисовича за Рогволода».²⁰ Возможно, оба князя стремились заручиться поддержкой полоцких князей (обычно не принимавших участия в соперничестве вокруг Киева) в будущем противостоянии за власть на Руси.

Но если браки 1143 г. преследовали все же частные политические цели, то действия на брачном поприще Юрия Долгорукого в разгаре войны за Киев с племянником Изяславом Мсти-

славичем 1150 г. имели целью сколотить союз против соперника, втянув в него клан Ольговичей и сильного тогда галицкого князя Володимерка Володаревича: «Вда Гюрги дчерь свою [Елену] за Святославича за Олга, другую [Ольгу] за Володимирича за Ярослава в Галичъ»,²¹ поведал киевский книжник.

Наступление XIII в. принесло Древнерусскому государству еще большую децентрализацию. Государи Севера и Юга продолжали заключать союзы и налаживать отношения при помощи все тех же династических браков. В 1219 г. Даниил Романович не смог завладеть галицким столом, потому что бояре при содействии польского государя Лешека Белого посадили в Галиче новгородского князя Мстислава Мстиславича из рода смоленских Ростиславичей. Тогда советники двора Даниила предложили ему заключить династический союз с Мстиславом: «Поя у него [Мстислава] Даниль дъщерь именемь Анну, и родишася у него сынове и дщери: пръвенець бо бѣ у него Ираклѣй, по немь же Левъ, по немь Романъ, Мьстиславъ, Шварно, инии бо млади отъидоша свѣта сего».²²

Близкий к Романовичам галицкий хронист, думаю, не от многословия перечислил сыновей Даниила, это было своеобразным прославлением династии, особенно если принять во внимание византийские имена старших княжичей Ираклия и Льва. До сей поры остается непонятным происхождение этих имен в семействе Романа Мстиславича. Некоторые историки полагают, что это была дань матери Даниила, будто бы принадлежавшей к византийской аристократии. Но версия византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича, матери Даниила и Василька, не подтверждается источниками. Вероятнее всего, она была волынской боярышней.²³

Уже в зрелом возрасте, когда первая его жена Анна умерла, Даниил Романович женился во второй раз на племяннице князя Миндовга.²⁴ Но и во времена Миндовга мирные отношения Литвы с Русью перемежались военными противостояниями. В 1252 г. Миндовг проиграл большую войну Даниилу, потеряв в сущности Черную Русь и треть контролируемой им ранее Земли ятвягов. Поэтому он вынужден был просить мира у галицко-волынского князя: «Присла Миндовгъ къ Данилу, прося миру и хотя любве о сватьствѣ».²⁵ Дело тянулось долго, навер-

ное, Даниил не доверял неверному литовскому князю. Наконец в 1254 г. сын Миндовга Войшелк от имени отца «сътвори миръ съ Даниломъ и вда дщерь Миндогову за Шварна [сына Даниила], сестру свою». Другой сын галицко-волинского князя Роман получил от Войшелка владения в Черной Руси, и без того завоеванной к тому времени Даниилом: Новогрудок и Слоним.²⁶

Можно согласиться с мнением М. С. Грушевского, что соглашение с Литвой 1254 г. наряду с покорением тогда Даниилом Ятвяжской земли было выгодно ему в стратегическом плане. Оно продвинуло рубежи Галицко-Волинского княжества на север. Сыновья же Даниила, получившие волости в литовских землях, осуществляли его политическое влияние на литовских бояр и князей.²⁷

Высшим достижением брачной дипломатии Даниила Романовича следует считать женитьбу его сына Льва на венгерской принцессе Констанции. С самого детства Романовичам приходилось с напряжением сил отражать наступление Венгерского королевства на Галицкую землю. Изменники-бояре не единожды сажали на стол Галича венгерского королевича, призывали самого короля взять себе Галицкую землю.

Решительный поворот в галицко-венгерских отношениях наступил только после 1245 г., когда Даниил Романович сначала разгромил приведенное его соперником Ростиславом Михайловичем венгерское войско в битве у галицкого города Ярослава, а затем благополучно возвратился из Орды с ярлыком Батыя на Галицко-Волинское княжество. В 1246 г. «присла король угорьскый [к Даниилу], <...> река: „Поими дщерь мою за сына своего Лва»». Галицкий летописец просто объяснил неожиданную симпатию Белы IV к Романовичу: «Бояше бо ся его [Даниила], яко был бѣ у Татарехъ, побѣдою побѣди Ростислава и угры его».²⁸ Это был вынужден признать и сам венгерский король в письме к папе Иннокентию IV.²⁹ Тогда король Бела начал войну с Австрией и рассчитывал, очевидно, на помощь Галицко-Волинского княжества.

Однако Даниил не торопился принимать лестное предложение венгерского монарха, которое бы он охотно принял еще несколькими годами раньше. Теперь он чувствовал себя полным хозяином в Галицко-Волинской Руси. Князь «помысливъ же

си съ братомъ, глаголу его [короля] не уя вѣры». Тогда Бела IV воспользовался пребыванием в Венгрии галицкого митрополита Кирилла и всячески убеждал его помочь в заключении соглашения с Даниилом. Митрополит поставил королю условие: «Клятвою клени ми ся, аще не премениши слова своего». Получив необходимые заверения от Белы, Кирилл посоветовал Даниилу Романовичу согласиться на брак сына с королевною, после чего галицко-волынский князь «сътвори с нимъ [Белой] мир».³⁰ С этого времени отношения между Галицко-Волыньским княжеством и Венгрией оставались в основном дружественными, часто бывали союзническими.

Придворные развлечения

Точно так же, как дворы западноевропейских монархов, княжеский двор Романовичей был своеобразным театром роскошной публичной жизни. Это значило для Даниила тем больше, что окружавшая его действительность далеко не всегда соответствовала подобной жизни, она была полна головокружительных приключений, в которых временами жизнь и его, и брата Василька висела на волоске. Жизнеописание Даниила тем не менее производит впечатление того, что князя уделяли много внимания придворным развлечениям. Больше всего свидетельств источников относится к сюжету прославления князей их окружением, людьми двора.

Певцы и трубадуры

Как известно. Галицко-Волынский свод открывается почувствованным панегириком основателю династии Романовичей. Истоки летописной похвалы Роману Мстиславичу, его обожания галицкими и волыньскими книжниками берут начало в устном народном творчестве. «Созданию песен и сказаний способствовала колоритная биография этого князя, сидевшего и на новгородском, и на киевском столах, объединявшего власть над Волынью и Галичем, воевавшего то с Ятвягами, то

с Польшей, то громившего половцев, то решительно расправлявшегося со своей женой, тещей и тестем, которых он разом постриг в монахи, невзирая на то, что его тесть — сам великий князь киевский Рюрик Ростиславич».³¹ Б. А. Рыбаков считал, что панегирик Роману имел в своей основе, возможно, какую-то «славу» — хвалу князю, сочиненную придворным поэтом, подобным «словутьному певцу Митусе», который одно время служил его сыну Даниилу.

Из устного народного творчества почерпнут и следующий текст этого панегирика: «Ревнова же [Роман] бо деду своему Мономаху, погубившему поганяя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во Обезы, за Железные врата. Сырчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю...»³² Фольклорный характер рассказа о славной борьбе Владимира Всеволодича, прапрадеда Романа, против натиска Половецкой степи уже давно отмечен учеными. Высказано предположение, будто этот панегирик Мономаху создан под влиянием половецкого эпоса. Некоторые считают его даже отрывком из этого эпоса, поскольку он содержит черты, характерные для половецких быта и обычаев.³³

Четверть века после этого, в описании победоносной войны Романовичей против агрессивных ятвяжских князьков (которые почти ежегодно грабили северо-западные рубежи Волыни), галицкий книжник восклицает: «И многы хрестианы отъ плѣнѣния избависта, и пѣснь славну пояху има [Романовичам], <...> и прийдоста съ славою на землю свою, наслѣдивша путь отца своего великого князя Романа, иже бѣ изострился на поганяя, яко левъ, имъ же половци дѣти страшаху».³⁴ Мы видим здесь откровенное заимствование из панегирика Роману и Мономаху в начале сохранившейся части Галицко-Волынского свода.

Смысловое и текстуальное подобие эта похвала Роману имеет и с панегириком Владимиру Мономаху в литературном произведении 30-х или 40-х гг. XIII в. «Слово о погыбели Руской земли», где Мономах назван главным защитником Русской земли. Слова «песнь славну пояху има» в современной им поэзии, вероятнее всего, дружинной, в рассказе нашего летописца о победе Даниила и Василька над ятвягами есть свидетельство прославления Романовичей в устном народном творчестве. Так

создавалась историческая и одновременно поэтическая память галицко-волынским государям в летописи и фольклорных памятниках.

Творцы Галицко-Волинской летописи постоянно пишут о том, что своими воинскими подвигами Романовичи достойно продолжили полководческую деятельность своего отца. После громкой победы Даниила над ятвягами, поставившей этот неспокойный народ на грань истребления, летописец с гордостью за своего героя замечает: «Яко дань платили суть ятвязи же королеви Данилу, сынови великаго князя Романа. По великомъ бо князи Романъ никто же не бѣ воевал на нѣ [ятвягов] в рускыхъ князехъ, развѣ сына его Данила».³⁵ Действительно, в 1196 г., по свидетельству киевского летописца XII в., «ходи Романъ Мьстиславичъ на ятвягы отомыщиваться: бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде в землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша во свои тверди...»³⁶ В этих кратких зримо идется образ того Романа, который храбро бросался на кочевников, словно лев...

Не единожды галицкие и волинские авторы, истинные люди княжеского двора (даже если они формально и не входили в его состав), пишут о «славах», провозглашавшихся Романовичам современниками. По их мнению, иначе нельзя было относиться к Роману Мстиславичу и его славным сыновьям. Летописец поведал о том, как Даниил Романович в 1241 г. велел подавить очаг боярской оппозиции в Перемышле. Там был захвачен в плен певец, своеобразный трубадур, воспевавший боярские вольности и восхвалявший, вероятно, протесты бояр против князя: «Словутнаго певца Митусу, древле за гордость не восхотѣвшу служить князю Данилу, раздранаго акы связаннаго приведоша...».³⁷ Эта «гордость» Митусы (вероятно, уменьшительное имя от Дмитрий) показалась книжнику особенно возмутительной, ибо «слава» Романовичам, по его мнению, всецело объяснялась их славными делами.

Перемышльский епископ имел богатый и пышный двор. При этом дворе и жил «словутный» певец Митуса, о котором летописец с иронией пишет, что когда-то он из гордости не желал служить Даниилу, а теперь его привели пред очи князя, связанного и униженного. Для галицкого книжника, искренне

восторгавшегося Даниилом Романовичем, Митуса был, наверное, олицетворением ненавистной летописцу боярской и церковной анархии.

Нам почти ничего не известно о театральном и музыкальном искусстве Древней Руси. На фресках Софийского собора в Киеве изображены акробаты, но нет уверенности в том, что это русские, а не византийские артисты. Точно так же неясно, византийский или русский орган нарисован на одной из фресок. Если ученые хорошо знают, что на Руси XI—XIII вв. существовала историческая литература (летописи) и произведения высокой художественной литературы, например «Слово о полку Игореве», то почти ничего не известно о певцах, сказителях былин, исполнителях дружинных и исторических песен. Тем ценнее видится краткий рассказ галицкого летописца о знаменитом певце Митусе, человеке гордом и независимом.

Об этом средневековом артисте, вероятно, талантливом и ценимом в обществе, мы узнали случайно, лишь потому, что его жизненный путь пересекался с путем галицко-волынского великого князя Даниила. Волей судьбы Митуса оказался вовлеченным в политическую борьбу в Галицко-Волынском княжестве и стал ее жертвой, как обычно бывает с людьми, от политики далекими, прежде всего художниками.

Люди этого рода занятий жили и творили также в других городах Древней Руси. Ведь Русь издавна имела придворных поэтов и певцов. Вспомним Бояна, возвеличенного в «Слове о полку Игореве»:

Ибо Боян вещий,
если кому хотел песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

(ритмический перевод
Д. С. Лихачева)³⁸

В последние годы исследователи все больше склоняются к мысли, что «Слово» долгое время жило в устной форме, его исполняли певцы на княжеских собраниях и пирах, вероятно, под аккомпанемент лютни или гуслей.

В написанном Нестором «Житии Феодосия Печерского» говорится, что когда он однажды в начале 70-х гг. XI в. пришел во дворец киевского князя Святослава Ярославича, то увидел артистов, игравших и певших, развлекаая государя и его гостей, одни — на гусях, другие — на органе. Возможно, именно такой орган изображен на одной из фресок Софийского собора в Киеве.

Время от времени в летописи и западноевропейские хроники попадали отрывки песен, созданных галицкими придворными поэтами и певцами. Польский историк XV в. Ян Длугош пересказал отрывок песни, созданной при дворе тестя Даниила Романовича Мстислава Удатного. Галицко-Волынская летопись открывается величальной песней Роману Мстиславичу, созданной в духе высоких образцов средневековой поэзии. Его сыновья Даниил и Василько имели при своих дворах подобных певцов, о чем мы узнаем из нескольких упоминаний об этом в летописи 50-х гг. XIII в.

Наиболее вероятным кажется предположение, что Митуса и был придворным поэтом, знаменитым певцом, что подтвердил даже отрицательно относившийся к нему галицкий летописец. Вероятно, он исполнял речитативом собственные песни под аккомпанемент арфы (гуслей) или лютни. Вспоминается образ старшего современника Митусы, всемирно известного провансальского трубадура Бертрана де Борна (1140—1215 гг.), автора и исполнителя воинственных песен-сирвент, в которых воспевались феодальные «мятежи» (о них часто вспоминает Галицко-Волынская летопись) и войны. Им прославлялись князья и короли, безостановочно воевавшие то ли с врагами страны, то ли друг с другом. Дожив до преклонного возраста, Бертран решил, что лучше умереть от руки врага в бою, чем тихо отдать душу Богу от старости на собственном ложе.

Яркую характеристику дала этому самому знаменитому трубадуру известная исследовательница Средневековья О. А. Добиаш-Рождественская в 20-х гг. XX в.: на трезвый взгляд, писала она, этот поэт произвел бы впечатление сумасшедшего. Его «идея» крайне элементарна. Он желает лишь одного: чтобы вокруг него не останавливалось взаимное истребление, он уважает лишь тех, кто дерется, и презирует тех, кто этого не делает.³⁹

Обычно трубадуры, особенно жившие при дворах больших и заносчивых сеньоров, прославляли феодальную анархию, выступая против централизации средневековых держав. Кажется, именно таким и был Митуса.

Пирьы, рыцарские поединки и турниры, охота

Пирьы принадлежат к древнейшим ритуалам княжеского двора. Они берут начало в глубинах времен, в эпоху, когда двора как властной структуры еще не существовало, а князь советовался и пировал со своей дружиной. В представлении многих поклонников отечественной старины киевский государь, креститель Руси, был знаменит более всего своими пирями. Пирьы являются неременной принадлежностью былин так называемого Киевского цикла, главным героем которых выступает Владимир Красно Солнышко.

Изучавшие этот эпический жанр ученые считают, что большое количество пиров в былинах вовсе не случайно. Былины, вероятно, исполнялись на пирах, они отразились в древнейшей из сохранившихся летописи — «Повести временных лет». Наряду с необходимостью постоянного пополнения дружины основной функцией банкетов Владимира и его преемников была «дума» с князем.⁴⁰

Историки неоднократно отмечали, что властные слои общества устраивали пирьы с целью собственной легитимизации и презентации. Банкеты были также важной формой взаимодействия власти и населения.⁴¹ Наконец, государь, организуя торжественные приемы, стремился привлечь симпатии народа. Вероятно, подобную цель преследовал Ярослав Владимирович, который после освящения храма в честь Бориса и Глеба устроил торжество, по сути своей бывшее пиром: «Створи же христолюбєць пирь великъ, праздникъ святоу, не токмо болярємъ, но и всѣмъ людемъ».⁴²

О не связанных с церковными торжествами пирах рассказывает Киевская летопись под 1151 г. Сперва Изяслав Мстиславич торжественно въехал в Киев и «сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего с чєстью великою». Затем он «отъ святоѣ Софьи

поѣха съ братьею на Ярославовъ дворъ, и угры⁴³ позва со собою на обѣдъ и кияны, и ту обѣдавъ с ними на велицемъ дворе на Ярославли». Масштабность и торжественность события и самого обеда подчеркнули конные ристалища: «Тогда же угре на фарехъ и на скокохъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество. Кияне же двияхуся угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ».⁴⁴

Далее в летописи речь идет о разумном политическом и дипломатическом поступке Изяслава, который, дабы нейтрализовать претензии Юрия Долгорукого на киевский стол, сделал своим соправителем старшего брата Юрия — Вячеслава. После этого Вячеслав «уѣха въ Киевъ <...> и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего», он позвал сына своего Изяслава «к собѣ на обѣдъ, и кияны вси...».⁴⁵ Массовость банкета имела целью подчеркнуть торжественность момента: вокняжения, пусть и буферного, старшего в роду Мономашичей в стольном граде Руси.

Иными были предназначение и характер княжеских пиров в Галиче во времена Романовичей. На них князья уже не думали с дружиной, не пополняли состав своей «молодшей дружины» (отроков, дворян). Главной целью банкетов Даниила и Василька было дружеское общение с людьми двора, а также привлечение на свою сторону тех бояр и дружинников, которые колебались в своих политических симпатиях. Летопись донесла до нас свидетельства того, что на банкетах оппозиционно настроенные относительно Романовичей бояре часто вели себя откровенно враждебно.

Осенью 1230 г. мятежные бояре сговорились с двоюродным братом Даниила Александром Всеволодичем, дабы убить его. С этой целью они решили использовать княжеский пир в его дворце: «Сѣдящимъ же имъ в доме и хотящем [боярам] огнемъ [дворец] зажеши».⁴⁶ Лишь счастливый случай спас братьев Романовичей.

Продолжая рассказ о злодействах боярских олигархов против государя, галицкий книжник припоминает: «И нѣкогда ему [Даниилу] в пиру веселящюся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшю. Иногда Богъ да имъ възмездие».⁴⁷ Перед нами редчайший случай, когда галицкий литератор осуждает своего господина за мягкость в отно-

шении боярского рода Молибоговичей — ведь именно «одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ» смертельно оскорбил государя!

Вряд ли книжник отразил реальное событие: князь, да еще и столь храбрый и гордый рыцарь, не стерпел бы публично-го оскорбления от своего вассала. Думаю, что мы имеем дело с распространенным в средневековом рыцарском фольклоре символом самого страшного оскорбления, какое только слуга может нанести своему господину. Вероятно, этот рассказ родился в кругу близких сподвижников Даниила, его «молодшей дружины».

Поединки, турниры. Некоторые историки думают, что также не без влияния западноевропейских рыцарских традиций мог появиться в Галицко-Волынской Руси обычай проведения рыцарских турниров и поединков. Впрочем, обычай решать судьбу битвы в поединке двух витязей был распространен на Руси и фиксируется в летописях с давних времен. Летописцы охотно пишут об этом, повышая тем самым авторитет рыцарского сословия. Вспомним полулегендарную историю поединка между русским парнем и печенежским богатырем, поведенную Нестором под 992 г.

Неисчислимая орда кочевников-печенегов вторглась в Переяславскую землю, Владимир Святославич вышел им навстречу с дружиной и войском. Противники встали на речке Трубеж, и никто не торопился переходить на другую сторону и сблизиться с врагом. Тогда печенежский хан предложил Владимиру решить дело единоборством лучших воинов. Князь согласился на это: «Выпустиша печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужъ Володимерь, и узрѣ и печенѣзинъ и посмѣяся — бѣ бо середний тѣломъ... И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти, и удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша...».⁴⁸ Легенды и сказки о победе русского витязя над великаном печенегом несколько столетий жили на Украине. Безымянный в летописи, он носит в записанных в различных местностях Украины в XIX в. имя Кирилл или Никита. Фольклористы записали сказки с этим сюжетом и в разных областях России.

Именно так решили исход войны в поединке русский князь Мстислав Владимирович и касожский⁴⁹ князь Редедя. Причи-

ной войны был отказ Редеди платить дань Мстиславу, княжившему тогда в Тмуторокани. Биться предложил Редедя, Мстислав согласился. Они начали бороться, стал изнемогать Мстислав, потому что «бѣ бо великъ и силенъ Редедя». Тогда русский князь начал просить Богородицу помочь ему, обещая в случае победы построить церковь в ее честь. Молитва помогла: «И се рекъ, удари имъ о землю. И вынзе ножъ, и зареза Редедю», после чего Мстислав завладел землей касожского князя, его имуществом, семьей и наложил новую дань на касогов, повествует Нестор.

И в позднейшие времена поединок двух богатырей если и не решал судьбу сражения, то открывал его. Стоит вспомнить поединок между русскими богатырями Пересветом и Ослябей и двумя татарскими витязями в самом начале Куликовского сражения 1380 г.

Итак, рыцарские деяния не были чуждыми древнерусским воинам и воеводам. Не пренебрегали ими и сами князья. Галицко-Волынская летопись донесла до нас по меньшей мере два случая поединков, первый среди них был шуточным. Выше речь шла о том, как осенью 1230 г. враждебные Романовичам бояре решились поджечь их дворец во время банкета, устроенного для них князьями. Князей спас счастливый случай: «Богу вложившю въ сердце Василку изыти вонъ, и обнажившю мечь свой играа на слугу королева, иному подхвativшю щить играючи...». ⁵⁰ Вероятно, имитация поединка была столь удачной, а Василько и его напарник бились столь азартно, что бояре Молибоговичи решили, наверное, что Романовичи теперь возьмутся за них с мечами в руках, и бросились в панике бежать, крича: «Свѣтъ [заговор] нашъ раздрушися!» ⁵¹

Настоящий рыцарский турнир устроил многолетний соперник Даниила в соперничестве за галицкий стол черниговский княжич Ростислав Михайлович. Вторгшись с венгерским войском и отрядами мятежных бояр в Галицкую землю летом 1245 г., он не смог овладеть хорошо укрепленными городами-крепостями Перемышлем и Ярославом и стоял, теряя время, столь важное в военных действиях, возле укреплений Ярослава. Галицкий книжник с иронией отметил: «гордящю же ся ему [Ростиславу], и сътвори игру предъ градомъ, и сразившюся ему

съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь, и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знамение». ⁵²

Летописное сообщение бросает свет на интересную и необыкновенную для Руси страницу светской жизни в Галицкой земле. Ростислав Михайлович устроил на западноевропейский манер рыцарский турнир возле валов осажденного им города и сам принял в нем участие, скрестив копьё с каким-то Воршем, возможно, тем самым польским рыцарем, упоминавшемся в Волынской части Галицко-Волынской летописи около 1266 г. ⁵³ В сентенции летописца, завершающей рассказ о поединке Ростислава с Воршем, присущий историку-христианину провиденциализм соединяется с суеверной верой в худые приметы.

Ловы. Охота была излюбленным развлечением феодальной верхушки Руси и других стран средневековой Европы. Поэтому книжники, исходя из сугубо пропагандистских заданий княжеского двора, всячески расписывают охотничьи подвиги князей, ставят мужественных монархов в пример обществу. Уже в первом из дошедших до нас светском литературном произведении Древней Руси «Поучении детям» Владимира Мономаха (первые десятилетия XII в.) читаем: «А се тружахъся, ловы дея <...> конь диких своима руками связаль есмь въ пушахъ 10 и 20 живых конь... Тура мя метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ, вепрь ми на бѣдре мечь отъялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на берды и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде». ⁵⁴ Тот лютый зверь, по мнению некоторых историков, не что иное, как рысь.

Владимир Всеволодич в своем «Поучении» останавливается на своих охотничьих подвигах с немалой гордостью, так же как на военных свершениях. Настолько высоко ценило феодальное общество «ловецкое» умение государя! Далее в «Поучении» он подчеркивает свое внимание к ловам и ловчим, заботе о них: «И в ловчихъ ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣх, и о соколѣхъ, и о ястребѣхъ». Князь ставил войну и охоту на одну доску, о чем можно судить из таких его слов: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь творилъ, дѣла на

войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя»⁵⁵

Уже в самом конце Галицко-Волынского извода его составители с симпатией описывают волынского князя Владимира Васильковича, племянника Даниила Романовича, восхваляя достоинства этого действительно выдающегося человека. Волынский книжник рассказывает, что смертельно больной в то время государь ранее был прославленным на Руси «ловцом»: «Бяше бо и самъ ловець доборь и хороборь, николи же къ ве-преви, но къ медведеви не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли, но скоро самъ убиваше всякий звѣрь. Тѣмъ же и прослылъ бяше въ всей земли, понеже далъ бяше ему Богъ васнь не токмо на одинѣхъ ловѣхъ, но въ всемъ, за его добро и правду».⁵⁶ В этих растроганных и возвышенных словах изложен взгляд общества на государя: он был образцом во всем, а успешные «ловы» принадлежали к основным достоинствам князя.

Охотничье умение и отвага были выдающимися качествами главного героя Галицко-Волынской летописи Даниила Романовича. Даже во время войны государь не забывал об охоте. В 1251 г. мятежный новгород-северский князь Изяслав Владимирович, подговоренный татарами, вдруг решил напасть на Галич. Услышав об этом, Даниил послал против него сына Романа, сам же поехал проводить своих «воев»: «Едущю же ему до Грубешева,⁵⁷ но убивъ вепревь 6, самъ же уби рогатиною 3, а отроки его 3, и въдасть мяса воемъ на путь».⁵⁸ Ходить с рогатиной на могучего и злого зверя, каким был и считается ныне дикий кабан, под силу разве что молодому и сильному человеку. Даниилу же тогда исполнилось пятьдесят лет — возраст на то время очень значительный.

Охота принадлежала и к главным публичным развлечениям государей. В 1164 г. галицкий князь Ярослав Владимирович заключил направленный против Византии договор с Венгрией и поддержал соперника императора Мануила I Андроника Комнина. Киевский летописец сообщает, что «прибеже ись Царя-города братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичъ, и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение».⁵⁹ Андроник подружился с галицким князем, принимал участие в его пирах и ловах, особен-

но отличившись в опасной охоте на громадных туров. Он даже заседал в думе вместе с ближними боярами Ярослава.⁶⁰

Князья делали дорогие подарки друг другу: соколов, ястребов, охотничьих собак и даже гепардов («пардусов»), использование которых на «ловах» на Руси отмечено в источниках. Недаром, думаю, великий воин Святослав Игоревич сравнивается Нестором с гепардом: «Князю Святославу възрaстшю и възмужавшю, нача вои совокупляти, многи и храбры, и легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяще».⁶¹

А в 1147 г. в Москве встретились враги Изяслава Мстиславича киевского Святослав Ольгович и Юрий Долгорукий. Святослав приехал на встречу «в малѣ дружинѣ», т. е. с частью своего двора, а сын его «Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ».⁶² Минет немного более десяти лет, когда тот самый Святослав встретится с главой смоленских Ростиславичей, младшим братом Изяслава Мстиславича Ростиславом, только что взошедшим на киевский «золотой» стол. Ростислав сразу же позвал на переговоры («на обѣдъ») Святослава, одного из руководителей клана чернигово-северских Ольговичей, извечных соперников Мономашичей в соперничестве за власть на Руси. Тот откликнулся на приглашение Ростислава Мстиславича: «Святославъ же ѣха к нему безо всякаго извѣта». Стороны обменялись дорогими подарками: «Да Святославъ Ростиславу пардусъ и два коня борза»,⁶³ вероятно, кони предназначались для княжеской охоты.

Итак, пропагандистская деятельность двора Романовичей, так же как и других князей того времени, способствовала подъему авторитета государя и его власти. Но сама по себе она была не в состоянии решать кардинальные вопросы внешней и внутренней политики князей. Двор всегда играл вспомогательную роль. В лучшем случае он способствовал деятельности монарха, в других лишь сопровождал, а то и противоречил ей. В этом ученые много раз убеждались на примере истории княжеского двора Даниила и Василька Романовичей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Находившейся, согласно многолетним исследованиям, между Вислой и Днепром.

² Повесть временных лет / Подг. текста, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 8.

³ См., напр.: *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей у славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 218.

⁴ В Никоновской летописи под весьма условным 864 г. сказано, что в том году воевали Аскольд и Дир полочан и много зла им принесли (ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 9), а новгородский летописец знает, что эти князья «бѣша ратнии съ древяны и съ улици» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 106). И в том, и в другом случае речь шла о насильственном «окняжении» земель названных союзов племен.

⁵ Повесть временных лет. С. 14.

⁶ Никоновская летопись. С. 9.

⁷ Повесть временных лет. С. 14.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства IX—начала XIII вв. // Исторические записки. М., 1972. № 89. С. 359—360.

¹⁵ Повесть временных лет. С. 66.

¹⁶ Князь не назвал имени своего преемника на княжеском столе, а лишь молвил: «Поручаю в собе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевѣ, сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будет в мене мѣсто» (Повесть временных лет. С. 70). Эта расплывчатая формула была истолкована братьями Изяслава лишь как признание его старшим в роде.

¹⁷ Повесть временных лет. С. 78.

¹⁸ *Котляр Н. Ф.* Соправительство в Древней Руси (XI—начало XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1998.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 125.

²⁰ Там же. С. 126.

²¹ Там же.

²² Без разрешения киевского князя.

²³ Повесть временных лет. С. 128.

²⁴ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 61 (ритмический перевод Д. С. Лихачева).

²⁵ Новгородская первая летопись... С. 208.

²⁶ Князей Даниила и Василька Романовичей, стремившихся подавить боярские мятежи против них.

²⁷ Галицко-Волинський літопис / За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 89.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 147.

²⁹ *Пашуто В. Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. М., 1974. С. 11.

³⁰ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 256, 257.

³¹ Там же. С. 216.

³² *Греков И. Б.* Восточная Европа и распад Золотой Орды. М., 1975. С. 14—15.

³³ Правобережье.

³⁴ Повесть временных лет. С. 65.

³⁵ *Котляр Н. Ф.* Многоглавая власть (Дуумвираты и триумвираты Древней Руси) // Родина. М., 1998. № 3.

³⁶ Одного из виднейших половецких ханов.

³⁷ Слово о полку Игореве. С. 62 (ритмический перевод Д. С. Лихачева).

³⁸ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304 гг. М., 1989. С. 208 и др.

Глава 2

¹ Повесть временных лет. С. 9—10.

² Там же. С. 8, 10, 11.

³ Явно прославляющем полян.

⁴ Повесть временных лет. С. 12.

⁵ Там же. С. 13. Рюрик или княжил в Ладогe, или сидел на Городище вблизи будущего Новгорода, возникшего около середины X в.

⁶ Повесть временных лет. С. 13.

⁷ Service E. R. Origin of State and Civilization // The Process of Cultural Evolution. № 1. 1975. P. 15—16, 74—75.

⁸ Повесть временных лет. С. 14.

⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 322—323.

¹⁰ См. Рогов А. И., Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 101—103.

¹¹ Кия, Щека и Хорива.

¹² Новгородская первая летопись... С. 106.

¹³ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 97.

¹⁴ Повесть временных лет. С. 13.

¹⁵ См.: Fried M. The Evolution of Political Society. N. J. 1967. P. 185—186.

¹⁶ Повесть временных лет. С. 13.

¹⁷ Кузенков П. Поход 862 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003.

¹⁸ Разъединенность северных и южных областей восточнославянского мира в большей части IX в. прослеживается в источниках достаточно четко. А. Е. Пресняков писал по этому поводу, что в начале IX в. политическая жизнь восточного славянства выступает разбитой на два мира: южный русский и северный варяжский. Южный втянут в круг византийских и хазарских отношений и выходит из глуши племенного быта на новые пути боевой и торговой международной жизни... Утверждение славян в бассейне Ильменского озера и по Волхову до Ладожского озера вывело их через раздвинутую финскую массу на пути непосредственных отношений со скандинавами (Пресняков А. Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1983. С. 283). Общая тенденция эволюции восточнославянского общества определена верно.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 14.

²⁰ Повесть временных лет. С. 16.

²¹ Из текста русско-византийского договора известно, что на каждой русской ладье сидело сорок воинов, следовательно, морем к Константинополю приблизилось 80 тысяч вооруженных людей! Количество невероятное, поскольку на Руси тогда жило лишь несколько сотен тысяч. Летописец, сообразно моде своего времени, в несколько раз преувеличил число кораблей Олега и количество людей на них.

²² Повесть временных лет. С. 18.

²³ См. научную публикацию текста памятника: *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 91.

²⁴ Повесть временных лет. С. 80.

²⁵ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 316.

²⁶ *Халанский М. К.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. Ч. 342, № 8; 1903. Ч. 350. № 11.

²⁷ *Мельникова Е. А.* Олгъ / Ольгъ / Олегъ / Helgi Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fontem.* У источника. Сборн. статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005.

²⁸ Повесть временных лет. С. 21.

²⁹ Там же. С. 29.

³⁰ Единовластным выйдет и Рюрик в сообщении Новгородской первой летописи младшего извода: «По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ» (Новгородская первая летопись... С. 107). А. А. Шахматов считал эту летопись ближе к Начальному своду 1095 г., чем «Повесть временных лет», следовательно, к Начальному своду. Однако приведенная цитата ставит под сомнение эту мысль, по крайней мере в словах о единовластии Рюрика. Думаю, что на это место источника повлияли рассказы позднейших летописцев о самовластии Ярополка и Владимира.

³¹ Повесть временных лет. С. 35, 37.

³² *Рогов А. И.* К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 52—53.

³³ Там же. С. 55.

³⁴ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 307.

³⁵ *Юшков С. В.* К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 72—74.

³⁶ *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства IX—XIII вв. // Исторические записки. М., 1972. № 89. С. 358—359.

³⁷ Повесть временных лет. С. 37.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Эта дата условна, так же как большинство дат в «Повести» и Новгородской первой летописи младшего извода за IX, X и начало XI в. Поэтому датировать основание того или другого города по приведенной далее суммарной статье, как это делается многими ныне, никак нельзя.

⁴⁰ Повесть временных лет. С. 54.

⁴¹ Новгородская первая летопись... С. 159.

⁴² *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 158—159.

⁴³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 338.

⁴⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 306.

⁴⁵ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 87—88.

⁴⁶ Marx K. Secret diplomatic history of eighteenth century. L. 1899. P. 76.

⁴⁷ Повесть временных лет. С. 56.

⁴⁸ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983.

⁴⁹ Baumgarten N. Le dernier mariage de Saint Vladimir // *Orientalia Christiana. Romae*, 1930. T. 2. № 64. P. 165—168; См.: Свердлов М. Б. Политические отношения Руси и Германии в X—первой половине XI в. // Проблемы истории международных отношений. Сборник памяти Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 290—291.

⁵⁰ Повесть временных лет. С. 54.

⁵¹ Там же. С. 55.

⁵² Там же. С. 58.

⁵³ Новгородская первая летопись... С. 168.

⁵⁴ Из неопубликованного доклада Брауна в Археологическом обществе. Речь идет об исландских сагах об Олаве Трюгвассоне, Олаве Святом, Харальде Гренландце и др., в которых упоминается конунг Гардов (скандинавское название Руси) Вмсивальд. См.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 132, 141, 157, 210—211, 234—237, 239, 240. Правда, в позднейшей работе Браун заметил, что отождествление Висивальда с Всеволодом Владимировичем противоречит хронологии отраженных в сагах событий, связанных с Висивальдом (*Braun F. Das historische Russland im nordischen Schriftum des X. — XIV. Jahrhunderts // Festschrift Engen Mogk zum 70. Geburtstag-Halle. 1924. S. 160—161*).

⁵⁵ Как Ярослав в 1015 г.

⁵⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 32.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 259 (под 990 г.).

⁵⁸ Повесть временных лет. С. 54.

⁵⁹ Рассказ Титмара о русских делах ого времени исследован в кн.: Ильин А. А. Летописная статья 6523 и ее источник. М., 1967; Королук В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. С. 219 и сл.

⁶⁰ Повесть временных лет. С. 58.

⁶¹ Там же. С. 58.

⁶² Там же. С. 65.

⁶³ Там же. С. 66.

⁶⁴ Там же. С. 65.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 79 (далее — Никоновская летопись).

⁶⁶ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 462, 463.

⁶⁷ Там же. С. 393.

⁶⁸ Никоновская летопись. С. 77.

⁶⁹ Повесть временных лет. С. 66.

⁷⁰ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 38.

⁷¹ Повесть временных лет. С. 66.

⁷² Никоновская летопись. С. 80.

⁷³ Повесть временных лет. С. 71.

⁷⁴ Там же. С. 71.

⁷⁵ Мавродин В. В. Указ. соч. С. 365.

⁷⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 374.

⁷⁷ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории М., 1964. С. 150.

⁷⁸ Повесть временных лет. С. 70.

⁷⁹ *Franclin S. Apocryphal sources of Kievan Russian History // Oxford Slavonic Papers. New series/ 1982. Vol. 15. P. 11. См.: Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. С. 15.*

⁸⁰ Повесть временных лет. С. 70.

⁸¹ Именно так следует понимать известие Воскресенской летописи и некоторых иных сводов в рассказе о предсмертной болезни Ярослава: «Изяславу сущу тогда в Новѣгородѣ, а Святославу в Володимирѣ, а Всеволоду у отца» (ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 333).

⁸² *Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 215.*

⁸³ Повесть временных лет. С. 70.

⁸⁴ В значении «лучшие».

⁸⁵ Новгородская первая летопись... С. 469.

⁸⁶ Эти статьи вписаны в рукопись Археографический комиссии перед Комиссионным списком новгородской первой летописи.

⁸⁷ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 41.

⁸⁸ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 46, 62.

⁸⁹ ПРСЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 333.

⁹⁰ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. С. 181.

⁹¹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 230 и др.

⁹² Толочко П. П. Древняя Русь. К., 1987. С. 86.

⁹³ *Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 154.*

⁹⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 183, 184.

⁹⁵ Юшков С. В. Указ. соч. С. 228.

⁹⁶ Повесть временных лет. С. 91—92.

⁹⁷ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 34—35.

⁹⁸ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 170.

⁹⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства. С. 360.

¹⁰⁰ Поппэ А. О зарождении культа Бориса и Глеба // *Russia medievalis*. T. VIII. München, 1995. S. 66—67.

¹⁰¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 183.

¹⁰² Повесть временных лет. С. 91.

¹⁰³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 172.

¹⁰⁴ Сравним текст Никоновской летописи под поздним 6933 г.: «Волк же служа царю Мусулману с нети своими. Рекше сестричи» (см.: Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 433).

¹⁰⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 490 (см.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 389).

¹⁰⁶ Повесть временных лет. С. 72.

¹⁰⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 490.

¹⁰⁸ Повесть временных лет. С. 71.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. СПб., 1863. Стб. 153.

¹¹⁰ Повесть временных лет. С. 71.

¹¹¹ Никоновская летопись. С. 92; Тверская летопись. Стб. 154.

¹¹² См. рассмотрение этих мнений в кн.: Повесть временных лет. С. 492—493 (комментарий Д. С. Лихачева).

¹¹³ Грушевський М. Указ. соч. С. 53.

¹¹⁴ Повесть временных лет. С. 67.

¹¹⁵ Грушевський М. Указ. соч. С. 46, 52, 363.

¹¹⁶ Повесть временных лет. С. 110.

¹¹⁷ Грушевський М. Указ. соч. С. 75.

¹¹⁸ Там же. С. 86.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 125.

¹²¹ Котляр Н. Ф. Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013. 268 с.

¹²² См.: Паушто В. Т. Международное значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. М., 1974. С. 11 и сл.

¹²³ Котляр М. Ф. Князі-ізгої та удільна роздробленість на Русі // Український історичний журнал. 2011. № 3. С. 4—20.

¹²⁴ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 116.

¹²⁵ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 14—15.

- ¹²⁶ Котляр Н. Ф. Многоглавая власть. Дуумвираты и триумвираты Древней Руси // журн. «Родина». М., 1998. № 2. С. 34.
- ¹²⁷ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 278.
- ¹²⁸ Там же. С. 292.
- ¹²⁹ Там же. С. 323.
- ¹³⁰ Признавай старейшим.
- ¹³¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 324.
- ¹³² Там же. С. 431—422.
- ¹³³ Там же. С. 422.
- ¹³⁴ Потомках Мономаха.
- ¹³⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 458. Датировку событий см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 207.
- ¹³⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 459. Датировку событий см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 207.
- ¹³⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 461.
- ¹³⁸ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 419.

Глава 3

- ¹ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 224—226.
- ² См.: Двор монарха в средневековой Европе. Вып. 1. М.; СПб., 2001.
- ³ Мельникова Е. А. К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы общих процессов зарождения и развития элементов государственности М., 1992. С. 39.
- ⁴ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 29.
- ⁵ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 21.
- ⁶ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 35, 118.
- ⁷ Повесть временных лет. С. 23.
- ⁸ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890. С. 305.
- ⁹ «И послуша ихъ Игорь» (Повесть временных лет. С. 26, 27).
- ¹⁰ Повесть временных лет. С. 30.
- ¹¹ Там же. С. 56.
- ¹² Там же. С. 56.
- ¹³ Там же. С. 64.
- ¹⁴ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII вв. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 370.
- ¹⁵ Новгородская первая летопись... С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 42.
- ¹⁷ Повесть временных лет. С. 102, 117, 118.

- ¹⁸ Там же. С. 26, 27.
- ¹⁹ Там же. С. 27.
- ²⁰ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1, М., 1988. С. 457—458.
- ²¹ *Мавродин В. В.* Социально-политический строй // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. II. Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера. М.; Л., 1951. С. 23.
- ²² *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 391.
- ²³ *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 81.
- ²⁴ *Хачатурян Н. И.* Запретный плод, или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Вып. 1. М., 2004. С. 17.
- ²⁵ *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 160 и др.
- ²⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466—469.
- ²⁷ *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1979. С. 104.
- ²⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 80, 81, 92, 94 и др.
- ²⁹ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 195.
- ³⁰ Новгородская первая летопись... С. 104.
- ³¹ *Котляр М. Ф.* Феномен княжого двору на Русі // Український історичний журнал. 2006. № 4.
- ³² *Кобрин В. В., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в России // История СССР. 1991. № 4. С. 56—57.
- ³³ *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 109, 119.
- ³⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. К., 1905. С. 231.
- ³⁵ Новгородская первая летопись... С. 40.
- ³⁶ Резиденция новгородских князей в нескольких верстах от Новгорода.
- ³⁷ Новгородская первая летопись... С. 60.
- ³⁸ Юрьевич, сын Юрия Всеволодича.
- ³⁹ Новгородская первая летопись... С. 61.
- ⁴⁰ Там же. С. 64.
- ⁴¹ Мстиславич, псковский князь.
- ⁴² Новгородская первая летопись... С. 64.
- ⁴³ Там же. С. 79.
- ⁴⁴ Там же. С. 78.
- ⁴⁵ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 369, 370.
- ⁴⁶ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 591.

⁴⁷ См. напр.: Горский А. А. Указ. соч. С. 80, 81.

⁴⁸ Новгородская первая летопись... С. 51.

⁴⁹ Там же. С. 52, 53.

⁵⁰ Там же. С. 54, 55.

⁵¹ Там же. С. 54—57.

Глава 4

¹ Повесть временных лет. С. 27.

² Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 36.

³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 145—146.

⁴ От слова «гридь» — воин.

⁵ Боровский Я. Е., Толочко П. П. Київська ротонда // Археологія Києва. Київ, 1979.

⁶ Повесть временных лет. С. 74.

⁷ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 288, 426 и др.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Висоцький С. О. Великий Ярославів двір стародавнього Києва // Український історичний журнал. 1998. № 4.

¹⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 276.

¹¹ Там же. С. 276—277.

¹² Там же.

¹³ добрых конях.

¹⁴ мастерству.

¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 402—403.

¹⁶ Повесть временных лет. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 102.

¹⁸ Повесть временных лет. С. 110.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. С. 192.

²⁰ Повесть временных лет. С. 109—110.

²¹ Там же. С. 126.

²² Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 239—240.

²³ Летопись по Ипатскому списку. С. 257.

²⁴ Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 195—199.

²⁵ Гончаров В. К. Древний Галич // Археология Украинской ССР. Т. 3. К., 1978. С. 224.

²⁶ «Крамоле же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ... Съдѣющимъ же имъ в домѣ [Даниила] и хотящимъ огнемъ зажещи...» (Галицько-Волинський літопис. С. 93. Именно этот дворец позже и сгорел).

²⁷ Посла киевского князя Изяслава Мстиславича, смело и независимо беседовавшего с Володимирком.

- ²⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 319.
- ²⁹ *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Архитектура // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л., 1951. С. 281, 282.
- ³⁰ *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Указ. соч. С. 281, 282, 317.
- ³¹ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 332—333.
- ³² *Baumgarten N.* Généalogie et mariages occidentaux des Rurukides Russes du X au XIII siècle. Roma, 1927. Tabl. III. P. 16.
- ³³ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.
- ³⁴ Там же. С. 225.
- ³⁵ Там же. С. 226.
- ³⁶ *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси. С. 80—81.
- ³⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 228.
- ⁴⁰ Там же. С. 226.
- ⁴¹ *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 202.
- ⁴² См.: *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 420.
- ⁴³ Статья А. Жаки в кн.: *Słownik starożytności słowiańskich*. Т. 4. Cz. 1. Wrocław etc. 1970. S. 387—388.
- ⁴⁴ *Грушевський М.* Указ. соч. С. 462.
- ⁴⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 310.
- ⁴⁶ *Грушевський М.* Указ. соч. С. 462.
- ⁴⁷ *Усков Н. Ф.* Кочующие короли // Двор монарха в средневековой Европе. Вып. 1. М., 2001. С. 33.
- ⁴⁸ См. *Усков Н. Ф.* Кочующие короли. С. 33 и сл.
- ⁴⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466—469.
- ⁵⁰ *Котляр Н. Ф.* Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2008.
- ⁵¹ *Котляр М. Ф.* Военне мистецтво Давньої Русі. К., 2005. С. 50, 64 и др.
- ⁵² Кажется, прозвище «Халдѣвичь» свидетельствует об отрицательном отношении галичан к тому жестокому Ивану (халдеи — библейский народ восточного происхождения. Они вели себя недоброжелательно относительно иудеев и Христа).
- ⁵³ Летопись по Ипатскому списку. С. 228.
- ⁵⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 423.
- ⁵⁵ «Вда Гюрги дщерь свою... за Володимирича за Ярослава в Галичъ» (Летопись по Ипатскому списку. С. 275).
- ⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 280.

⁵⁷ *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. С. 228—229.

⁵⁸ Киевские государи с середины XII в. как суверены государства даровали родне волости в великокняжеском домене, Киевской земле. То были небольшие, но престижные владения.

⁵⁹ *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. С. 119—124.

⁶⁰ На Руси князь с семейством обычно стоял на втором этаже храма, на хорах, дабы не смешиваться с прочими прихожанами.

⁶¹ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 318—319.

⁶² *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 434—435.

⁶³ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 319, 320.

⁶⁴ Там же. С. 321.

⁶⁵ *ПСРЛ.* Т. 7. *Летопись по Воскресенскому списку.* СПб., 1856. С. 53.

⁶⁶ *Гудима Ю., Банах І.* Здоров'я володарів галицького престолу // *Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі.* Львів, 2008. С. 170—171.

⁶⁷ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 342.

⁶⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 97.

⁶⁹ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 384—385.

⁷⁰ *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. С. 127.

⁷¹ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 428.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 444.

⁷⁴ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 514.

⁷⁵ «Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! Высоко сѣдиши на своемъ златокланѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными полкы...» (*Слово о полку Игореве.* М.; Л., 1954. С. 22).

⁷⁶ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 444.

⁷⁷ Там же. С. 444—445.

⁷⁸ Перешел Карпаты, издавна служившие кордоном между Венгрией и Галицкой землей.

⁷⁹ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 445.

⁸⁰ Сыну Ивана Берладника.

⁸¹ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 446, 447.

⁸² который ему угры поставили на вершине башни.

⁸³ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 448.

⁸⁴ Могушественному владими́ро-суздальскому государю Всеволоду Юрьевичу.

⁸⁵ *Летопись по Ипатскому списку.* С. 448.

⁸⁶ Там же. С. 448, 449.

⁸⁷ Там же. С. 449.

⁸⁸ Предположительно Мстиславом Романовичем из смоленской династии Ростиславичей (к ней принадлежал и Рюрик киевский), с 1197 г. смоленским князем (см.: *Донской Д.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. Ренн, 1991. № 401. С. 143).

⁸⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 468.

Глава 5

¹ Галицько-Волинський літопис.

² *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 472—474.

³ *Пауто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 21—67.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 326.

⁵ *Monumenta Poloniae Historica*. Т. II. Lwów, 1872. P. 439.

⁶ *Włodarsky B.* *Polska i Ruś*. 1194—1340. Warszawa, 1966. S. 20.

⁷ *Baumgarten N.* Op. cit. Tabl. V. № 36. P. 26.

⁸ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 420.

⁹ *Пауто В. Т.* Указ. соч. С. 194.

¹⁰ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 3.

¹¹ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 418, 420.

¹² Языческие народы.

¹³ Восточные народы в средневековой ученой литературе считались потомками библейских Измаила и его рабыни Агари.

¹⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 77.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 418.

¹⁷ Кадлубек сообщает, что Роман схватил многих великих галицких бояр и жестоко покарал их: одних живьем закапывал в землю, с других сдирал кожу и пр. (*Monumenta Poloniae Historica*. Т. II. P. 440—441).

¹⁸ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1997. С. 137.

¹⁹ Сына княжеского кормильца, воспитателя предположительно Владимира Ярославича.

²⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 77.

²¹ *Monumenta Poloniae Historica*. Т. II. P. 836, 876.

²² *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси X—XIII вв. Киев, 1985. С. 121 и сл.

²³ *Котляр М. Ф.* Галицьке боярство проти князів-Романовичів // Археологія. Київ, 1999. № 2.

²⁴ *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 162—163.

²⁵ Галицько-Волинський літопис. С. 77.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. Л., 1927. Стб. 427. Далее Суздальская летопись используется по этому изданию...

²⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 77.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. С. 166.

³² Галицько-Волинський літопис. С. 80.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ Там же.

³⁵ *Котляр Н. Ф.* Формирование территории... С. 132.

³⁶ Галицько-Волинський літопис. С. 92.

³⁷ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 435, 463.

³⁸ Там же.

³⁹ Из летописных контекстов понятно, что «малой дружиной» обычно называли воинский контингент двора.

⁴⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 92.

⁴¹ Там же. С. 94.

⁴² На распространенность этой поговорки в славянском мире указывает приведение ее в «Великой хронике» XIII в., в контексте, где речь идет об отце Даниила Романа (польская «Великая хроника»).

⁴³ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 49, 51 и др.

⁴⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 92.

⁴⁵ Тысяцкий Даниила.

⁴⁶ Галицкий боярин.

⁴⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 92.

⁴⁸ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 47.

⁴⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 92.

⁵⁰ *Котляр М. Ф.* Данило Галицький. К., 2002. С. 125—137, 203—233 и др.

⁵¹ Галицько-Волинський літопис. С. 80.

⁵² Боярин двора Даниила.

⁵³ Предводитель враждебной Романовичам галицкой боярской партии.

⁵⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 108.

⁵⁵ Там же. С. 101—102 и др.

⁵⁶ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 19400; *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

⁵⁷ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 218—232.

⁵⁸ Юноши, здесь в значении подмастерья.

⁵⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 122.

- ⁶⁰ Там же. С. 128.
⁶¹ Там же. С. 109.
⁶² *Раппопорт П. А.* Холм // Советская археология. Т. 20. 1964.
⁶³ *Плано Карпини Иоанн де.* История монголов. СПб., 1911. С. 57—60.
⁶⁴ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 472.
⁶⁵ *Пауто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 271—272.
⁶⁶ *Каргалов В. К.* Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 140—145.
⁶⁷ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 471.
⁶⁸ Там же. Стб. 473.
⁶⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 120.
⁷⁰ *Котляр М. Ф.* Данило Галицький. К., 2002. С. 319.
⁷¹ Галицько-Волинський літопис. С. 119—123.
⁷² Там же. С. 123.

Глава 6

- ¹ Многочисленные свидетельства этого рассыпаны в новгородском летописании. См.: Новгородская первая летопись...
² Повесть временных лет. С. 88.
³ Там же. С. 110.
⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 45—46.
⁵ *Zaki F.* Przemyśl // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc. 1970. Т. 1. Cz. 1. S. 387—388.
⁶ Повесть временных лет. С. 38.
⁷ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 132.
⁸ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 442.
⁹ *Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Июль. С. 121—149.
¹⁰ *Ратич О. О.* Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. К., 1957. С. 70—71.
¹¹ Повесть временных лет. С. 116—117.
¹² На Ростиславичей.
¹³ *Jana Długosza* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1969. KKs. 3/4. S. 370—371.
¹⁴ *Długosz J.* Op. cit. S. 165; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 138.
¹⁵ *Аулих В. В.* Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. К., 1980. С. 145.
¹⁶ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 60.
¹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

- ¹⁸ Там же. С. 218.
¹⁹ Там же. С. 221.
²⁰ Там же. С. 318—319.
²¹ Monumenta Poloniae Historica. Т. II. Lwów, 1872. P. 437—441.
²² Галицько-Волинський літопис. С. 77.
²³ Там же.
²⁴ Лихачев Д. С. Комментарий // Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 409.
²⁵ ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 201, 202.
²⁶ Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. К., 1998. С. 162—163.
²⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 77.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. С. 80.
³⁰ Даниил тогда жил в Венгрии.
³¹ Галицько-Волинський літопис. С. 78.
³² Там же.
³³ Там же. С. 82.
³⁴ Там же. С. 81.
³⁵ Там же. С. 82.
³⁶ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 13.
³⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 82.
³⁸ Там же. С. 92.
³⁹ Тысяцкий Даниила Романовича.
⁴⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 92.
⁴¹ Из летописных контекстов понятно, что «малой дружиной» называли воинский контингент княжеского двора.
⁴² Галицько-Волинський літопис. С. 92.
⁴³ Там же. С. 99.
⁴⁴ Раппопорт П. А. Холм // Советская археология. 1964. Т. 20. С. 313—320.
⁴⁵ Галицько-Волинський літопис. С. 103, 124.
⁴⁶ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 105.

Глава 7

- ¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 206.
² Галицько-Волинський літопис. С. 104.
³ Ростислав Михайлович, возглавлявший авангард вражеского войска.

- ⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 108.
- ⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 145—148.
- ⁶ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. С. 233—235.
- ⁷ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 304, 316, 317, 318.
- ⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 83.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 95.
- ¹² Двоюродный брат Даниила, враждебный ему белзский князь Александр Всеволодич, неоднократно упоминающийся в этой книге.
- ¹³ Галицько-Волинський літопис. С. 93.
- ¹⁴ Дашкевич Н. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев, 1876; Терещук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976.
- ¹⁵ Галицько-Волинський літопис. С. 104.
- ¹⁶ Там же. С. 110.
- ¹⁷ Новгородская первая летопись... С. 285.
- ¹⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 85.
- ¹⁹ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. С. 57, 267.
- ²⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 110.
- ²¹ Codex diplomaticus Arpadianus. Ed. G. Vencel. Т. 4. Pest, 1864. P. 13.
- ²² Галицько-Волинський літопис. С. 78.
- ²³ Там же. С. 78—81.
- ²⁴ Там же. С. 82, 83, 90—94.
- ²⁵ Там же. С. 92.
- ²⁶ Там же. С. 97.
- ²⁷ Котляр М. Ф. Военное мистецтво Давньої Русі. Київ, 2005. С. 50—51.
- ²⁸ Повесть временных лет. С. 27.
- ²⁹ Там же. С. 101.
- ³⁰ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 444.
- ³¹ Источники никогда не называют их среди должностных лиц двора.
- ³² Галицько-Волинський літопис. С. 83.
- ³³ Котляр М. Ф. Коментар // Галицько-Волинський літопис. С. 200, 214, 215.
- ³⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 100.
- ³⁵ Там же. С. 100, 101.
- ³⁶ Там же. С. 80.
- ³⁷ Там же. С. 81.
- ³⁸ Там же. С. 89.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.
- ⁴¹ Подробно об Иване Ростиславиче см.: Толочко П. П. Иван Берладник // Толочко П. П. Історичні портрети. К., 1990.

- ⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 234.
⁴³ Иван Юрьевич, сын Долгорукого, князь курский.
⁴⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 237.
⁴⁵ Там же. С. 239.
⁴⁶ Там же. С. 335.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же. С. 348.
⁴⁹ Там же. С. 355.
⁵⁰ Толочко П. П. Иван Берладник. С. 237—238.
⁵¹ Папуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 139.
⁵² Галицько-Волинський літопис. С. 117.
⁵³ См.: Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. Ренн, 1991. № 337. С. 127; № 461. С. 162.
⁵⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 123.
⁵⁵ Донской Д. Указ. соч. № 337. С. 1274; № 460. С. 162.
⁵⁶ Папуто В. Т. Указ. соч. С. 139, 149.
⁵⁷ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 440—441.
⁵⁸ Донской Д. Указ. соч. № 259. С. 101.
⁵⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 125.
⁶⁰ Там же. С. 128.
⁶¹ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XIII siècle. Roma, 1928. Tabl. XI, № 22.
⁶² Город на северо-западном рубеже Волыни с Мазовией.
⁶³ Галицько-Волинський літопис. С. 136.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же. С. 136, 137.
⁶⁶ Там же. С. 137.
⁶⁷ Там же.
⁶⁸ Там же. С. 154, 155.

Глава 8

¹ См., напр. Buczek K. Książęca ludność służebna w Polsce wczesnofeudalnej. Wrocław; Kraków, 1958.

² Флоря Б. Н. Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2.

³ Хорошо вооруженных воинов.

⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1986. С. 7—12.

⁵ Лукин П. В. Древнерусские «вои» IX—начала XII в. // Средневековая Русь. Т. 4. М., 2004. С. 5—58.

- ⁶ Торжественная палата во дворце князя, где происходили совещания князя с дружиною и пиры.
- ⁷ Повесть временных лет. С. 56.
- ⁸ *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 144—145.
- ⁹ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2000. С. 74.
- ¹⁰ Новгородская первая летопись... С. 42, 73.
- ¹¹ Там же. С. 42, 73.
- ¹² Галицько-Волинський літопис. С. 94.
- ¹³ Там же. С. 117, 118.
- ¹⁴ Там же. С. 118.
- ¹⁵ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 593.
- ¹⁶ *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 153.
- ¹⁷ Стольник Даниила.
- ¹⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 103.
- ¹⁹ *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы феодальной земельной собственности // Пути развития феодализма. М., 1972. С. 161.
- ²⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 81.
- ²¹ *Котляр М. Ф.* Джерела складання та форми феодального землеволодіння в Давній Русі // Український історичний журнал. 1984. № 2. С. 34—36.
- ²² *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 478.
- ²³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского словаря. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 519.
- ²⁴ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 455.
- ²⁵ Новгородская первая летопись... С. 273.
- ²⁶ Повесть временных лет. С. 101.
- ²⁷ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 591—592.
- ²⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 274.
- ²⁹ Своему двоюродному брату.
- ³⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 365.
- ³¹ Там же. С. 372.
- ³² Галицько-Волинський літопис. С. 81.
- ³³ Там же. С. 120.
- ³⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 87.
- ³⁵ Повесть временных лет. С. 35.
- ³⁶ *Шахматов А. А.* Мстислав Любый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. Харьков, 1899.
- ³⁷ На самом деле это произошло в 978 г.
- ³⁸ Повесть временных лет. С. 36.
- ³⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 326.
- ⁴⁰ Там же. С. 399—401.

⁴¹ Повесть временных лет. С. 105.

⁴² Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. С. 529—530.

⁴³ Новгородская первая летопись... С. 293, 449.

⁴⁴ Это летописное упоминание о седельничем приводит и словарь Срезневского.

⁴⁵ Галицько-Волинський літопис. С. 93.

⁴⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 288.

Глава 9

¹ Хачатурян Н. А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. М.; СПб., 2001. С. 19.

² Галицько-Волинський літопис. С. 77.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 98, 99.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ «Великая хроника» о Польше. Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987. С. 137.

¹⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 89.

¹¹ Там же. С. 92, 93 и др.

¹² Там же. С. 95, 96.

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ См. оригинальную книжку польского исследователя: *Dalewski Z. Władza prestrzeń ceremoniał.* Warszawa, 1996.

¹⁵ Польская С. А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе. М.; СПб., 2001. С. 235 и сл.

¹⁶ Галицько-Волинський літопис. С. 80.

¹⁷ Стойкая в древнерусской письменности формула существования союзного соглашения между князьями.

¹⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 99.

¹⁹ *Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XIII siècle.* Roma, 1927. Tabl. IV, № 22. P. 20.

²⁰ Лаврентьевская летопись, 2. Стб. 310.

²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 275.

²² Галицько-Волинський літопис. С. 82.

²³ Котляр М. Ф. До питання про візантійське походження матері Данила Галицького // Археологія. № 2. К., 1991.

- ²⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 112.
²⁵ Там же. С. 113.
²⁶ Там же. С. 117.
²⁷ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 81—82.
²⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 110.
²⁹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis.* Ed. *Fejer.* T. IV, V. 2. Budaë, 1829. P. 220, 221.
³⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 110.
³¹ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 151.
³² Галицько-Волинський літопис. С. 77.
³³ *Пархоменко В. А.* Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 391—393.
³⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 111.
³⁵ Там же. С. 119.
³⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 471.
³⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 105.
³⁸ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 53.
³⁹ Цитируется по кн.: *Котляр М. Ф., Ричка В. М.* Княжий двір Південної Русі. К., 2008. С. 346.
⁴⁰ *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 127 и сл.
⁴¹ *Гуревич А. Я.* Пир // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 359—360.
⁴² *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и служб им. Пгр., 1916. С. 19.
⁴³ Союзного ему венгерского войска.
⁴⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 288, 289.
⁴⁵ Там же. С. 290.
⁴⁶ Галицько-Волинський літопис. С. 93.
⁴⁷ Там же. С. 94.
⁴⁸ Повесть временных лет. С. 55.
⁴⁹ Касоги — летописное название северокавказского народа адыгов или черкесов.
⁵⁰ Галицько-Волинський літопис. С. 93.
⁵¹ Там же.
⁵² Там же. С. 107.
⁵³ Там же. С. 129.
⁵⁴ Повесть временных лет. С. 104.
⁵⁵ Там же. С. 104, 105.
⁵⁶ Галицько-Волинський літопис. С. 143, 144.
⁵⁷ Вольнский город, основанный Даниилом в начале 1240-х гг.
⁵⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

-
- ⁵⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 359.
⁶⁰ *Nic. Chop. De Andron.* II, 11. Ed. Bonn. P. 452.
⁶¹ Повесть временных лет. С. 31.
⁶² Летопись по Ипатскому списку. С. 240.
⁶³ Там же. С. 315, 316.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агафья, княгиня, жена Юрия Всеволодича 122
- Агнесса, княгиня, жена Мстислава Изяславича 114
- Аепа Осеневич, половецкий хан, 189
- Алекса, дворский 155
- Александр, тиун 181
- Александр Всеволодич, кн. белзский, кн. владими́ро-во́лынский 121, 147, 148, 157, 178, 204
- Александр Ярославич (Невский), кн. переяславский (Залесский), кн. новгородский, кн. тверской, кн. владимирский 80, 130, 131, 184
- Александр Македонский 298
- Алексей III Ангел, византийский император 114
- Анастасия из рода Чагров 104, 106
- Анастас (Корсунянин), священник 38
- Анбал, ключник 183
- Андрей, воевода, дворский 122, 149, 154, 167, 176
- Андрей II, венгерский король 117, 146, 193
- Андрей, отрок 176
- Андрей, стольник 179
- Андрей Владимирович, кн. владими́ро-во́лынский, кн. переяславский 10, 11, 69, 92, 99
- Андрей Ярославич, кн. владимирский, кн. суздальский 130—133
- Андрей Юрьевич (Боголюбский), кн. вышгородский, кн. пересопницкий, кн. владимирский 81, 86, 90, 176, 183
- Андрей, венгерский королевич 108, 123
- Андроник I Комнин, византийский император 208
- Анна, княгиня, жена Владимира Святославича 38
- Анна, княгиня, вторая жена Романа Мстиславича 97, 114, 117—120, 127, 146, 147, 160, 164
- Анна, княгиня, жена Даниила Романовича 196
- Антоний, новгородский епископ 179
- Аскольд, кн. 7, 25, 26, 30, 32, 58, 59
- Асмуд, кормилец Святослава Игоревича 71, 162
- Атрак (Отрок), половецкий хан 114, 115, 199
- Батый, монгольский хан 23, 122, 127—130, 151, 163, 177, 197

- Баумгартен Н. 168
Бела III, венгерский король 107, 156
Бела IV, венгерский король 197, 198
Бертран де Борн, трубадур 202
Бережков Н. Г. 141
Богуслав, брат тысяцкого Вячеслава 179
Болеслав Кривоустый, кн. польский 99, 114
Болеслав Смелый, кн. польский 38, 40
Болеслав II, кн. краковский 168, 169
Боняк, половецкий хан 87
Борис Владимирович, св., кн. ростовский 36, 41
Борис Вячеславович, кн. 12, 54, 56
Борис Юрьевич, кн. белгородский, кн. туровский 185
Боровский Я. И. 84
Боян, певец 201
Браун Ф. А. 40
Брячислав Изяславич, кн. полоцкий 43, 54
Бурундай, монгольский военачальник 129, 151
- Василько Гаврилович**, воевода 122
Василько Константинович, кн. ростовский 79
Василько Рогволодович, кн. полоцкий 195
Василько Романович, кн. владимиро-волынский 23, 55, 120—122, 136, 144, 146—148, 151, 152, 155, 160, 161, 163, 164, 175, 185, 189, 196—199, 202, 204, 209
Василько Романович, кн. слонимский 168, 169
Василько Ростиславич, кн. тербовльский 137, 139—141
Веселовский С. Б. 97
Вишта (Вышата?), воевода 169
- Владимир**, столбник 179
Владимир I Святославич (Святой), кн. киевский 10, 11, 14, 30, 32—45, 47, 53, 67—69, 84, 85, 87, 145, 173, 174, 182, 183, 189, 190, 203, 205
Владимир Андреевич, кн. владимиро-волынский, дорогобужский, пересопницкий 103
Владимир Василькович, кн. владими́ро-волынский 162, 167—169, 208
Владимир Всеволодич Мономах, кн. киевский 12—14, 17, 23, 48, 49, 51, 56, 57, 59, 60, 63, 71, 87, 88, 114, 138—140, 162, 180, 183, 189, 199, 207
Владимир Глебович, кн. рязанский 168
Владимир Игоревич, кн. путивльский, кн. галицкий 118, 146
Владимир Мстиславич, кн. дорогобужский кн. владими́ро-волынский, кн. трепольский, кн. киевский 185
Владимир Мстиславич, кн. псковский 80
Владимир Рюрикович, кн. переяславский, кн. смоленский, кн. киевский 22, 113
Владимир Ярославич, кн. новгородский 43, 48, 49, 55
Владимир Ярославич, кн. перемышльский, кн. галицкий 94, 98, 102, 104—110, 113, 138, 143
Владимирский-Буданов М. Ф. 155
Владислав, кн. краковский 92
Владислав, тысяцкий 124
Владислав Кормильчич, боярин 116, 121, 143, 178,
Войшелк, кн. литовский 168, 197
Володарь Ростиславич, кн. перемышльский 55, 91, 95, 137—140

- Володимирко (Владимир) Володаревич, кн. галицкий 60, 90, 91—96, 98—104, 117, 120, 136, 139, 140—142, 165, 196
- Володислав Воротиславич, боярин 181,
- Воронин Н. Н. 90
- Воротислав, боярин 120, 147
- Всеволод Владимирович, кн. владими́ро-во́лынскый 36, 39
- Всеволод Всеволодич, кн. червенский 121, 178
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, вышгородский, псковский 79
- Всеволод Ольгович, кн. черниговский, кн. киевский 18, 22, 57, 91, 92, 98, 141, 195
- Всеволод Святославич (Чермный), сын Святослава Всеволодича, кн. черниговский, кн. киевский 112, 113, 122
- Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), кн. киевский, кн. переяславский (Переяславля Залесского), кн. владимирский 22, 42, 63, 64, 70, 106, 109, 112, 174
- Всеволод Юрьевич, кн. новгородский 79
- Всеволод Ярославич, кн. переяславский, кн. черниговский, кн. киевский 12, 44, 46—48, 50—56, 59, 84, 86, 88, 137
- Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий 54
- Всеслава, княгиня, супруга Ярослава Глебовича 63
- Вышата, киевский воевода 54, 55
- Вышеслав Владимирович, кн. новгородский 36
- Вячеслав, тысяцкий 179
- Вячеслав Владимирович, кн. смоленский, кн. туровский, кн. переяславский, кн. киевский, кн. пересопницкий 60, 61, 85, 88, 89, 141, 183, 204
- Вячеслав Толстый Великий, во́лынскый боярин 120, 122, 147, 163, 164
- Вячеслав Ярославич, кн. смоленский 46, 47, 54
- Вячеслав, боярин Романа Мстиславича 194
- Гаврило Душилович, воевода 122
- Гаюк, монгольский хан 130
- Геза II, венгерский король 99, 100
- Глеб Владимирович, св., кн. муромский 36, 41
- Глеб Всеславич, кн. минский, кн. полоцкий 14
- Глеб Зеремеевич, боярин 163
- Глеб Святославич, кн. тмутороканский, кн. новгородский 54
- Горский А. А. 67
- Греков Д. Б. 6, 18, 35, 54
- Григорий (Ростислав) Василькович, кн. теребовльский 140, 141
- Грушевский М. С. 6, 43, 48, 54, 55, 78, 93, 96, 101, 124, 137, 152, 182, 197
- Давид (Давыд) Игоревич, кн. тмутороканский, кн. дорогобужский, кн. владими́ро-во́лынскый 137, 138
- Давид (Давыд) Мстиславич, кн. торопецкий 80
- Давид (Давыд) Ростиславич, кн. новгородский, кн. новоторжский, кн. витебский, кн. вышгородский, кн. смоленский 63
- Давид (Давыд) Святославич, кн. новгородский, кн. смоленский, кн. черниговский 87
- Давид Ярунович, тысяцкий 156

- Давидовичи (Давыдовичи), княжеский клан, потомки Давида Святославича 18, 19, 59, 89, 166
- Даниил Романович, кн. владимироволынский, кн. галицкий 23, 74, 89, 90, 94, 97, 104, 107, 120—123, 125—129, 131—134, 136, 144, 146—152, 154, 155, 157, 158, 161, 163, 167, 168, 175—179, 181, 182, 185, 188—194, 196—202, 204—206, 208, 209
- Демьян, тысяцкий 120, 122—124, 147, 149, 150, 157, 164, 175
- Дир, кн. 7, 25, 26, 30, 32, 58, 59
- Длугош, Ян, польский хронист 113, 115, 139, 140, 202
- Дмитрий, тысяцкий 113, 157, 163
- Дмитрий Донской, великий князь московский 134
- Добиаш-Рождественская О. А. 202
- Доброслав Судыч, галицкий боярин 177, 178, 180
- Добрыня, дядя Владимира Святославича 36, 161, 182
- Дончук, волынский боярин 118, 119
- Дунай, воевода 169
- Евстафий Константинович, служебный кн. 167, 168
- Елена Юрьевна, супруга Святослава Ольговича 196
- Желислав, боярин 169
- Земовит, кн. мазовецкий 175
- Иаков Мних, инок Киево-Печерского монастыря 30
- Ибн Фадлан, Ахмад ибн ал-Аббас, арабский путешественник 84
- Иван (Игорь) Василькович, кн. галицкий 92, 140—142
- Иван III Васильевич, великий князь московский 134
- Иван Михайлович, седельничий 185
- Иван Ростиславич (Берладник), кн. звенигородский 92—94, 102, 104, 141, 142, 165, 167
- Иван Халдеевич, воевода 98
- Иван Юрьевич, кн. курский 165
- Игоревичи, княжеский клан, сыновья Игоря Святославича 116, 126, 146, 157, 164
- Игорь (Рюрикович?), кн. киевский 9, 11, 27, 29—33, 53, 58, 59, 66—68, 71, 84, 182
- Игорь Ольгович, кн. киевский 85, 156, 165
- Игорь Святославич, кн. новгород-северский, кн. черниговский 106, 112, 115, 143
- Игорь Ярославич, кн. владимироволынский, смоленский 46, 47, 54
- Изяслав Владимирович, кн. новгород-северский 208
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 36
- Изяслав Давидович (Давыдович), кн. черниговский, кн. киевский 61, 103, 104, 145, 166, 167
- Изяслав Мстиславич, кн. курский, кн. полоцкий, кн. переяславский, кн. владимиро-волынский, кн. киевский 60, 61, 85—89, 91, 95, 99, 100, 103, 136, 141, 142, 165, 166, 181, 185, 195, 196, 203, 204, 209
- Изяслав Ростиславич, кн. свислоцкий 167
- Изяслав Ярославич, кн. киевский 12, 44—47, 50—55, 84, 86, 137
- Иларион, митрополит 30
- Ингварь Ярославич, кн. дорогобужский, кн. владимиро-волын-

- ский, кн. дорогобужский, кн. луцкий, кн. киевский 115
Иннокентий IV, папа Римский 197
Иосаф, епископ угровский, митрополит владимирский 159
Иосиф, киевский митрополит 159
Ираклий, сын Даниила Романовича 196
- Кадлубек, Винсентий, польский хронист 113, 115, 143
Казимир II Справедливый, польский король 108, 114
Карамзин Н. М. 6
Кирилл I, митрополит киевский 179
Кирилл II, митрополит киевский 131, 158—160
Ключевский В. О. 6, 48, 49, 52, 87
Кобяк, половецкий хан 21
Коломан, венгерский король 91
Конрад, кн. мазовецкий, кн. краковский 168, 169
Константин Владимирович рязанский, служебный кн. 154, 167, 168
Константин Серославич, боярин 105
Констанция, жена Льва Даниловича 160, 197
Крипякевич И. П. 152
Куно, германский граф 38
Куремса, монгольский военачальник 133, 134
- Лазарь, тысяцкий 156
Лев Данилович, кн. галицкий 133, 151, 152, 160, 169, 182, 196, 197
Лев Диакон, византийский историк 31
Лешек Белый, кн. краковский 117, 118, 121, 122, 146—148, 156, 160, 178, 196
- Лимонов Ю. А. 176
Лиутпранд, епископ Кремонский 31
Лихачев Д. С. 145
Лука-Жидята, епископ новгородский 43
Лукин П. В. 173
Людвик XIII, французский король 193
Людвик XIV, французский король 153
- Мавродин В. В. 6
Мал, древлянский князь 182
Малк Любечанин 182
Малуша, ключница, мать Владимира Святославича 161, 182, 183
Мануил I Комнин, византийский император 208
Мария, жена Святослава Всеволодича 195
Маркс, Карл 37
Масуди, арабский историк 31
Мауци, монгольский темник 129
Мельникова Е. А. 10,
Мешко III Старый, кн. польский 114
Микула, сотский 123, 150, 190
Миндовг, кн. литовский 132, 168, 196, 197
Мирослав, волынский боярин 119—121, 123, 147, 160, 161, 163, 164
Митуса, придворный певец 199—203
Михаил Всеволодич, кн. черниговский, кн. новгородский, кн. галицкий, кн. киевский 79, 113
Михаил Ярославич (Хоробит), кн. московский, кн. владимирский
Молибоговичи, боярский род 175, 185, 205, 206
Мономашичи, княжеский клан, потомки Владимира Мономаха 18, 19, 42, 43, 59, 63, 89, 204, 209

- Мстислав Владимирович (Великий), кн. киевский 14, 15, 18, 57, 88, 136, 140
- Мстислав Владимирович, кн. тмутороканский, кн. черниговский 11, 19, 36, 41—43, 53, 59, 205, 206
- Мстислав Данилович, кн. луцкий, кн. владими́ро-во́лынский, сын Даниила Романовича 169, 170
- Мстислав Изяславич, кн. владими́ро-во́лынский, кн. киевский 114, 136, 181
- Мстислав Мстиславич (Удатный), кн. торопецкий, кн. новгородский, кн. галицкий 82, 148, 156, 157, 163, 196, 202
- Мстислав Романович, кн. псковский, кн. белгородский, кн. смоленский, кн. киевский 22, 79, 109, 113, 118
- Мстислав Романович, сын Даниила Романовича, кн. владими́ро-во́лынский 196
- Мстислави́чи, княжеский клан, потомки Мстислава Владимировича Великого 18, 59, 61, 99, 104, 143
- Назаренко А. В. 144, 145
- Неврюй, монгольский темник 132
- Нерядец, убийца Ярополка Изяславича 137
- Нестор, летописец 6, 7, 11, 23, 33, 34, 36, 38—40, 42, 47, 55, 69, 70, 71, 84, 162, 174, 182, 202, 205, 209
- Нечипор, во́лынский боярин 118, 119
- Огуль-Гамыш, монгольская ханша 130
- Олег (Вещий), кн. киевский 8, 9, 11, 25, 27—33, 35, 53, 58, 59, 66, 83, 145
- Олег (Настасьич) Ярославич, кн. галицкий 106, 138
- Олег Святославич (Гориславич), кн. черниговский 12, 13, 56, 87, 88
- Олег Святославич, кн. древлянский 42, 53
- Ольга Юрьевна, княгиня, жена Ярослава Осмомысла 99, 104, 105, 196
- Ольга, кн. киевская 9, 10, 32, 33, 34, 68, 71, 83—85, 162, 182, 183
- Ольговичи, княжеский клан 18—20, 22, 42, 59, 61, 63, 89, 118, 120, 196, 209
- Оловянец, воевода 169
- Ослябя, русский богатырь 206
- Остромир, новгородский посадник 54, 55
- Оттон I (Великий), германский император 38
- Пашуто В. Т. 16, 112, 152, 167
- Пересвет, русский богатырь 206
- Петр Бориславович, боярин 90, 100—103, 142
- Плано Карпини, Иоанн, папский посол 129
- Погодин М. П. 97
- Позвизд, сын Владимира Святославича 36, 40
- Поппэ А. 51, 53
- Порей, киевский воевода 54, 55
- Предслава, первая жена Романа Мстиславича 114
- Пресняков А. Е. 36, 40, 48, 54, 70, 153, 155
- Рагуйло, тысяцкий 156
- Редедя, кн. касогов 205, 206
- Рейнберн, епископ колобжегский 40
- Рогволод, кн. полоцкий 183
- Рогвольд Борисович, кн. полоцкий 195

- Рогнеда, жена Владимира I Свято-
славича 183
- Рогов А. И. 33
- Род, тиун 181
- Роман Данилович, сын Даниила Ро-
мановича, кн. слонимский 167,
168, 196, 208
- Роман Игоревич, кн. звенигород-
ский, галицкий 146
- Роман Мстиславич, кн. владими-
ро-волинский, кн. галицкий 64,
70, 97, 104, 106—08, 110—117,
119—121, 127, 136, 143, 146, 147,
151, 160, 188, 189, 198—200
- Романовичи, княжеский клан, по-
томки Романа Мстиславича 97,
117—122, 124, 125, 128, 129, 133,
143, 144, 147—150, 156, 157, 160,
161, 163, 164, 167, 173, 186, 188—
194, 196—200, 204, 206, 209
- Ростислав Владимирович, кн. тму-
тороканский 54, 55, 137
- Ростислав Володаревич, кн. пере-
мышльский 139—141
- Ростислав Иванович, кн. 108
- Ростислав Михайлович, кн. новго-
родский, кн. галицкий, кн. луц-
кий, кн. черниговский 113, 127,
144, 150, 154, 155, 158, 167, 168,
190, 194, 197, 206, 207
- Ростислав Мстиславич, кн. смолен-
ский, кн. киевский 61, 70, 165,
166, 183, 209
- Ростислав Рюрикович, кн. белго-
родский, кн. торчешский, кн. выш-
городский, кн. киевский, кн. га-
лицкий 109
- Ростислав Святополчич, кн. пин-
ский 167
- Ростислав Юрьевич, кн. новгород-
ский, кн. переяславский 88
- Ростиславичи галицкие, княжеская
династия, потомки Ростислава
Владимировича 19, 55, 59, 110,
137, 138, 139, 143
- Ростиславичи смоленские, княже-
ская династия, потомки Рости-
слава Мстиславича 19, 22, 59,
61—63, 82, 113, 196, 209
- Рыбаков Б. А. 6, 11, 16, 45, 106, 173,
178, 179, 199
- Рюрик Ростиславич, кн. пере-
мышльский 96, 137, 139
- Рюрик Ростиславич, кн. смолен-
ский, торчешский, новгородский,
киевский, черниговский 19, 20,
22, 42, 62—64, 109, 112, 114, 115,
118, 161, 199
- Рюрик, варяжский предводитель,
родоначальник династии Рюри-
ковичей 23, 27, 30, 31, 32
- Рюриковичи 23, 35, 49, 50, 51, 53,
56, 85, 167, 170, 191
- Свенельд, воевода 71, 162
- Свердлов М. Б. 76, 176
- Святополк Владимирович (Яропол-
чич) Окаянный, кн. туровский,
кн. киевский 36, 40—42
- Святополк Изяславич, кн. полоц-
кий, кн. новгородский, кн. ту-
ровский, кн. киевский 12, 13, 56,
57, 59, 71, 87, 88, 138, 139
- Святополк Юрьевич, кн. туровский
106
- Святополк, служебный кн. 105
- Святослав Владимирович, кн. де-
ревский (древлянский) 36, 41
- Святослав Всеволодич, сын Всево-
лода Ольговича, кн. туровский,
кн. владимири-волинский, кн.
новгород-северский, кн. черни-
говский, кн. киевский 19, 20, 22,
43, 62, 63, 109, 195
- Святослав Всеволодич, кн. новго-
родский, кн. юрьев-польский, кн.

- перяяславский, кн. суздальский, кн. владимирский 82
- Святослав Игоревич, кн. киевский 10, 11, 30, 35, 49, 53, 68, 71, 85, 162, 209
- Святослав Игоревич, кн. новгород-северский, кн. владими́ро-во́лын-ский, кн. пере́мышль-ский 118
- Святослав Ольгович, кн. новгород-ский, кн. новгород-северский, кн. курский, кн. черниговский 103, 165, 166, 196, 209
- Святослав Юрьевич, кн. 162
- Святослав Ярославич, кн. черниговский, кн. киевский 12, 44, 46—48, 52—55, 202
- Святослави́чи, княже́ский клан, по-томки Свято́слава Яро́слава-ча 13
- Семен Олуевич, воевода 122
- Сергеевич В. И. 68
- Симеон Лагофет, византийский хронист 31
- Соловьев С. М. 6, 55
- Срезневский И. И. 179
- Судислав Владимирович, кн. псков-ский 36, 44, 45,
- Судислав, боярин 122—124, 149, 150, 191
- Татищев В. Н. 55, 104, 140
- Твердислав Михалкович, новгород-ский посадник 79
- Теодор Годфруа, юрист 193
- Титмар, епископ Мерзебургский, хронист 38
- Тихомиров М. Н. 6, 91, 94
- Толочко А. П. 50
- Толочко П. П. 6, 84
- Тудор Елчич, воевода 103
- Феннел, Джон 22
- Феодосий, игумен Киево-Печер-ского монастыря 202
- Фильный, венгерский воевода 155
- Филипп, боярин 157
- Фотий, патриарх 27
- Франклин, Саймон 46
- Фридрих I Барбаросса, германский император 108
- Хот Григорьевич, наместник Яро-слава Всеволодича 82
- Чагры, боярский род, 104
- Черепнин Л. В. 11, 35, 50, 52, 177
- Шахматов А. А. 26, 30, 36
- Шварн Данилович, кн. 151—153, 182, 196, 197
- Шютр (Шутровий Мондуни́ч), ят-вяжский князь 164
- Юрий Владимирович (Долгорукий), кн. суздальский, кн. киевский 60, 61, 82, 85, 86, 88, 89, 99, 100, 104, 142, 145, 165, 167, 181, 185, 195, 204, 209
- Юрий Всеволодич, кн. владимир-ский 79, 121, 161, 162, 179
- Юрий Львович, сын Льва Данило-вича, кн. 169
- Юрий, кн. поросский 169
- Юшков С. В. 35, 49, 50
- Яга́йло (Владислав), литовский князь, польский король 96
- Яков, стольник 177, 180
- Яков, ловчий 184
- Ярополк Владимирович, кн. пере-славский, кн. киевский 18, 57
- Ярополк Изяславич, кн. вышгород-ский, туровский, владими́ро-во-лын-ский 139
- Ярополк Святославич, кн. киев-ский 33—35, 42, 53, 183

- Ярослав Владимирович (Мудрый), князь киевский 11, 12, 14, 17, 19, 23, 35, 36, 39, 41—47, 49—55, 57—59, 69, 70, 85, 88, 144, 174, 203
- Ярослав Владимирович (Осмомысл), кн. галицкий 94, 98, 99, 101—104, 106, 137, 143, 162, 165—167, 196, 208, 209
- Ярослав Владимирович, кн. новгородский 79
- Ярослав Всеволодич, сын Всеволода Ольговича, кн. стародубский, кн. черниговский 42, 70, 174
- Ярослав Всеволодич, кн. переяславский (Залесский), кн. владимирский, кн. киевский 79, 80, 82, 113, 129, 179
- Ярослав Глебович, кн. рязанский 63
- Ярослав Изяславич, кн. туровский, новгородский, владими́ро-волинский, луцкий, киевский 105
- Ярослав Ингваревич, кн. луцкий 122, 164
- Ярослав Святославич, кн. муромский, кн. черниговский 87
- Ярослав Ярославич, кн. тверской, кн. владимирский 130, 131
- Ярославичи 12, 16, 19, 20, 45, 47—52, 54, 56, 57, 59, 87, 88, 195
- Ярун, тысяцкий 156

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Возникновение и эволюция государственности	5
Глава 2. Княжеская власть на Руси	24
Глава 3. Государственная служба	65
Складывание и эволюция государственной службы (княжеского двора) в XII—XIII вв.	72
Двор и дворяне	77
Глава 4. Княжеские дворы в XII в.	83
Двор Киева	83
Двор Галича	89
Двор Володимерка Володаревича	91
Служба князю	97
Двор против князя (времена Ярослава и его сына Владимира)	102
Глава 5. Властные структуры в Южной Руси XIII в.	111
Предыстория формирования властных институций в Южной Руси в XIII в.	113
Складывание двора Романовичей	119
Место двора в государственной деятельности князей	125
Нашествие орд Батыя	127
В надежде объединить Русь	129
Глава 6. Странствующие княжеские дворы	135
Глава 7. Государственные служащие на Руси XII—XIII вв.	153
Дворский	154
Тысяцкий	155

Печатник	158
Советники	160
Военные чины	161
Воеводы	161
Служилые князя	164
Глава 8. Придворные и военные должности, дворяне и мини-стериялы	171
Военные люди	172
Вои	172
Гриди	173
Отроки	175
Дворяне	176
Придворные должностные лица и слуги	179
Стольник	179
Тиун	180
Ключник	182
Ловчие, седельники, мытники	184
Глава 9. Публичная деятельность княжеской службы	187
Обоснование и пропаганда законности действий государя	187
Церемониал и этикет княжеского двора	192
Восхождение на стол	193
Династические браки	195
Придворные развлечения	198
Певцы и трубадуры	198
Пирь, рыцарские поединки и турниры, охота	203
Примечания	210
Указатель имен	232

Научное издание

Николай Федорович Котляр
КНЯЖЕСКАЯ СЛУЖБА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 19.07.2017. Формат 60 × 88 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.2. Уч.-изд. л. 13.5.

Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 3129

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039668-5

9 785 02 013 966 851

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

И. В. КУРУКИН

ЭПОХА «ДВОРСКИХ БУРЬ»
ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ (1725—1762 гг.)

«Эпоха дворцовых переворотов» 1725—1762 гг. — период, когда реформы Петра I и созданные им имперские структуры проходили проверку временем. В книге исследуются причины наступившей в послепетровское время политической нестабильности и механизмы ее преодоления, рассматриваются события дворцовых «революций» 1725, 1727, 1730, 1740—1741 и 1762 гг., выявляются их типичные черты и особенности, прослеживаются судьбы их участников и вызванные ими к жизни практики взаимодействия верховной власти и дворянства. Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся отечественной историей.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»**

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

А. Р. КОРСУНСКИЙ

ГОТСКАЯ ИСПАНИЯ

**ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Книга классика отечественной медиевистики — Александра Рафаиловича Корсунского — посвящена политике и обществу одной из ключевых стран Западной Европы после падения Римской империи — вестготской Испании в V—VIII вв. Готы, основавшие первое варварское королевство под эгидой римских императоров, лучше других сумели распорядиться наследием римлян, переняв у них политический и культурный багаж. На Пиренейском полуострове вестготы создали блестящую цивилизацию, политические и социальные особенности которой А. Р. Корсунский подробно рассматривает в своей книге.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

**МЕЧ И ЛИРА. ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА**

Книга посвящена древнеанглийской героико-эпической поэзии и воссозданию того идеального мира, в котором живут и действуют ее герои. В ней рассматриваются произведения разных жанров: собственно героический эпос, элегии, поэмы на библейские сюжеты и исторические песни в их соотнесенности с героическим миром англо-саксов. Он рождается и находит наиболее полное воплощение в эпосе, ему — прошлому — противопоставляется настоящее элегий, под его влиянием трансформируется библейский нарратив, его идеалам пытаются следовать герои исторических песней. Книга может представить интерес и быть полезной для медиевистов, историков литературы и культуры, фольклористов, а также всех, кого интересует Средневековье.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24

КНЯЖЕСКАЯ СЛУЖБА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Книга Н. Ф. Котляра посвящена истории княжеского двора в Киевской Руси — политического, экономического и символического центра древнерусской державы. Автор показывает, как из княжеских дружинников раннесредневекового государства постепенно складывался сложный, многоуровневый механизм управления. В книге рассказывается о том, кто окружал князей Рюриковичей на советах и княжеских съездах, на войне и в повседневной жизни. Подробно освещены церемониал и этикет княжеского двора, придворные развлечения — охота, выступления певцов, пиры и ристалища.

Издательство «Наука»